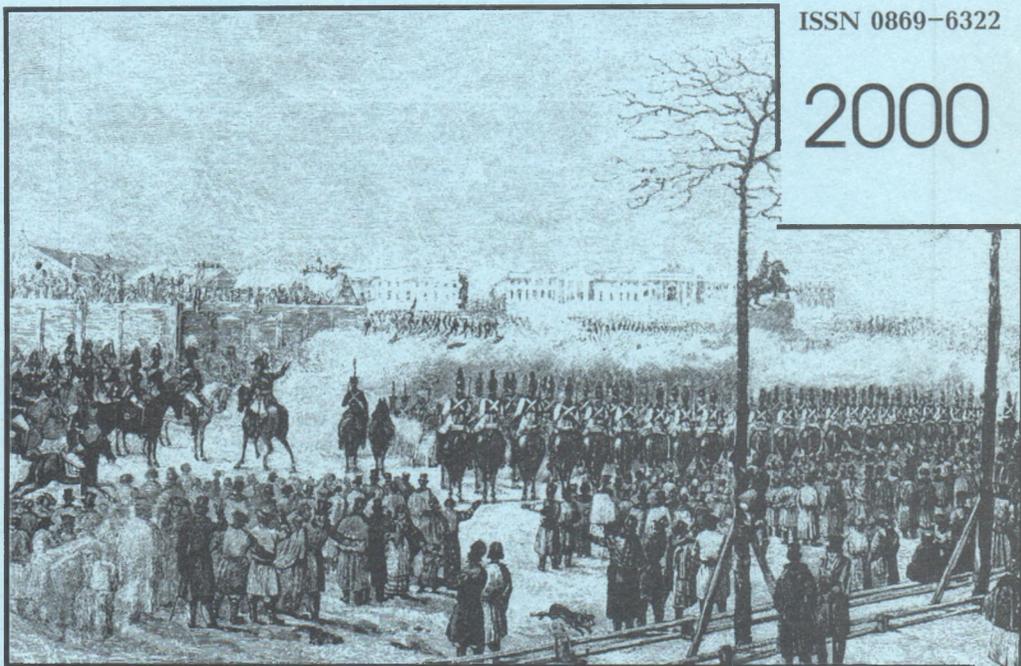

ISSN 0869-6322

2000

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

**К 175-ЛЕТИЮ
ВОССТАНИЯ
ДЕКАБРИСТОВ**

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 6

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

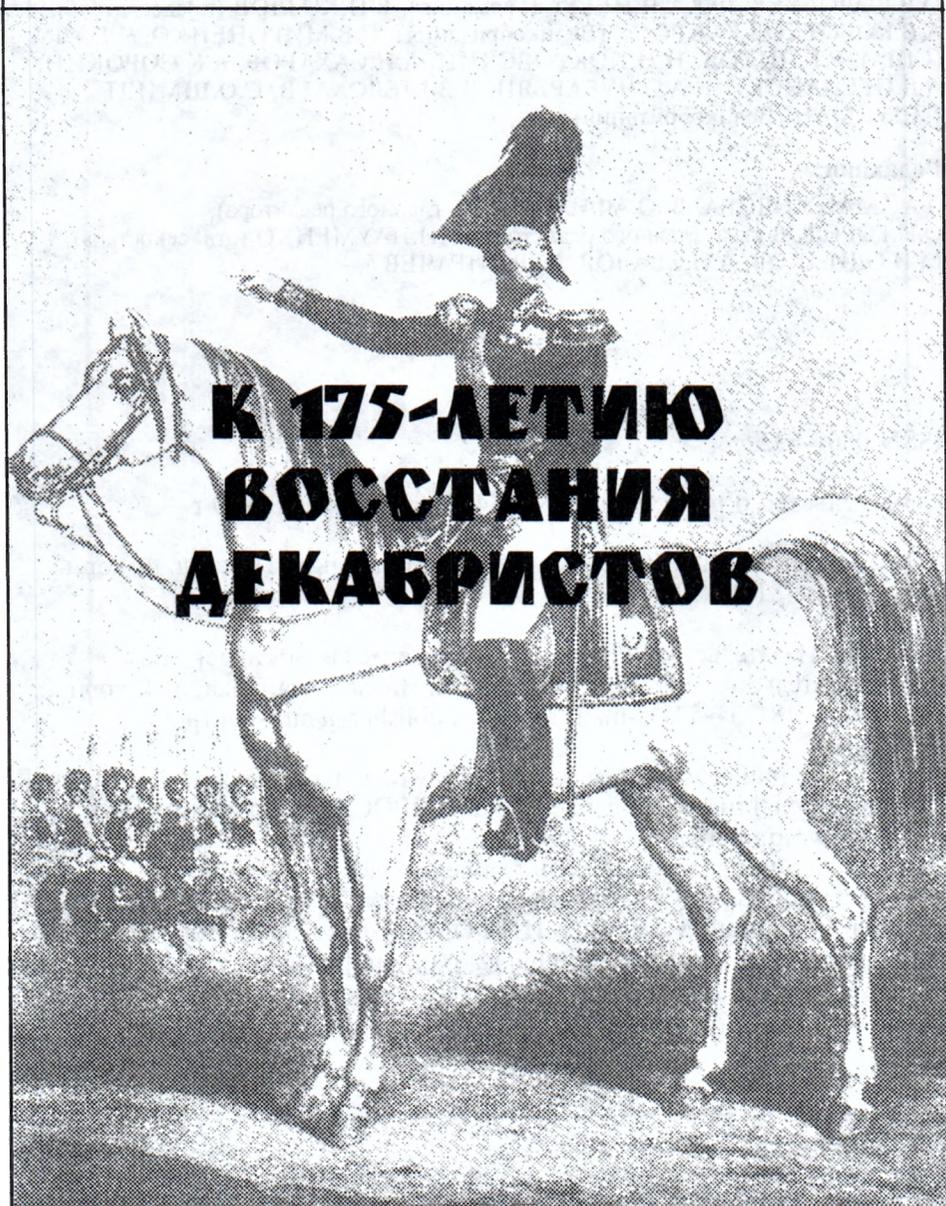
НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2000

№ 6

Выходит 6 номеров в год

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, ДЖ. БИЛЛИНГТОН (США), Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ,
О.В.ВОЛОБУЕВ, Ф.КАЛЕНБЕРГ (Германия), В.П.КОЗЛОВ (председатель),
А.В.КОРОТКОВ, Э.КРОСС (Великобритания), С.В.МИРОНЕНКО, Ч.ПАЛМ
(США), Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ,
Г.ШУКМАН (Великобритания)

Редакция:

Д.А.АМАНЖОЛОВА, В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора),
О.И.ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».

Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> gopher://gopher.ripn.net

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2000

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

ИСТИННЫЕ И ВЕРНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

В феврале 1816 г. была учреждена первая собственно декабристская организация — «Союз спасения». Устав Союза дал ему новое название — «Общество истинных и верных сынов Отечества». Это название (в литературе оно не прижилось) глубоко символично: любовь к Родине, честь и достоинство, стремление избавить страну от самодержавия и крепостничества были присущи большинству участников движения декабристов.

В книге барона М.А.Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (СПб., 1848) декабристы представлены как скопище безумцев, «чуждых нашей святой Руси», а их заговор — как «гнойный нарост на великоленном теле самодержавной России», «без корней в прошлом и перспектив в будущем». Автор этой охранительной концепции декабризма оказался неправ. Имена и судьбы первых русских революционеров, величие их подвига навсегда вошли в историю России. Сбылось другое пророчество, поэта-декабриста А.И.Одоевского:

*Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя.*

Декабристам посвящена огромная литература — свыше 12 тысяч наименований. Многочисленны и разнообразны опубликованные источники об их жизни и деятельности. Тем не менее изучение проблемы продолжается.

В юбилейную рубрику № 6 «Исторического архива» включены материалы, затрагивающие различные аспекты истории России первой четверти XIX века. Два документа — записка графа А.А.Аракчеева Александру I (1815 г.) и письмо декабриста Н.И.Кутузова Николаю I (1826 г.) — посвящены вопросам реформирования армии. Характерно, что оба автора, при всем различии их позиций, подчеркивают влияние войны 1812 года и заграничных походов русской армии на формирование у значительной части офицерского корпуса новых политических взглядов и настроений.

Большой интерес представляет письмо декабриста Н.В.Басаргина начальнику Главного штаба 2-й армии П.Д.Киселеву. Как справедливо отмечает публикатор этого документа, «расшифровка» содержания письма требует дополнительных разысканий, анализа содержащихся в нем фактов и обстоятельств.

Недостаточно исследованный сюжет о скорбном пути осужденных декабристов на каторгу и в ссылку раскрывает подборка документов, извлеченных из фондов ГА РФ и РГВИА. Последняя публикация в рубрике — письма декабриста М.М.Нарышкина, которые хранятся в основном в Отделе рукописей РГБ; они относятся к первому периоду его службы на Кавказе (1837—1838 гг.), куда он был «определен» рядовым после 10 лет каторги и ссылки в Сибирь.

Публикуемые документы подготовлены ведущими специалистами по декабризму. Среди них — профессор Московского энергетического института (технического университета) А.К.Нарышкин — прямой потомок известного в истории России рода Нарышкиных.

«ВО ВНИМАНИИ К ПОЛЬЗАМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ...»

Записка графа А.А.Аракчеева Александру I
о реформе армии. 1815 г.

Имя графа Алексея Андреевича Аракчеева давно и прочно вошло в историографию как символ реакционного курса правительства Александра I после Отечественной войны 1812 г., получившего емкое и броское название «аракчеевщины». Действительно, Аракчеев оказывал значительное влияние на управление государственным аппаратом. Но при этом исследователям мало известны собственные проекты и записки графа. Исключение составляет его проект освобождения крестьян 1818 г., который дошел лишь в подробном изложении, содержащемся в анонимной записке о деятельности Аракчеева в крестьянском вопросе. Копия этого документа сохранилась в архиве историка Н.К.Шильдера, автора фундаментальных биографий императоров Павла I, Александра I и Николая I, а также в «Записке о разных предположениях по предмету освобождения крестьян», составленной в правительственных кругах при подготовке реформы 1861 г. Указанный проект достаточно полно прокомментирован в научной литературе¹.

Историкам, которые в настоящее время исследуют жизнь и деятельность А.А.Аракчеева², приходится, как правило, опираться на уже известные материалы или же по крупицам собирать новую информацию о нем. Дело усложняется тем, что не существует единого фонда А.А.Аракчеева, письменные источники, связанные с его жизнью и деятельностью, рассеяны по многим архивохранилищам страны³. Значительное количество материалов, по-видимому, утрачено, либо осело в частных коллекциях как в нашей стране, так и за рубежом. Вот почему каждый найденный документ представляет ценность для дальнейшей разработки проблемы.

---

¹ См.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957. С. 347—348; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 100—104.

² См.: Федоров В.А. А.А.Аракчеев (1769—1834) // Вестник Московского университета. Серия «История». 1993. № 3; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17—62.

³ После смерти А.А.Аракчеева в апреле 1834 г. книги и документы из его двух обширных библиотек в Санкт-Петербурге и в селе Грузино были частично переданы в распоряжение Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса, а значительная их часть распродана с аукциона и осела в частных коллекциях. В настоящее время отложились следующие фонды А.А.Аракчеева: Российский государственный военно-исторический архив (ф. 154), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 471), Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ф. 190), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 29), Государственный архив Новгородской области (ф. 581), Новгородский объединенный государственный музей-заповедник (фонд Аракчеева).

Работая в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, мне посчастливилось обнаружить документ, который озаглавлен (по-видимому, его владельцем) «Проект Графа Аракчеева, относящийся к содержанию, комплектованию и обмундированию армии с разделением ее на действующую и резервную и расписание по губерниям»⁴. Заметим, что документ хранится не в фонде Аракчеева, а в фонде, образующем «Коллекцию по истории армии, флота и внешней политике России конца XVII — начала XX вв.» (согласно справочной информации отдела, он был куплен в 1918 г. у К.Е.Гrove). Именно этим обстоятельством можно объяснить, что данный источник до сих пор не был введен в научный оборот.

Единица хранения включает: опись бумаг (л. 2—3), собственноручную «Записку Г. Аракчеева Государю Императору» (л. 1—13об.)⁵, писарскую копию «Записки» с карандашными пометами Александра I (л. 14—28об.), «Записку, писанную к Графу А.А.Аракчееву от статс-секретаря Марченки»⁶ из Вены 31 марта 1815 года, заключающую в себе мысли его на проект Графа А.А.Аракчеева, который сообщен ему был для прочтения» (л. 42—45об.). Листы, имеющие нумерацию с 29 по 41об., представляют собой всевозможные черновые наброски, сделанные рукой Аракчеева. Ниже публикуются две записки — Аракчеева Александру I и В.Р.Марченко Аракчееву.

Несколько слов о датировке записки А.А.Аракчеева. На писарской копии рукой Аракчеева помечено: «Государь читал 20 апреля 1816 годом в Царском Селе»; вероятно, поэтому владелец документа и датировал проект 1816 годом; эта же дата значится в справочных материалах ОПИ ГИМ. Однако записка В.Р.Марченко, датированная мартом 1815 г., позволяет утверждать, что Аракчеев писал свою записку императору не позднее начала 1815 г. Документ позволяет также утверждать, что Аракчеев не соглашался с идеей поселения армии, а предлагал иные варианты выхода из создавшегося тяжелого положения.

Сравнительный анализ собственноручной записки Аракчеева и ее писарской копии показывает, что между ними есть определенные расхождения: в последней, например, есть разделы, которые отсутствуют в автографе. Отсюда можно предположить, что имеющийся в нашем распоряжении авторский текст не является окончательным и в процессе работы над ним исправлялся и дополнялся Аракчевым.

Записка А.А.Аракчеева (док. № 1) воспроизводится по писарской копии. По принятым в то время нормам составления подобных документов, текст занимал правую половину листа, левая часть отводилась для соответствующих замечаний и помет. В целях сокращения объема публикации текст подается в обычном формате, с указанием замечаний, сделанных рукой Александра I. На полях и в тексте имеются также многочисленные отчеркивания, подчеркивания, сделанные рукой Александра I, наиболее важные, с его точки зрения, места помечены знаком NB. Немало помет императора и на записке В.Р.Марченко (док. № 2). Стилистика и лексика оригиналов сохраняются, орфография и пунктуация даются с учетом современных требований.

Публикацию подготовил доктор исторических наук К.М.ЯЧМЕНИХИН.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 264. Ед. хр. 31.

⁵ Записка А.А.Аракчеева, писарская копия с нее и последующие материалы имеют собственную пагинацию.

⁶ Марченко В.Р. (1782—1841) — в 1813—1815 гг. находился при Главной квартире императора. В 1815 г. назначен статс-секретарем и правителем дел Комитета министров. С 1830 г. — государственный секретарь, позже — член Государственного совета.

№ 1

Записка Г[рафа] Аракчеева Государю Императору^а*[Начало 1815 г.]*

Во внимании к пользам государственным, я уже несколько раз осмеливался в разговорах объяснить свое мнение, что содержание армии в нынешнем ее числе (полагая каждый батальон в 1000 человек и каждый эскадрон — в 200 человек) рядовых будет для государства не только тягостно, но впоследствии и вовсе невозможно. Оставаясь при сем правиле, я изыскивал различные способы к отвращению заблаговременно тех препятствий, кои, скопляясь время от времени, могут явиться вдруг во всей огромности своей и поставить правительство в затруднительное положение. Три способа принимаются за основание.

Первый: в известном Вашему Величеству поселении войск, чему и опыт уже производится, но поселение сие потребует: во-первых, больших издержек, а во-вторых, до приведения онаго в то положение, чтобы оно убавило расходы военные, пройдет очень много времени, как напротив того, сокращение государственных расходов непременно нужно теперь. По таковой необходимости сей способ нахожу я неудобным к исполнению.

Второй состоит в убавке двадцатипятилетнего служения солдатам и в обращении по окончании срочных лет их службы в первобытное состояние. Сей способ есть полезнейший для умножения земледелия в пространном и малонаселенном нашем Государстве, но может быть воспрепятствуют оному мнения нынешнего века о философической вольности, которая однако у нас долго еще не может быть полезна ни для правительства, ни для подданных.

Наконец, третий способ, который считаю удобным потому, что он может в скором времени быть исполнен, а притом при облегчении немедленно издержек военного департамента, в то же самое время не расстраивает и состояние армии в нынешнем ее положении, следовательно, всегда армию можно будет и после сего предположения обращать постепенно в первый или во второй из вышеизъясненных способов, если из них который усмотрится впредь удобным.

Сей третий способ состоит из следующих главных правил:

- 1-е) Разделения войск на армии действующую и резервную.
- 2-е) Состава резервных войск.
- 3-е) Расположения войск по всему государству.
- 4-е) Из лучшего распорядка рекрутских наборов.
- 5-е) Из обмундировки принимаемых рекрут на особых правилах.
- 6-е) Из положения о содержании Резервной армии в мирное время.
- 7-е) Из положения о комплектовании действующих армий в мирное время.

Изъяснение первого правила

От пехотных полков совершенно отделить по одному батальону, а от кавалерийских полков — по два эскадрона действующих и по запас-

---

^а Заголовок документа.

ному; от артиллерии — излишние роты; после чего останутся действующие полки пехотные в два батальона, а кавалерийские сформируются по-прежнему в шесть эскадронов.

Отделенные войска вместе с внутренней стражей составят резервные. Они должны разделены быть на две армии под управлением одного Главнокомандующего, из коих одна наименуется — Подвижная Резервная, а другая — Внутренняя Резервная.

Внутренняя Резервная армия состоять должна из губернских и гарнизонных батальонов, запасных эскадронов, инвалидов и гарнизонных артиллерийских рот, а прочие войска составлять будут Подвижную Резервную Армию.

Изъяснения второго правила

Состав Подвижной Резервной армии будет из батальонов, бригад, дивизий и корпусов, но в таком расчете, что каждый корпус сей армии будет иметь по одному батальону на действующую дивизию. Батальоны должны именоваться номерами дивизий, к коим они назначаются, следовательно, по числу дивизий действующих будет резервный подвижной Корпус состоять из 22-х батальонов, кои могут составить две дивизии по 11 батальонов.

По числу же армии будет в Резервной Подвижной армии 6 корпусов. Для гвардии и гренадер может составляться особый корпус, к коему может быть присоединен резерв и для Финляндского корпуса^а, а для 19 и 20 дивизий нужно сделать особое положение.

По сему составу в каждом корпусе будут следующих номеров батальоны: в одной дивизии — 5, 14, 6, 4, 28, 25, 27, 7, 24, 11 и 17, а в другой — 23, 12, 26, 15, 8, 10, 9, 13, 16, 18 и 22.

Из сих батальонов составитя в каждой дивизии две бригады, первая — из шести, а вторая — из пяти батальонов. Кавалерия и артиллерия составят особые два корпуса.

Изъяснение третьего правила

Войска действующих армий поставить квартирами в пограничных губерниях так, чтобы они имели военное расположение, но не были бы стеснены между собою и не делали тяготы поселянам, для чего и назначая губернии^б: 1. Эстляндскую, 2. Лифляндскую, 3. Курляндскую, 4. Виленскую, 5. Гродненскую, Белостокскую область, 6. Волынскую, 7. Каменец-Подольскую, Бессарабскую область, 8. С.-Петербургскую, 9. Псковскую, 10. Витебскую, 11. Минскую, 12. Могилевскую, 13. Киевскую, 14. Херсонскую, 15. Таврическую, 16. Олонекскую, 17. Новгородскую, 18. Тверскую, 19. Смоленскую, 20. Черниговскую, 21. Полтавскую, 22. Екатеринославскую.

Армию же Подвижную Резервную расположить в следующих губерниях: 1. Московской, 2. Калужской, 3. Тульской, 4. Орловской, 5. Кур-

---

^а После слова «корпуса» стоит звездочка; под звездочкой в нижней части листа: «в коем 21 пех. дивизия».

^б Перечисление губерний в тексте идет в столбик.

ской, 6. Слободско-Украинской (Харьковской), 7. Ярославской, 8. Владимирской, 9. Рязанской, 10. Тамбовской, 11. Воронежской, 12. Архангельской, 13. Вологодской, 14. Костромской, 15. Нижегородской, 16. Пензенской, 17. Саратовской, 18. Вятской, 19. Казанской, 20. Симбирской.

Два однако же корпуса Резервной Подвижной армии поместить в тех самых губерниях, где будет действующая армия.

За сим расположением останутся не вошедшие в расписание губернии: Сибирских — три, Оренбургская, Кавказская и Астраханская. Первые три — по удалению, а последние три — для войск Оренбургской линии и Грузии.

Корпус кавалерийский Резервной армии расположить особенно в таких местах, в коих способны формировать и содержать кавалерию, наблюдая сие и для Артиллерийского корпуса.

Изъяснение четвертого правила

Новый распорядок рекрутских наборов должен заключать следующие главные предметы:

а) Составление пятисотных рекрутских неперменных участков от одной ревизии до другой^а.

в) Отделение мелкопоместных дворянских имений из сих участков и обложение их ежегодной податью^б.

с) Объявление в каждом участке назначаемого в рекруты заблаговременно.

д) По исполнении всего вышесказанного, расписание к резервным батальонам уездов, с коих каждому батальону получать рекрут, как равномерно для кавалерии и артиллерии^в.

Изъяснение пятого правила^г

Рекрутская одежда вместо крестьянского платья признана вообще полезной мерой в армии, но обмундирование рекрут от злоупотребле-

^а На полях помета рукой Александра I: «Новый таковой участок по новому положению составляет 1000 чел.».

^б На полях помета рукой Александра I: «Сие в новом Уставе уже постановлено и составляет новый предмет дохода».

^в На полях помета рукой Александра I: «Сие требует зрелого обсуждения».

^г На полях помета рукой Александра I: «Сия часть получила большие усовершенствования и ныне требуемая сумма ограничена до возможности. Мысль, чтобы рекрут обмундировать не в рекрутскую одежду, а в армейскую амуницию была уже предложена; нужно соображение — сколько сие составит излишнего расхода и нельзя ли покрыть оного зачетными [квитанциями ?] ныне в пользу рекрут определяемыми; во всяком случае, сию издержку можно принять по военной ведомости, или в пользу их обратить деньги, вносимые по новому уставу с мелкопоместных имений, не вошедших в состав рекрутских участков. Как сих сумм будет для сего слишком избыточно, по моему мнению, то можно бы остатки обращать в оборотные капиталы или во вспомогательный капитал для кирасиров. Министерство же финансов обходилось бы сей статьей дохода, которая ныне только возымела свое действие».

ния приемщиков произвело во многих местах Государства неудовольствие и жалобу.

Сие полезное учреждение нужно облегчить для отдатчиков^а и употребить его на облегчение издержек государственных, для чего нужно при приеме рекрут принимать в казну с отдатчиков деньгами, начислив во что обмундирование рекрута может обойтись.

Сию сумму обращать в военный департамент и ею обмундировывать всю Резервную армию не в рекрутскую уже одежду, а в амуницию, в армии употребляемую. Через что целая треть армии будет всегда обмундирована на сумму, не принадлежащую государственным доходам.

Изъяснение шестого правила

Содержание Резервной армии в мирное время определить таким образом: все собираемые рекруты поступают в Резервную армию, где и остаются они в мирное время два года, для чего и предположено некоторые резервные войска расположить в тех губерниях, где располагаются действующие.

Сим самым способом заменится учреждение рекрутских особых депо, коих польза доказана уже несколькими годами. Расходы же, на них употребляемые ныне, обратятся в экономию.

По приеме рекрут в Резервную армию, должны находиться они при батальонах до тех пор, пока узнают и образуются совершенно в учении им принадлежащем, на что я полагаю достаточно определить четыре месяца; по прошествии сего времени половина рекрут лучших в поведении и знании распускается в дома, где они остаются положенное время, которое должно быть не менее четырех и не более шести месяцев. В сие время они будут находиться в своих домах и заниматься работой, не получая от казны ни жалования, ни провианта, следовательно, содержание половины Резервной армии нисколько казне стоить не будет.

По возвращении же их, другая половина рекрут отпускается в свои дома, а первая занимается службой.

Сим отпуском не должны только пользоваться рекруты дурного поведения, сделавшие два побега и не знающие твердо службы.

Изъяснение седьмого правила

По величине нынешних батальонов, я полагаю комплектование действующих войск делать через два года. К оному времени приводить в известность недостаток в действующих армиях, и то число людей, по выключке из Резервной армии, помещать в действующие.

Постановить правилом, чтобы и из действующих армий отпускаемы были лучшие солдаты по домам на шесть месяцев или и более попеременно, до 160 человек из каждого пехотного полка (что составит в целой дивизии 960 человек), каковое число людей при экстренной надобности действующих войск немедленно может пополниться из того резервного корпуса, который расположен вместе с действующими войсками.

---

^а Семьи, из которых брались рекруты.

На сем основании сделать положение об отпусках по кавалерии и артиллерии.

По сему расчету и действующие войска будут иметь в отпуску к земле до 30 тыс. человек, от коих продовольствие и жалование останется в экономии. Но дабы не сделано было возражения на отпуски со стороны отвычки людей от воинских упражнений, то я полагаю, распущенные по домам люди из действующих войск могут быть адресованы каждой губернии в ведомство командиров резервных батальонов, кои будут собирать их несколько раз на известное число дней и обучать, выдавая ружья и амуницию от находящихся в отпуску рекрут.

О составе резерва для Гвардии, Гренадер и Финляндской дивизии^а

Нужно заметить, что гвардейские полки в нынешнем их числе не могут быть хорошо размещены в С.-Петербурге, а потребуют постройки новых казарм, без чего от тесного нынешнего расположения будут неминуемо болезни и большая убыль в людях; а если правительство и найдет удобность всю гвардию расположить в С.-Петербурге, то собрание в столице столь многого числа войск произведет как для жителей, так и для самой казны большую и бесполезную дороговизну на жизненные припасы, чему, кажется, можно пособить отделением от Гвардии резервов и помещением оных в другой столице, где они прилично могут занимать свое место.

Если же признается удобным, тогда гвардейский резерв будет состоять из 8 батальонов, сохраняя название полков и комплектуясь присылкою лучших людей из всех резервов армейских.

Три гренадерских дивизии будут иметь 18 батальонов, Финляндская дивизия — 6 батальонов, а всего — 24 батальона, кои и разделятся на две дивизии по 12 батальонов.

Каждая дивизия будет состоять из трех бригад по 4 батальона, коим называться 1, 2, 3 гренадерские и 4 финляндский батальоны. Следовательно, и в оном резерве останется одинаковое правило, то есть для каждой дивизии один батальон в бригаде.

Сии две дивизии будут комплектоваться рекрутами, назначаемыми по общему расписанию, а при выключке из резервов в действующие армии в мирное время людей, должно одними лучшими людьми комплектоваться.

Гренадерские полки. Недостающее затем число в оных наполнять из всех резервов. Остающиеся в гренадерских резервах люди по лучшему их образованию могут поступать вице-унтер-офицерами в пехотные полки.

Итак, корпус сей будет состоять из одной гвардейской и двух гренадерских дивизий. Гвардейская дивизия может быть расположена в Москве, а прочие две дивизии — по общему расписанию.

Сводный гвардейский легкий кавалерийский полк, составляющий резерв для Гвардейской легкой дивизии, также может быть расположен в Москве.

^а Данный раздел в собственноручной записке А.А.Аракчеева отсутствует.

Расписание кавалерии

По отделении от кавалерийских полков трех эскадронов в Резервную армию, оставшуюся кавалерию сформировать опять по 6 эскадронов в каждом полку, после чего и будет в действующей армии:

Кирасир	—	2 дивизии
Драгун	—	3 —“ —
Конных егерей	—	1 —“ —
Гусар	—	2 —“ —
Улан	—	2 —“ —
<hr/>		
10 див., 40 полков, 240 эскадронов		

В Резервной армии полагаю: полки кавалерийские составить из 8 эскадронов, дабы иметь на каждую дивизию полк, следовательно будет:

Кирасир	—	2 полка
Драгун	—	3 —“ —
Конных егерей	—	1 —“ —
Гусар	—	2 —“ —
Улан	—	2 —“ —
<hr/>		
10 полков, 80 эскадронов		

Убавляется против нынешнего 40 эскадронов, а именно: 8 кирасир, 16 конных егерей, 8 гусар, 8 улан.

Десять кавалерийских полков могут образовать собою в Резервной армии 2 дивизии по 5 полков, кои составят Кавалерийский особый корпус.

Если же нужно, то конных егерей оставить в действующих армиях 2 дивизии, а в резервной — 2 полка, после чего убавится кавалерии только 8 эскадронов.

Но если Легкую гвардейскую кавалерийскую дивизию оставить в нынешнем числе, а резерв ее составить из одного гвардейского кавалерийского полка, составляющего 8 эскадронов, то и убавки кавалерии не последует.

Запасные же эскадроны расположить в губернских городах, и которые заменят содержание нынешних губернских драгун.

Расписание артиллерии

По отделении третьих батальонов от полков достаточно иметь артиллерии в каждой дивизии 2 роты: одну батарейную и одну легкую, что составит по числу 28 действующих дивизий:

Батарейных	—	28 рот.
Легких	—	28 рот.

Оная артиллерия расположена будет при дивизиях.

Резервная артиллерия

Для действующих армий (полагая на каждый корпус и с гренадерским по одной роте батарейной и по одной конной) составить 3 резерва для пехотных, а четвертый — для кавалерийских корпусов.

1-й Резерв:	Батарейных	—	3
	Конных	—	3
		<hr/>	
Всего		—	6 рот
2-й Резерв:	Батарейных	—	3
	Конных	—	3
		<hr/>	
Всего		—	6 рот
3-й Резерв:	Батарейных	—	3
	Конных	—	3
		<hr/>	
Всего		—	6 рот
4-й Резерв:	Конных батарей	—	4 роты.

Все резервы артиллерийские содержат лошадей по мирному времени^а.
Всего артиллерии для действующих войск:

Батарейных	—	37 рот
Легких	—	28 —“—
Конных	—	9 —“—
Конных батарей	—	4 —“—

Всего — 78 рот, 936 орудий.

Сверх онаго гвардейская артиллерия — особо. Резервную действующую артиллерию расположить особо в губерниях, назначенных для действующих войск. Число действующей артиллерии определяет же число артиллерии в Резервной армии.

Как пешую артиллерию скорее можно реформировать, то и полагается иметь оной четвертую часть, т.е. 16 рот: 10 батарейных и 6 легких, а конную сформировать затруднительнее, то иметь оной третью часть, т.е. 4 роты: 1 батарейную и 3 легких.

Резервы артиллерийские, действующие всегда во время движения, разделяются по частям, почему удобным нахожу из действующих резервов артиллерийских в мирное время отделить один резерв в Резервную армию, который и считать в командировке. Сие делается для того, чтобы уменьшить содержание артиллерийских лошадей в Резервной армии, а людям, там находящимся, подать способ обучаться.

В Резервной же армии содержать лошадей в артиллерии считаю достаточным на 2 роты конных и 4 пеших, и то по мирному времени.

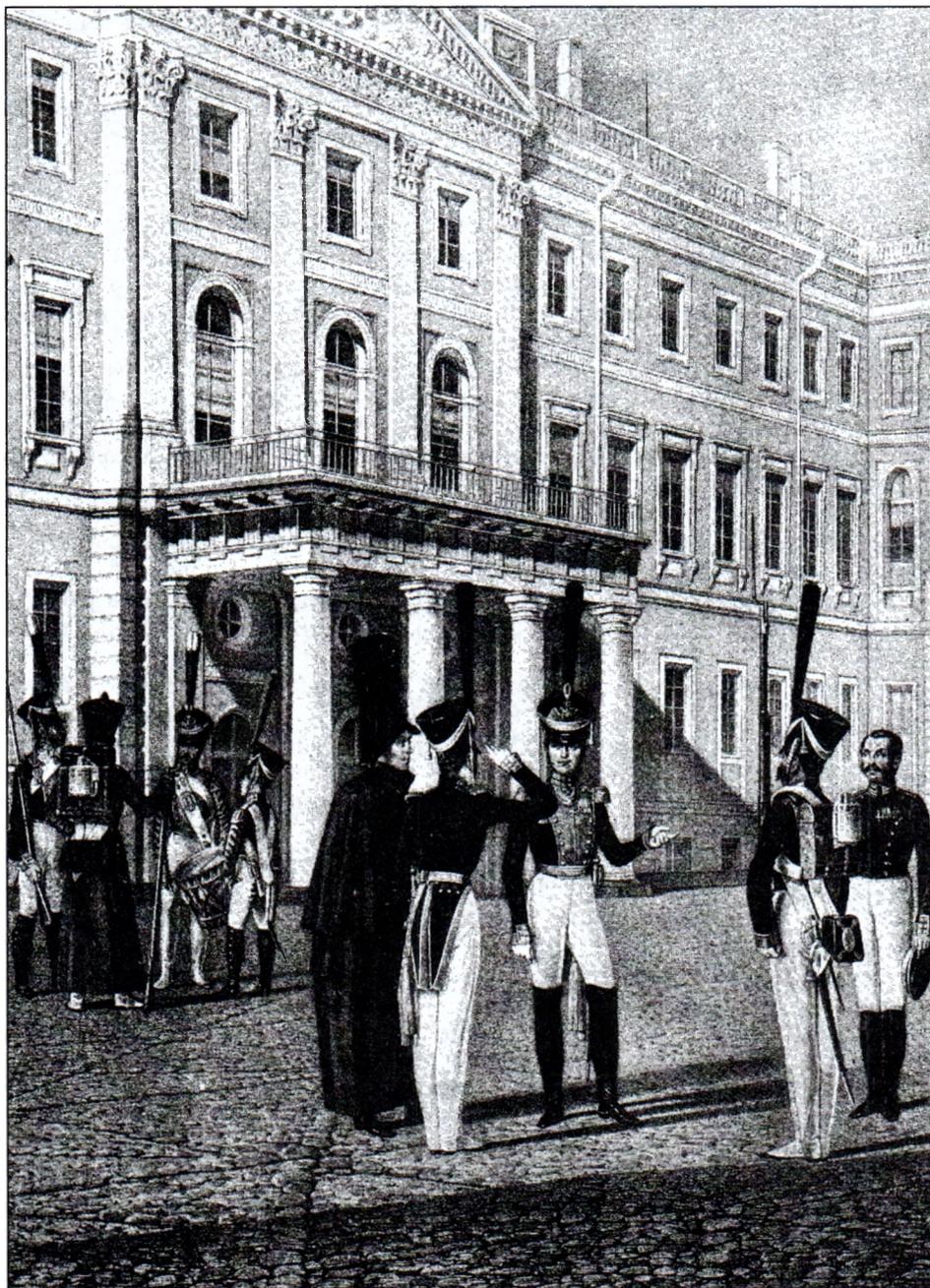
В артиллерии нужно еще сформировать несколько рот с одними зарядными ящиками, дабы иметь число комплектных зарядов при орудиях по 180-ти выстрелов, вместо ныне имеющихся ста двадцати.

Заключение

От сего распоряжения произойдут следующие выгоды:

1-е) По расположении войск по всему почти государству дается возможность иметь готовые действующие армии ближе к границам.

^а Так в тексте.

Форма лейб-гвардии Измайловского полка. 1818 г.

2-е) Через таковое расположение войск, содержание оных в продовольствии должно весьма знатно уменьшиться в издержках, а люди будут иметь выгоду в спокойном расположении.

3-е) Хлебородные губернии наши будут иметь способ продавать хлеб свой дома и тем обращение внутренних финансов облегчится.

4-е) При нынешнем составе полков они при всяком военном движении, отделяя третьи свои батальоны, имеют затруднение в сдаче^а оных и оставляют их или несданными или совершенно расстроеными, через что на составление резервных войск требуется много времени.

5-е) Полки в нынешнем состоянии менее заботятся иметь все положенные им вещи налицо, зная, что при движениях должны они выступить с двумя только батальонами.

6-е) По принятому ныне правилу содержат войска в составе армий, для чего же не содержать и резервы в таком порядке?

7-е) Учреждение рекрутских депо для облегчения привода людей по пространству нашего государства доказало уже ощутительную пользу, но содержание особо резервных Армий заменит сии учреждения с лучшею выгодою и пользою и убавит государственные издержки.

8-е) Рекруты, зная, что они поступают на службу вблизи своих семейств, менее будут страдать от разлуки с родными и перемены образа жизни, а со временем надеяться должно, что жалостная картина рекрутского у нас набора обратится в сносную по причине роспуска людей по домам.

9-е) По прошествии двух лет самое отправление людей в действующие армии, по сделанной уже ими привычке к службе, будет для них облегчительно, а при том они увидят, что из действующих армий товарищи их также пользуются отпусками в свои дома.

10-е) От пребывания людей в домах хлебопашество наше и внутреннее хозяйство почувствуют величайшую пользу, ибо число сих людей, кажется, может ежегодно простираться до 150 тыс. человек, кои, находясь дома, займутся изделием, а исподволь, так сказать, приготовить сами себя к поселению¹, ежели правительство приступит когда-нибудь к сей мере.

11-е) От сего числа людей знатно уменьшатся издержки по военному департаменту, а через получение за рекрутскую одежду деньгами, третья часть армии, как выше сказано, будет обмундировываться не на счет казны и в форменную же одежду.

12-е) Выключкою мелкопоместных дворян, не ставящих в натуре рекрут, уничтожатся нынешние затруднительные расчеты, а казна приобретет с них значительную сумму, которую полагал бы я содержать особо для экстраординарных расходов по военному департаменту.

13-е) Учреждением неперменных рекрутских участков облегчится расчет в рекрутской повинности и приведется сия часть в ясную и математическую известность, а назначением заблаговременно людей на службу отнимутся многие злоупотребления при сдаче оных, ибо, зная каждый заблаговременно свое назначение, иметь будет достаточно времени принести в неправильном назначении жалобу, а правительство будет иметь время разобрать и проверить оную.

---

^а Речь идет о передаче делопроизводственной документации.

**Примерное расписание
Резервной подвижной армии по губерниям**

При сем расписании взято следующее соображение.

Убыль действующих войск в мирное время не может и не должна быть более ежегодно как от 30 тыс. до 35 тыс. человек, что составит набор рекрутский по одному человеку с 500 душ^а.

Комплектование же действующих войск полагается производить через два года, следовательно и набор рекрутский должен быть через два года с пятисот по два человека.

По числу сего рекрутского набора выходит примерное уравнительное число рекрут в каждый батальон — 350, в эскадрон — 80, в артиллерийскую роту — 100 человек, а со всего набора в Резервную подвижную армию поступит рекрут в каждую пехотную дивизию 3850, в гренадерскую — 4200, в кавалерийский резервный корпус — 6400, а в артиллерию — 2600 человек.

На сем расчислении сбора рекрут и выходит примерное расписание Резервной подвижной армии по квартирам следующее:

I-го Корпуса:

Первая дивизия:

в губерниях: Лифляндской
Курляндской
Виленской^б.

Вторая дивизия:

в губерниях: Гродненской
Волынской
Минской: 4 уезда

Кавалерийский корпус:

в губерниях: Подольской
Киевской
Полтавской^в.

в губерниях: Артиллерия:
Черниговской
Орловской: 4 уезда

Гренадерских 12 батальонов:

в губерниях: Московской
Смоленской
Витебской

^а На полях помета рукой Александра I: «Весь сей расчет ошибочен».

^б С сих губерний собирается рекрут по два человека с 500 душ: 1054 чел. с Лифляндской, 773 с Курляндской, 2012 с Виленской, всего 3839 человек; то самое почти количество, какое нужно для комплектования войск в дивизии и Резервной армии (Примеч. автора).

^в При подобном расположении Резервной армии можно резервные войска разместить квартирами в одной Полтавской губернии, оставя Подольскую и Киевскую, занятую одними действующими войсками, приписав только оные губернии по сбору рекрут к оному корпусу, что и в других корпусах наблюдать следует (Примеч. автора).

- Гренадерских 6 батальонов и
Финляндской дивизии 6 батальонов:
- в губерниях: Ревельской
С.-Петербургской
Псковской
Новгородской: 4 уезда
Тверской: 8 уездов
- II-го Корпуса:
Первая дивизия:
- в губерниях: Архангельской
Олонецкой
Новгородской: 5 уездов
Вологодской
Тверской: 3 уезда
Ярославской: 4 уезда
- Вторая дивизия:
- в губерниях: Могилевской
Смоленской: 4 уезда
Минской: 5 уездов
Калужской: 3 уезда
- III-го Корпуса:
Первая дивизия:
- в губерниях: Калужской: 7 уездов
Орловской: 7 уездов
Тульской
- Вторая дивизия:
- в губерниях: Рязанской
Тамбовской
Владимирской: 7 уездов
- IV-го Корпуса:
Первая дивизия:
- в губерниях: Херсонской
Таврической
Екатеринославской
Харьковской: 5 уездов
Воронежской: 6 уездов
- Вторая дивизия:
- в губерниях: Харьковской: 4 уезда
Воронежской: 6 уездов
Курской
- V-го Корпуса:
Первая дивизия:
- в губерниях: Ярославской: 5 уездов
Владимирской: 5 уездов

	Костромской
	Нижегородской: 4 уезда
	Вторая дивизия:
в губерниях:	Нижегородской: 6 уездов
	Пензенской: 5 уездов
	Казанской
	VI-го Корпуса:
	Первая дивизия:
в губерниях:	Саратовской
	Симбирской
	Пензенской: 4 уезда
	Вторая дивизия:
в губерниях:	Вятской
	Пермской

Сие расписание есть примерное, ибо следует некоторые губернии отделить на укомплектование флота, и тогда оное совсем должно будет измениться. О флоте же равномерно нужно и возможно будет сделать подобное распоряжение.

ОПИ ГИМ. Ф. 264. Ед. хр. 31. Л. 14—28об.

№ 2

Записка В.Р.Марченко А.А.Аракчеву

31 марта 1815 г.

Нет сомнения, что расположение войск по всему государству уменьшит расходы на продовольствие их, но не сделает оно ощутительной экономии государственной. Количество военных людей в России несоразмерно теперь населению, и ежели с новым напряжением, с новыми налогами представится (ненадолго)^a возможность содержать их, то скоро ожидается совершенная невозможность комплектовать, хотя бы и срок службы не был убавлен. Есть селения у нас из 500 душ, где ни одного человека нет годного в рекруты и большая часть семей в деревнях имеют уже не более как по одному и много — по два работника. Возьмут их на службу и останутся: старые, увечные, малолетние, — последний удар земледелию. Можно ли ручаться еще при том, чтобы не потребовались люди свыше обыкновенного рекрутского набора? И тогда совершенно уже взять некого будет и огромная армия, которая тяжестью своей бесполезно давит в мирное время Государство, не принесет никакой пользы в критическую минуту. В теперешнем быту министр финансов не имеет достаточного числа денег, а министр внутренних дел и половинного количества сукон к удовлетворению надобностей военного департамента. Ваше Сиятельство, знаете, как изворотились в ас-

^a Так в тексте.

сигновке сумм на нынешний год, но не известно, может быть, что М[инистр]В[нутренних] дел после всех рассказов «Северной почты»² предлагает теперь Государю выписку сукон для армии из-за границы как единственное средство. Вот до чего доведены цветущие фабрики наши! Вот плоды нового хозяйства, на которое употреблено столько миллионов! Для любопытства вашего прилагаю копии с двух его докладов, на днях высланные ко мне, по коим не имею еще приказаний.

Итак, надобно сперва уменьшить армию до такой степени, чтобы население и способы Государства доставляли возможность содержать и комплектовать ее.

Я не говорю о необходимости прибавить жалование, полагая, что со входом во внутренние губернии можно будет как-нибудь перебиваться, а в пограничных существует прибавка, но скоро и сей предмет явится на сцену. Последняя война и желтая книжка³ такое дали понятие офицеру нашему и солдату, какого в ум не приходило им до 1812 года.

По моему мнению, необходимо нужно с окончанием войны:

1) Пехоту привести в мирное положение по штату 1802 года, или оставить сильные полки, уменьшить число дивизий, что будет еще выгоднее.

2) Кавалерии тоже уменьшить, а строевых лошадей в резервных войсках или вовсе не содержать или иметь для обучения рекрут только, по примеру, как артиллерии определено для мирного времени.

3) Обратит внимание на внутреннюю стражу: будет ли выгода от нее при расположении войск по всему Государству? Новая организация сей стражи умножила расход, а, кажется, не принесла ни на грош пользы.

4) Не содержать штабов в мирное время при Главнокомандующих, корпусных и дивизионных. Они могут составить их из чинов, в армии состоящих.

5) Резервы 19-й и 20-й дивизий поселить по предварительному с Ртищевым⁴ сношению. У него есть ввиду солдатские слободы, поселенные из рекрут при Потемкине⁵ и казаки, доселе еще водворяющиеся на линии.

6) Я не знаю, как поселены на Оренбургской линии так называемые линейные батальоны, но ежели казна не содержит их наравне с обыкновенными гарнизонами, а имеет выгоду от надбавки срока вещам, от жалования, от провианта, что известно в военном министерстве, то есть бы Оренбургские и Сибирские гарнизоны сделать поселенными.

7) Гарнизоны, внутри Государства находящиеся, пересмотреть и ненужные уничтожить.

8) Производство делать, как прежде бывало, один раз в году для умножений суммы от некомплекта армии.

Теперь армия наша комплектна и выключены из нее неспособные и выслужившие сроки. Ежели дело обойдется без войны, то к 1817 году, вероятно, сами по себе придут полки в мирный комплект, а три года без рекрутского набора ощутительную покажут пользу для хлебопашества.

Если же оставить армию в настоящем числе, более 700 тыс. чел. (кроме внутренней стражи и гарнизонов), то, я думаю, надобно 70 тыс. рекрут в год, а не 35 тыс., ибо прежде считалось убыль в мирное время смертью, отставкою и побегам — 10-й человек, следовательно, произ-

ведя набор через два года, придется брать по 4 рекрута с 500 душ, или по 2 в год, чего вынести Государство не может.

Напротив, с уменьшением армии уменьшится сумма на содержание оной, особливо при том устройстве, которое предлагаете Ваше Сиятельство. Министерство финансов, имея тогда остатки денег, может свободно делать отпуска на умножение исподволь arsenалов и запасов мундирных на комплект армии или на два. Тогда в крайнем случае можно сделать и большой набор вдруг, чтобы удвоить армию, ибо люди будут, а вооружение и обмундировка готовы. Все же выгоды сии не существуют, пока в мирное время будет у нас большая армия и мы не будем иметь в запасе ни годных людей, ни вещей, ни денег.

Вот, благодетель мой, мысли душевно преданного вам человека, в генеральном обозрении плана вашего, которым желаете вы принести новую Государству пользу. Я изъясняю их в откровенности, к которой приучили вы меня, и собственно для вас, поелику познания мои слабы и, может быть, я не так вижу вещи, как они есть, а звание мое воспрещает входить в дела государственные, судить же об них того еще менее я смею.

Теперь приступаю к замечаниям на записку собственно:

Статья 1-я записки. В сей статье выписаны 23 дивизии, а действующая армия полагается в 22 дивизии^а. Сверх того помещены здесь 2-я и 3-я гренадерские, но об них особое следует после положение с гвардией; о 23-й же пехотной дивизии нигде не упомянуто. Итак, не понимаю я, сколько считать надобно дивизий: 22 или больше?

2) Действующие войска, составляя 2/3 армии, более 500 тыс. чел., не будут просторно размещены в 19-ти губерниях, на Герцогство же Варшавское полагаться нечего по неимению там хлеба и потому, что польских войск будет в оном 40 тыс. Дороговизна в сих 19-ти губерниях будет увеличивать год от года расход на продовольствие. В мирное время довольно бы, кажется, было держать 150 тыс. войск в 1-й линии, рассчитывая: 50 тыс. — для турок и австрийцев, 50 тыс. — для пруссаков и 50 тыс. — для шведов, чего, во всяком случае, достаточно на первый раз, пока войска 2-й линии приблизятся; не говоря уже о том, что вдруг со всеми державами сими и разрыву быть не может.

3) Расположив действующую армию в две линии, так, чтобы вторая занимала хлебородные губернии, подвижную резервную можно поместить, ибо она составляет 1/3 военных сил, получает теперь 27 лучших губерний.

4) У министра полиции, я полагаю, находится теперь новое рекрутское учреждение, писанное в Совете^б в 1803 году^б, которым много занимался Сергей Козьмич⁷. Там хорошо изложены правила о пятисотных участках и о мелкопоместных, и едва ли не была сделана графом Кочу-

---

^а На полях рукой А.А.Аракчеева: «Была ошибка: вместо 2.3, должно быть 23, одна дивизия».

^б «Военным советником Лесницким» (Примеч. автора).

беем⁸ проба в некоторых губерниях. Может быть угодно будет Вашему Сиятельству сочинение сие и увидеть, каковое оно вышло на практике.

5) С отпуском рекрут в дома нельзя ли будет прибавить и сроку на вещи, так как работать в деревнях будут они в крестьянском платье.

6) Отпуская рекрут решительно на 4 месяца, можно постановить, чтобы одна половина была в деревнях: март, апрель, май, июнь, а другая: август, сентябрь, октябрь и ноябрь, дабы рабочая пора каждой половине доставалась.

7) Когда действующая кавалерия сформируется в 6 эскадронов, то какое число людей будет в эскадронах: по 200 же человек, или меньше?

8) Расположение по одним только губернским городам запасных эскадронов удалит их от полков и растянет кавалерийский корпус. Я думаю, что губернские драгуны вовсе не нужны, и их можно уничтожить.

9) Формировка ли новых 12-ти рот назначается сим пунктом, или прибавка ящиков в теперешних ротах? Несмотря на изобилие наших парков.

10) Может быть изменится статья сия по прочтении нового рекрутского учреждения, о коем сказано в 4-м пункте.

11) Исчисление годовой убыли людей в армии кажется удвоить надобно, как объяснено мною в генеральном обозрении плана.

12) Ваше Сиятельство были прежде такого мнения, что поляков не должно определять в войска на Западной границе, а татар — на Турецкой. Изменится ли ныне правило сие?

ОПИ ГИМ. Ф. 264. Ед. хр. 31. Л. 42—45об.

Примечания

¹ Указанной мерой А.А.Аракчеев намеревался, по-видимому, морально подготовить солдат к созданию поселенных войск в будущем.

² «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» — выходила в Петербурге в 1809—1919 гг., два раза в неделю. Издавалась при Почтовом департаменте Министерства внутренних дел под руководством товарища министра (впоследствии министра) О.П.Козодавлева.

³ Речь, по-видимому, идет о западноевропейской литературе и прессе.

⁴ *Ртищев Н.Ф.* (1754—1835) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1813). С февраля 1812 по 1817 г. — главнокомандующий и главноуправляющий в Грузии. С 1817 г. сенатор.

⁵ *Потемкин Г.А.* (1739—1791) — генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник Екатерины II. После присоединения к России Крыма получил титул светлейшего князя Таврического.

⁶ Речь идет, по-видимому, о «Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных», образованной 24 июня 1801 г. (ПСЗ. Т. XXVI. № 19926).

⁷ Имеется в виду *Вязьмитинов С.К.* (1744—1819) — генерал от инфантерии, в 1802—1808 гг. министр военно-сухопутных сил.

⁸ *Кочубей В.П.* (1768—1834) — дипломат и государственный деятель, князь (1831). В 1802—1807 и 1819—1823 гг. — министр внутренних дел.

«ПРОШУ ИЗБАВИТЬ МЕНЯ ОТ СЕГО ПОРУЧЕНИЯ»

Письмо декабриста Н.В.Басаргина П.Д.Киселеву.

Местом службы многих участников тайного общества декабристов на юге был Тульчин, где располагалась штаб-квартира Второй армии. Здесь служили не менее 40 декабристов, в том числе адъютанты командующего Второй армией графа П.Х.Витгенштейна П.И.Пестель, князь А.П.Барятинский, А.А.Крюков, В.П.Ивашев, адъютанты начальника Главного штаба Второй армии П.Д.Киселева И.Г.Бурцов, П.В.Аврамов, Н.В.Басаргин, а также ряд офицеров расположенных вблизи полков и большое число офицеров квартирмейстерской части, входивших в состав декабристских обществ.

Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872) (в будущем министр государственных имуществ и автор известной реформы управления и быта государственных крестьян) по своим способностям и энергии на деле «управлял армией, потому что главнокомандующий решительно ни во что почти не мешался и во всем доверялся ему»¹. Это была личность замечательная, деятельная, «у него была большая способность привязывать к себе людей, и особенно подчиненных»². Отношения, которые связывали П.Д.Киселева и его адъютантов, отличались доверительностью, личной симпатией и явно выходили за рамки обыкновенных служебных отношений; они были окрашены в тона неформального общения.

20-летний прапорщик Николай Васильевич Басаргин (1799—1861), недавний выпускник Московского училища колонновожатых, появился в Тульчине в 1820 г., а уже через год был назначен адъютантом П.Д.Киселева. В этой должности он находился до начала 1825 г., когда стал старшим адъютантом Главного штаба Второй армии. Таким образом, Басаргин служил при Киселеве около пяти лет. А.В.Семенова, автор специального исследования, посвященного взаимоотношениям П.Д.Киселева и декабристов, полагает, что Басаргин, как и другой адъютант Киселева — П.В.Аврамов, имел со своим начальником «самые дружеские отношения»; оба декабриста «были лишь аккуратными исполнителями и не пытались, как Пестель и Бурцов, оказывать влияние на деятельность штаба армии»³.

Мнение исследователя подтверждают письма и воспоминания Басаргина, свидетельствующие о далеких от привычной субординации отношениях доверия и взаимного уважения, которые сложились между ним и Киселевым. Сохранилось письмо Басаргина к Киселеву от 12 сентября 1825 года, написанное после скоропостижной смерти жены Басаргина: «В продолжение шести лет вы узнали мои правила и, как кажется, отдавали им справедливость, а потому я надеюсь, что при занятии другого места вы вспомните человека, который беспрекословно и с удовольствием старался исполнять свои обязанности». В этом же письме Басаргин признавался, что многим обязан Киселеву. Обращаясь к своему начальнику, он писал:

¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 54.

² Там же.

³ Семенова А.В. Начальник штаба 2-й армии // Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 155.

«Твердо уверен, что вам утешительно будет помочь в несчастье... человеку, который гордился своею к вам преданностью»⁴.

Особенно выразительно неформальное отношение Киселева к своему адъютанту (его фактически двойственная роль — непосредственного начальника и старшего товарища-покровителя) проявилось в сложной обстановке первых дней расследования деятельности тайного общества во Второй армии в начале 1826 г. Киселев, уже располагавший достоверными сведениями о принадлежности Басаргина к числу членов тайного общества и неминуемом его аресте, фактически не изменил своего отношения к человеку, которого ожидали правительственные репрессии. В своих воспоминаниях Басаргин описывает сцену своего допроса по подозрению в членстве в тайном обществе. Официальный вопрос, заданный Киселевым, с использованием особого «тона» и обращения «вы», на которое он «нарочно ударял», вызвал следующий диалог, подробно описанный Басаргиным: «Я бы желал знать, ваше превосходительство, — отвечал я, — как вы спрашиваете меня, как начальник штаба, официально, или просто, как Павел Дмитриевич, с которым я привык быть откровенным». — «Разумеется, как начальник штаба», — возразил он. «В таком случае, — сказал я, — не угодно ли будет вашему превосходительству сделать вопросы на бумаге, я буду отвечать на них. На словах же мне и больно, и неприятно будет говорить с вами, как с судьей, и смотреть на вас просто как на правительственное лицо». Тогда Киселев, «переменив тон», сказал: «Приходи же обедать к нам, либерал; мы с тобою давно не видались» (Басаргин накануне вернулся из отпуска). Далее Басаргин провел вечер у Киселева, как будто ничего не случилось. Начальник был с ним «так же добр и любезен, как и прежде»⁵.

В оправдательных письмах Киселева говорится: «Бурцев и Аврамов... до явного убеждения в соучастии их по делам тайного общества, пользовались совершенным моим доверием и были деятельнейшими исполнителями всех моих распоряжений; за ними Басаргин, Комаров и фон Руге в том же смысле употребляемы мной были и все без изъятия, чрез протечение стольких лет, служением всегда отличались, усугубляли более и более то доверие, без коего обширные занятия исполняться успешно не могут»⁶. «Бурцова, Аврамова, Басаргина считал до последней минуты как людей мне преданных, честных и со мною откровенных, — ошибся...»⁷ Касаясь вопроса о списке членов «Союза благоденствия», попавшем в его руки после ареста В.Ф.Раевского еще в 1822 г., на который не было обращено внимания, Киселев замечал, что в то время никто не догадывался о существовании политического тайного общества, однако в любом случае почел бы этот список ложным — настолько он уважал многих из внесенных в него (речь идет о И.Г.Бурцове, П.В.Аврамове, М.А.Фонвизине)⁸.

Вопрос о том, насколько был посвящен в дела тайного общества начальник штаба Второй армии, заслуживает специального рассмотрения. Несомненно, что он знал о существовании общества и его политическом направлении, о тех настроениях, которые господствовали в среде тульчинских офицеров. Киселев «не только не противился, но поощрял то направление, которому следовала тульчинская молодежь»⁹, нередко участвовал в беседах с участием членов тайного общества. По утверждению Басаргина, он, «хотя и был душою предан государю..., но говорил все-

⁴ ОР ИРЛИ.Ф. 143. Ед. хр. 29.60.80.

⁵ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 78—79.

⁶ Цит. по: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Материалы для истории царствований Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 4. С. 38.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 143. Ед. хр. 29.6.139.

⁸ См.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 4. С. 39.

⁹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 54.

гда дельно, откровенно, соглашался в том, что многое надобно изменить в России, и с удовольствием слушал здравые и нередко резкие суждения Пестеля»¹⁰. Бывавший в Тульчине И.Д.Якушкин вспоминал: «Киселев, как умный человек и умеющий ценить людей, не мог не уважать всю эту молодежь и многих он любил как людей, приближенных к себе. Всех он принимал у себя очень ласково и, кроме как по службе, никогда не был с ними начальником»¹¹.

Политические убеждения Киселева в этот период доносят до нас материалы его переписки с А.А.Закревским, М.С.Воронцовым, М.Ф.Орловым, а также другими либерально настроенными генералами, которые стали предметом исследования в содержательной монографии М.А.Давыдова «Оппозиция Его Величества»¹².

Публикуемое письмо, несмотря на небольшой объем, представляет интерес с нескольких точек зрения. Оно содержит информацию, скрытую за косвенными указаниями, и, на первый взгляд, неясным контекстом. Автор письма просит не привлекать его к занятиям, связанным с неназванной в письме должностью, учрежденной при штабе Второй армии; при этом он намеренно не упоминает ни характер поручений, ни круг занятий тех лиц, которые «употребляются» по этой должности. «Расшифровка» содержания документа требует дополнительных разысканий, анализа целого ряда содержащихся в документе фактов и обстоятельств, интерпретации высказанных автором письма мотивов его поступка и приведенных им оценочных суждений.

О чем, собственно, идет здесь речь? От какого поручения просит избавить себя Н.В.Басаргин? В письме говорится о неких специально адресованных письмах («донесениях»), которые доставляются определенному чиновнику и передаются лично начальнику Главного штаба армии. Характер донесений не ясен, и хотя письма-донесения передаются через почтмейстера по почте, адресованы они на имя чиновника Достанича и должны сохраняться в строгой тайне от других служащих, в том числе от чиновников и офицеров Главного штаба армии. Об этом поручении «предварен» сам П.Д.Киселев. Басаргину предлагается получать эти донесения (а также письма, адресованные на его собственное имя), вскрывать их, знакомиться с их содержанием и составлять из них выписки непосредственно для «высшего» начальства, в частности, для Киселева. Можно предположить, что речь идет о сборе информации секретного характера, адресованной начальнику штаба и касающейся чинов армии.

Казалось бы, странно: подчиненный пишет своему непосредственному начальнику о том, что если бы он принял на себя согласованное с ним поручение, то многое потерял бы в его глазах. Но, учитывая многолетнюю близость Басаргина к Киселеву, стоит ли сомневаться, что это было бы именно так? В контексте сказанного выше о взаимоотношениях Киселева и его адъютанта, напрашивается предположение, что Басаргин настоятельно отказывается от поручения, сопряженного с нарушением правил личного кодекса благородства и честности, вступающих в этом случае в конфликт со служебным долгом и обязанностями. Это позволяет предположить, что речь может идти о полицейских донесениях, сообщающих сведения

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 36.

¹² См.: Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. См. также главу «Генерал Киселев: смесь либерала и царедворца» в книге С.А.Экштута «В поиске исторической альтернативы» (М., 1994. С. 100—111). Тесные связи Киселева с декабристами подробнейшим образом вскрыты и описаны в книге А.В.Семенович «Временное революционное правительство в планах декабристов» (М., 1982). См. также фундаментальную монографию Н.М.Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева» (М., 1946. Т. 1; 1958. Т. 2), значительная часть которой посвящена общественно-политическим взглядам Киселева.

секретного характера о настроениях, разговорах, поступках офицеров Второй армии. Указания, которые свидетельствуют в пользу такого вывода, разбросаны по всему тексту письма.

Несомненно, что прежде чем написать столь ответственное письмо, с отказом принять на себя поручение, согласованное с его непосредственным начальником, Басаргин должен был составить представление о характере и роде деятельности, которой занималась служба господина Достанича. После знакомства с ней у него сложилось весьма невыгодное впечатление. Басаргин пишет Киселеву, что он хорошо понимает: «учредить сию должность» заставила необходимость. Но после ее учреждения он мог уже видеть, что отношение к лицам, выполняющим поручения, связанные с этой «должностью», у Киселева далеко не однозначно. Возможно, что должность была создана не по воле начальника штаба, а по инициативе высшей власти. Возможен и другой вариант: служебная необходимость заставила Киселева учредить «должность», вместе с тем лица, связанные с ней или выполняющие поручения «по этой части», не вызывают его личной симпатии и уважения. Так или иначе, но Басаргин заключает: «если бы я принял на себя эту обязанность, то потерял бы о себе хорошее мнение Вашего Превосходительства, которым я так дорожу».

Двойственное отношение Киселева к этой деятельности — не единственная причина, которая заставила автора письма отказать от поручения. У самого Басаргина оно вызвало вполне определенные чувства. Он полагал, что если примет участие в этом деле, то в первую очередь унижится в собственных глазах и лишится уважения «людей благомыслящих». Именно деликатность ситуации вызвала то затруднение в личном объяснении Киселева и его адъютанта при очной встрече, о котором пишет Басаргин. Адъютант вынужден был обратиться к своему начальнику письменно.

Следует обратить внимание на место, откуда намеревался писать письма-донесения господин Достанич — это Бессарабия. С одной стороны, в Бессарабии располагалась 16-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора члена «Союза благоденствия» М.Ф.Орлова, ставшая предметом особого внимания начальства вследствие «ослабления дисциплины» и усилившегося влияния лиц, «вредных для службы», — внимания, закончившегося известным делом В.Ф.Раевского. В этом случае деятельность авторов писем-донесений приобретает четкий и недвусмысленный характер надзора за политическими «вольнодумцами». Но Бессарабия являлась также районом, непосредственно примыкающим к территории, охваченной в 1821—1822 гг. национальным восстанием греческих патриотов, и руководство Второй армии предпринимало шаги по контролю военно-политической ситуации в регионе. Известна в этой связи командировка П.И.Пестеля с целью наблюдения за приграничными районами¹³.

Ключ к ответу на вопрос, о какой именно «должности» и каких занятиях идет в письме речь, дает фамилия чиновника, которая упоминается в нем в качестве главного исполнителя поручения — Достанич. По сведениям, собранным первым биографом П.Д.Киселева, А.П.Заблоцкий-Десятовским, имя Достанича оказывается связанным с устройством во Второй армии «высшей полиции». «При армии не было генерал-полицейстера, но Высочайшим повелением назначен был директором так называемой высшей полиции чиновник Достанич, который, по поручению Киселева, составил «положение об учреждении при 2-й армии высшей полиции»¹⁴. Полиция эта была подчинена непосредственно начальнику Главного штаба армии. Предполагалось создать сеть агентов. Цель их занятий — выяснение политических настроений в среде чиновников и офицеров армии. Относительно выбора агентов Достанич предполагал использовать такие методы, как «угощение, обольщение», а

¹³ См.: Семенова А.В. Начальник штаба 2-й армии. С. 153—154.

¹⁴ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф Павел Дмитриевич Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 232.

также привлечение местных жителей, в том числе еврейского населения, многочисленного в крае, содержавшего трактиры, корчмы и т.д. Киселев, признавая необходимость создания сети агентов, полагал необходимым «облагородить» полицейскую службу, хорошо платить чиновникам «высшей полиции», привлекать в нее «людей благородных и по хорошему воспитанию способных быть верными орудиями для отвращения зла», а не «бесчестных клеветников», которыми были наполнены обыкновенно такого рода службы в те годы¹⁵.

«Высшая полиция» не могла охватить весь круг офицеров армии и, по-видимому, не была политической в полном смысле этого слова. Проект Достанича об учреждении «высшей полиции» при Главном штабе Второй армии был направлен в Петербург, однако, по данным А.П.Заблоцкого-Десятовского, не получил высочайшего одобрения. Но сама служба и пост «директора» «высшей полиции» были учреждены, и чиновник Достанич мог легко найти себе применение.

Проект «высшей полиции» не был единственной инициативой в этом направлении. В 1821 г. в войсках Второй армии была создана тайная полиция. С помощью агентов, специально назначенных военным начальством армии (начальником Главного штаба, корпусными и бригадными начальниками), она осуществляла наблюдение за вольнодумцами-«либералистами», за людьми «неблагомыслящими», которые стремились «к развращению других». Одним из главных направлений деятельности тайной полиции был контроль за настроениями в среде офицеров и солдат армии. Тайная полиция, согласно письму П.Д.Киселева дежурному генералу Главного штаба (и своему другу) А.А.Закревскому от 15 марта 1822 г., возникла «в июле 1821 года, много оказала услуг полезных, ибо много обнаружила обстоятельство, чрез которые лица и дела представлялись в настоящем виде; дух времени заставляет усилить часть сию, и я посему делаю свои распоряжения»¹⁶. Известна инструкция для агентов тайной полиции, которая открывает круг их занятий и наблюдений. Прежде всего, необходимо было собирать сведения, «не существуют ли между некоторыми из офицеров сходки под названием клуба, ложи и проч.? Вообще, какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических или правительства?... Учреждены ли ланкастерские школы, какие в оных таблицы... не имеют ли правил непозволительных?»¹⁷.

Тайная полиция появилась вскоре после начала восстания в Греции, к которому в армии проявляли сочувствие не только греческие патриоты на русской службе, но и многие русские офицеры. Очевидно, именно эта политическая тайная полиция помогла инициировать «дело» В.Ф.Раевского и начальника дивизии М.Ф.Орлова, расследование которого в своей тайной фазе началось в конце 1821 г.¹⁸ Тайные агенты доставили первичную информацию, ставшую основанием для допросов чинов 32-го Егерского полка, в котором служил Раевский. Занятия и разговоры майора Раевского контролировались несколькими агентами, которыми руководили корпусной командир И.В.Сабанеев и бригадный командир Я.Я.Черемисинов. В результате были получены сведения о содержании уроков Раевского в солдатской и юнкерской школах и его отношениях с нижними чинами, достаточные для выдвижения обвинений в нарушении дисциплины и «вредных внушениях». Занимающийся по части тайной полиции Барц фигурирует в письмах И.В.Сабанеева П.Д.Киселеву и других документах как человек, наблюдающий за Раевским и доставляющий сведения о нем И.В.Сабанееву; он же, по-видимому, способствовал получению сведений о существовании «Союза благоденствия» от майора 32-го Егерского полка И.М.Юмина¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 232—233.

¹⁶ Там же. С. 157.

¹⁷ Цит. по: Семенова А.В. Начальник штаба 2-й армии. С. 159.

¹⁸ См.: Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980. С. 28.

¹⁹ См. там же. С. 152, 154, 404.

Н. В. Басаргин

Результат деятельности тайной полиции трудно оценить в полной мере. В письме А.А.Закревскому Киселев отмечал, что мнения и действия подозрительных людей среди офицеров ему хорошо известны. «Следя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности»²⁰, — добавлял он. Однако дальнейшие события поставили под сомнение его уверенность.

В своей оправдательной записке П.Д.Киселев заявлял, что полиция позволила ему иметь сведения об имевшихся в армии «злонамеренных лицах», следить за их действиями. В начале 1825 г. подозрения пали на П.И.Пестеля, вследствие его связи с отставным полковником В.Л.Давыдовым, «коего развратные мнения были известны», о чем Киселев доложил Витгенштейну и с его согласия установил надзор за Пестелем через подполковника Давыденкова и Макарова. Однако донесения последних, утверждал Киселев, «не заключали в себе ничего достойного внимания, и лишь в декабре месяце по письму Майбороды дело сие пред глазами моими нача-

²⁰ Цит. по: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. С. 157.

П.Д.Киселев

ло раскрываться, и многие обстоятельства, на память приходившие, начали убеждать меня в истине его показания»²¹. Так, полицейские меры не смогли обнаружить политическое общество, удобно разместившееся при штабе армии.

Оправдываясь в том, что многие годы «не знал» о существовании тайного общества в Тульчине, Киселев писал Витгенштейну в 1826 г.: «Занимаясь непрерывно, под руководством вашим, водворением устройства по всем частям армии, я в 1821 г., с разрешения вашего, имел счастье... представить лично доклад покойному государю о необходимости устройства тайной полиции, и успел только в том, что Его Величество изволил согласиться назначить директора оной (речь, вероятно, идет о том же чиновнике Достаниче. — Публ.), но без предоставления просимых способов, необходимых к извлечению той пользы, которой должно ожидать от полиции... а посему ваше сиятельство в 1823 году вторично изволили представить о том же и вторично не имели удовлетворительного отзыва». Таким образом, по словам Киселева, кроме донесений, «которые дешевыми способами приобретались» и мало что давали, других источников сведений практически не было. Донесения ка-

²¹ Там же. Т. 4. С. 38.

сались в основном отношений между офицерами, офицерами и нижними чинами, порядка в хозяйственной части и т.д. Поступавшая информация позволяла говорить о хорошей нравственности вверенных его командованию войск, но эти донесения «несколько не могли открыть тайных скопищ некоторых порочных и хитрых людей, которые даже от надзора государственной полиции умели скрыть столь продолжительное время пагубное их действие»²². Киселев намекал на то, что тайные общества смогли укрыться даже от внимания центральных полицейских учреждений. Своей заслугой и «успехом» в полицейской деятельности он выставлял раскрытие дела В.Ф.Раевского: «...надзор, за нижними чинами устроенный, ознаменовался тем, что в 1821 году, когда Раевский произнес нижним чинам несколько возмутительных слов, то в то же время сие сделалось известным начальству, и он был предан суду под особым надзором генерала Сабанеева». Дальнейший неуспех в деле раскрытия тайного общества он объясняет тем, что «последователи» В.Ф.Раевского были осторожнее, «действовали в малом кругу сообщников и тайны своей никому не доверяли...и начальству не дали возможность открыть их скопище»²³.

Заявляя, что он не получал сведений о принадлежности к тайному обществу своих адъютантов и других чинов Главной квартиры в Тульчине, Киселев тем самым ставил под вопрос эффективность деятельности учрежденных им полицейских органов, призванных следить за настроениями в офицерской среде, и в первую очередь — в руководящем слое офицеров штабной квартиры. Не случайно главным обвинением и доказательством причастности Киселева к декабристским обществам служило то соображение, что начальник Главного штаба Второй армии «не мог открыть, имея в непосредственном распоряжении полицию», тот заговор, в котором была замешана значительная часть офицеров Главной квартиры²⁴.

Публикуемое письмо интересно и в другом отношении. Оно свидетельствует о том, что не каждый офицер мог согласиться выполнять деликатные поручения полицейского характера. Это доказывает, что в то время существовали пусть и ограниченные, но все же вполне реальные возможности выбора между долгом службы и собственными понятиями о чести. В конце концов, офицер мог отказаться от поручений, которые унижали его в собственных глазах или лишали уважения в общественном мнении. Поэтому встречающееся в исторической литературе утверждение о том, что служебные обязанности исключали возможность выбора, неверно отражает исторические реалии.

Из публикуемого письма следует, что к числу людей, не желавших даже по служебной обязанности вступать на сомнительное поприще контроля за «состоянием умов» своих товарищей по службе, готовых вследствие этого даже вступить в конфликт со своим начальством, можно с уверенностью отнести декабриста Н.В.Басаргина. И это обстоятельство, само по себе достаточно многозначное, приобретает особое звучание, если принять во внимание исключительный характер личных и служебных отношений между декабристом и таким просвещенным администратором, каким был П.Д.Киселев. Басаргин не побоялся поставить под удар личную симпатию и доверие, которые питал к нему начальник Главного штаба Второй армии.

Письмо не датировано, но его содержание позволяет определить хронологические рамки появления документа второй половиной 1821 — началом 1825 гг.

Письмо извлечено из архива П.Д.Киселева, хранящейся в его личном фонде в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Документ воспроизводится по автографу Н.В.Басаргина. Свойственные автору стилистические и языковые особенности написания некоторых слов сохранены без изменений.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук П.В.ИЛЬИН.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Семенова А.В. Начальник штаба 2-й армии. С. 173.

Его Превосходительству Милостивому Государю
Павлу Дмитриевичу Киселеву^а

Ваше Превосходительство!

Три дни тому назад г-н Достанич просил меня во время его отсутствия адресованные на его имя письма, равно и те, которые он из Бессарабии будет писать на мое имя, доставлять Вашему Превосходительству. Не видя в сем ничего предосудительного, я охотно согласился. Вчера же вечером стал он меня просить, чтоб я делал для вас выписки из всех донесений, которые будут получать в его отсутствие. Не желая сказать истинной причины, которая меня заставляла отклонить от себя таковое поручение, и отговариваясь неимением времени, я был приведен в такое замешательство сим предложением, что не мог ничего сказать ему решительно. А он между тем ноньче в ночь уехал и, полагая верно, что я согласился, оставил записку к почтмейстеру, по которой тот должен отдавать мне все, что получит на имя г-на Достанича, а между тем уведомил меня той же запиской, что Ваше Превосходительство о сем предварены.

Зная хорошо ваш образ мыслей, я слишком уверен в том, что если бы я принял на себя эту обязанность, то потерял бы о себе хорошее мнение Вашего Превосходительства, которым я так дорожу. А унизясь в собственных глазах, лишился бы уважения людей благомыслящих. Я очень ясно вижу, что необходимость заставила вас учредить сию должность, но не менее того знаю и то, на каком счету находятся у вас люди, которые по сему употребляются, — и потому прошу за величайшую милость у Вашего Превосходительства избавить меня [от] сего поручения. Письма же, которые буду получать, если прикажете, то буду отдавать или вам, или кому другому, и уверяю вас, что тайна оных сохранится. [Умеv] различать обязанности служебные с обязанностями частной жизни, [уверяю]: то, что начальство мне поручит, останется навсегда неизвестным для самого лучшего моего приятеля, хотя бы даже участь его от сего зависела.

Извините, Ваше Превосходительство, что я вас беспокою моим мораньем. Я хотел ноньче по утру лично вам сие объяснить, — но был так смущен, что не мог найти слова. Уважая вас как нельзя более, мне будет очень прискорбно, если заслужу ваше негодование.

С истинною преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Н. Басаргин

РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 54. Л. 3—4об. Подлинник. Рукопись.

^а Заголовок документа.

«ИСТИННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВОЙСК»

Записка декабриста Н.И.Кутузова Николаю I. 1826 г.

Николай Иванович Кутузов (1790—1849), штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, старший адъютант штаба Гвардейского корпуса был деятельным участником тайного общества декабристов «Союз благоденствия» (1818—1821), входил в находившееся под его влиянием легальные организации «Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения» и «Вольное общество любителей российской словесности». Кутузов был близким другом и сослуживцем поэта Ф.Н.Глинки — члена Коренного совета «Союза благоденствия», души петербургских управ тайного общества, и известного художника-модельера Ф.П.Толстого, также члена Коренного совета «Союза благоденствия». В литературных кругах Кутузов приобрел известность как серьезный публицист, автор ряда исторических сочинений, в том числе труда «О причинах благоденствия и величия народов». Отрывки из этой работы публиковались в 1820 г. в журнале «Сын Отечества» и заслужили высокую оценку современников. По отзыву Александра Бестужева, в них видны «цель и дух благородные»¹.

По своим воззрениям Кутузов принадлежал к умеренному кругу членов тайного общества. Хотя товарищи его считали «либералом» и говорили с ним «довольно свободно»², но после роспуска «Союза благоденствия» в 1821 г. в новое (Северное) общество он не вошел. Тем не менее после 14 декабря 1825 г. Кутузов был арестован и в течение двух недель содержался на главной гауптвахте. Он смог оправдаться, и 6 февраля 1826 г. был освобожден. Однако позже несколько раз вызывался в Следственный комитет для дачи дополнительных показаний и очных ставок. Расследование, проводимое в марте—мае 1826 г., сильно не повлияло на судьбу Кутузова, хотя он и был уволен с военной службы. В «Алфавите» декабристов он отнесен к числу оправданных³.

В мае—июне 1826 г., еще до вынесения приговора членам тайных обществ, Кутузов подал на имя Николая I две записки с размышлениями о внутреннем состоянии России и положении русской армии. Оба документа до последнего времени приписывались члену «Союза благоденствия» Ф.П.Толстому, т.к. два сохранившихся экземпляра записок хранятся в его личных архивах, и один из них представляет собой автограф Толстого, но без его подписи⁴. Однако изучение второй записки «О

¹ «Полярная звезда», издаваемая А.Бестужевым и К.Рылеевым. М.—Л., 1960. С. 28.

² ГА РФ. Ф. 48. Д. 196. Л. 7—12.

³ См.: Декабристы Биографический справочник. М., 1988. С. 272. Следственные дела Н.И.Кутузова, Ф.П.Толстого, Ф.Н.Глинки и других членов Союза благоденствия, не преданных Верховному уголовному суду, публикуются в XX томе документальной серии «Восстание декабристов», подготовленном нами к печати (издательство «РОССПЭН»).

⁴ Государственный Русский музей, сектор рукописей. Ф. 4 (Ф.П.Толстого). Д. 18 — автограф записки «О состоянии Российской империи в отношении ее

нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса», а также всего сохранившегося и известного наследия Кутузова, включая его переписку (письма к Ф.Н.Глинке), позволяют утверждать, что автором обеих записок был Кутузов. Общая тональность текстов, вплоть до сходства отдельных выражений, их яркая политическая направленность, созвучие с сочинением Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов»⁵ и с его запиской «Состояние государства в 1841 г.»⁶ наглядно свидетельствуют об этом. Более того, в первых строках записки «О нравственном состоянии войск...» Кутузов прямо пишет о принадлежности ему первой записки «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства»⁷. То же утверждает он и в письме от 3 сентября 1828 г. Ф.Н.Глинке, где говорит об этой записке, как о своем сочинении, причем, хорошо известном адресату⁸.

Таким образом, можно считать обе записки Кутузова единым циклом документов, адресованных Николаю I еще до окончания следствия и суда над декабристами. Отметим, что в фонде Толстого в ОПИ ГИМ в деле № 13 содержится комплекс следующих документов: 1. Письмо на имя Николая I, датированное 8 июня 1826 г., и записка «О нравственном состоянии войск...» (Л. 2—8, автограф Ф.П.Толстого, но без подписи); 2. Те же документы, к которым присоединена записка «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства» (Л. 9—30, писарская копия без подписи). Нахождение этих анонимных документов в фонде Ф.П.Толстого в ОПИ ГИМ, так же, как записки «О состоянии Российской империи...» в фонде Ф.П.Толстого в Русском музее, имело своим следствием ошибочное отнесение их авторства фондообразователю. По копии из ОПИ ГИМ, сделанной рукой Толстого, под его именем записка «О нравственном состоянии войск Российской империи...», с рядом неточностей по сравнению с автографом Кутузова, была издана в 1995 г.⁹

Настоящая публикация письма Н.И.Кутузова на имя Николая I (док. № 1) и его записки «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса» (док. № 2) воспроизводит оригинал, подписанный и скрепленный полистно Н.И.Кутузовым. Он хранится в фонде Канцелярии военного министерства в РГВИА. Полное название дела: «Принятое к сведению письмо отставного гвардии штабс-капитана Кутузова, при коем представил записку свою о нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса с замечаниями на оной начальника Главного штаба его величества»¹⁰. Замечания, о которых идет речь, сделаны на полях рукописи карандашом рукой начальника Главного штаба И.И.Дибича. Там, где это возможно, они воспроизводятся в текстуальных примечаниях. Письмо Николаю I датировано 23 июня 1826 г., а

внутреннего устройства»; ОПИ ГИМ. Ф. 344 (Ф.П.Толстого). Д. 12. Л. 15—30 — писарская копия этого документа; отдельные краткие выдержки из указанной записки приводились в кн.: Коваленская Н.И. Художник-декабрист Ф.П.Толстой // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 533—543 и в работе Э.В.Кузнецовой «Федор Петрович Толстой» (М., 1977. С. 46—48).

⁵ См.: Сын Отечества. 1820. Ч. 59, 60.

⁶ См.: Русская старина. 1898. № 9. С. 517—531.

⁷ См. публикуемый ниже документ.

⁸ РГАЛИ. Ф. 141. Д. 300. Л. 1. См. также: Базанов В.Г. Ученая республика. М.—Л., 1964. С. 223.

⁹ См.: Река времен (Книга истории и культуры). Кн. 1. М., 1995. С. 36—48. Публикация Н.А.Каргаполовой.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2 «а» (1815—1832). Д. 3571.

почти полностью совпадающее с ним, но не подписанное, хранящееся в фонде Толстого в ОПИ ГИМ, имеет дату, как уже указывалось, 8 июня 1826 г. Сопоставление текстов самой записки свидетельствует о ряде разночтений, наиболее серьезные оговариваются при публикации в примечаниях. Характер исправлений в экземпляре Кутузова показывает, что первоначально текст был идентичен экземпляру Толстого, и исправления вносились позже, то есть между 8 и 23 июня.

В распоряжении исследователя имеется и третий экземпляр этой записки Кутузова: тщательно выполненная копия с текста РГВИА, принадлежащая военному историку Н.Ф.Дубровину¹¹. Именно с этим экземпляром познакомились С.Н.Чернов¹², В.Г.Базанов, С.С.Волк, справедливо считавшие ее автором Н.И.Кутузова. Отметим также, что биограф Ф.П.Толстого Э.В.Кузнецова, обнаружив анонимную копию с этой записки Кутузова в ОПИ ГИМ, считала ее принадлежащей Толстому¹³. Каждый из исследователей знал лишь о наличии одной копии: Базанов, Волк, Чернов — в фонде Дубровина, Кузнецова и Каргаполова — в фонде Толстого в ОПИ ГИМ, что повлекло за собой и ошибочную атрибуцию первой записки Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства». Оригинал настоящей записки, хранящийся в РГВИА, исследователями учтен не был. Обобщая все вышесказанное, мы не исключаем и какой-то формы совместной работы Н.И.Кутузова и Ф.П.Толстого над записками — они были большими друзьями и единомышленниками, их политические взгляды совпадали. Хотя они привлекались к следствию по делу декабристов, но Толстой давал свои показания, оставаясь на свободе, а Кутузов, как отмечалось выше, был освобожден в феврале 1826 г. Таким образом, возможность общения во время подготовки записок они имели.

Основываясь в своих воззрениях на положения просветительской философии, Кутузов был убежденным сторонником конституционной монархии и твердого законодательства. Еще в 1820 г., будучи членом «Союза благоденствия», Кутузов утверждал, что залогом процветания государства являются «свобода личная, неприкосновенность имуществ и мудрость законов», а «законы необходимо должны основываться на духе народном». Если же «народ не имеет доверенности к власти», предупреждал декабрист, общество должно быть готово «к какому-нибудь сильному перевороту». Он считал, что «надо дать средство участвовать в правлении большей части граждан» и одновременно «не допустить до сего участия черни, всегда дерзкой, буйной и невежественной». Тогда же Кутузов подчеркивал, что «поручать власть одному сословию — значит сообщать ему все средства угнетать другие»¹⁴. Не случайно цензура была весьма придирчива к трудам Кутузова, и последующие главы произведения «О причинах благоденствия и величия народов», не были опубликованы. Кутузов знал о недоброжелательном отношении к нему властей, и сам говорил, что его сочинения «велено цензуре рассматривать с особенной строгостью»¹⁵.

Те же мысли развивал Кутузов и в записках 1826 г., адресованных Николаю I. «Счастье гражданское, — писал он, — тогда только может быть постоянно, когда

---

¹¹ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 100 (Н.Ф.Дубровина). Оп. 1. Д. 133.

¹² См.: Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 7. Базанов В.Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 50, 51; Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958. С. 84.

¹³ См.: Кузнецова Э.В. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Сын Отечества. 1820. Ч. 59. С. 13, 14; Ч. 60. с. 146, 152.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 48. Д. 66. Л. 94 — показания декабриста Г.А.Перетца.

основано на непременных, постоянных, незыблемых государственных постановлениях». Обозревая состояние России в первой записке, Кутузов рисовал крайне мрачную картину. Документ содержит резкую критику существовавших порядков, крепостного права, нищеты крестьян, произвола во всех областях жизни, отсутствия законности и перекликается с аналогичными документами, выходящими из-под пера членов «Союза благоденствия». Автор подчеркивает трудолюбие русского народа и вместе с тем констатирует, что его бедность «достигла крайней степени». Главную причину нищеты он видит в существовании крепостного права. «Класс людей неимущих... предоставлен прихоти и своеволию сильнейших его, хотя он, находящийся в таковом страдательном состоянии, есть класс производительный и служит основанием богатства и самого могущества государственного». Русский земледелец, по словам декабриста, не находится под покровительством законов, не может «защитить себя от притеснения общими государственными постановлениями... не только имущество, но и самая личность его предана безусловно воле других»¹⁶. В этом остром послании слышится прежний голос члена «Союза благоденствия», чьи публицистические сочинения не оставляли равнодушной читающую публику. Несколькими месяцами раньше, находясь под следствием, Кутузов подчеркнул в своих показаниях, что членами организации, к которой он принадлежал, «были подаваемы проекты» с предложениями освобождения «крепостных людей»¹⁷.

Несмотря на резко изменившуюся после 14 декабря политическую ситуацию, Кутузов нашел в себе смелость в записках, адресованных царю, критиковать «монархическое неограниченное правление» и отстаивать преимущества «конституционного правления», где «законодательная власть в руках народа, а исполнительная и блюстительная принадлежит государю». Кутузов прямо связал причины восстания 14 декабря, которое он внешне осудил, с состоянием государства, где царит «общее несчастье», повсеместная бедность, цветущие города и губернии разорены, лучшие люди удалены и преследуемы, единство в управлении потеряно и государственная машина представляет беспорядочную громаду»¹⁸. О страданиях и бедности народа почти в тех же выражениях писал Кутузов после путешествия по России в 1841 г. «Неужели все это не доходит до престола Вашего императорского величества?»¹⁹ — спрашивал бывший член «Союза благоденствия».

Записка «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса», публикуемая ниже, развивает идеи других сочинений Кутузова применительно, как он сам говорит, к «военной части». Проблема состояния русской армии и положения солдат всегда была в центре внимания декабристов. В 1826 г. Кутузов, обращаясь к любимым им государственным деятелям — Петру I и Екатерине II, подчеркивает, что Петр «любил слушать истину, кем бы и каким бы образом она ни была ему представлена». Предупреждая царя, что нравственное состояние войск таит в себе «последствие пагубное», Кутузов настоятельно рекомендует ему во избежание новых волнений в армии произвести в ней решительные перемены. Автор, по существу, показывает, что восстание 14 декабря явилось следствием не только тяжелого внутреннего положения страны в целом, но и походов в армии. Он особенно подчеркивает значение войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в формировании новых политических представлений, и «сие познание столь глубоко вкоренилось в сердцах всех чинов, что никакие челове-

¹⁶ Государственный Русский музей. Сектор рукописей. Ф. 4. Д. 18. Л. 106—2.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 48. Д. 173. Л. 4 «а».

¹⁸ Государственный Русский музей. Сектор рукописей. Ф. 4. Д. 18. Л. 16—17.

¹⁹ Кутузов Н.И. Состояние государства в 1841 г. // Русская старина. 1898. № 9. С. 517—531.

ские силы не могут изгладить оногo». Характерно, что это место привлекло особое внимание читавшего записку И.И.Дибича. Однако начальник Главного штаба вслед за Николаем I хотел видеть причиной восстания 14 декабря только «западные влияния» и не принял основного содержания записки.

Главная мысль работы Кутузова заключена в утверждении, что при попрании прав человеческой личности, бесчеловечной муштре и унижении солдата не может быть ни сильной армии, ни общественного спокойствия: несправедливость «превосходит всякое вероятие и переполняет меру человеческого терпения». Кутузов любит русского солдата, восхищается и гордится победами русского оружия при Петре I, Екатерине II, в 1812 г. и с горечью отмечает, что эти традиции явно утрачиваются. Ссылки на исторические примеры подкрепляются конкретными фактами волнений и недовольства в армии, что вызывает крайнее раздражение читателя записки — И.И.Дибича. Кутузов напоминает и о бедственном положении ветеранов Отечественной войны 1812 г., не знающих, куда «приложить голову», покрытую священными для отчества ранами». Глубокий патриотизм записки сочетается с явно преувеличенной неприязнью к иностранцам на русской службе, которых автор склонен винить во многих пороках армии и гвардии. Впрочем, эта тема характерна и для других сочинений Кутузова (записка «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства», публикации в «Сыне Отечества»), в целом, для воззрений многих декабристов.

Помимо критической части Кутузов также дал свои предложения по реорганизации и сокращении срока военной службы, порядка обучения солдат. Задача царя — «искусного кормщика», состоит, по мнению автора, в том, что он не должен «идти против всеокрушающего течения времени», а обязан учитывать его в своей политике. Тем самым Кутузов стремился накануне вынесения приговора своим товарищам убедить власти не способствовать дальнейшему «ожесточению сердец», принять во внимание, что страхом нельзя «поддержать и сохранить порядок». Написать и подать подобную записку в защиту русского солдата для человека, находившегося под подозрением в связи с восстанием 14 декабря, в то время, когда шли заседания Верховного уголовного суда — было проявлением большого личного мужества.

Публикацию подготовила доктор исторических наук А.В.СЕМЕНОВА.

№ 1

Августейший монарх^а

Всемиловейший Государь!

Государь! Говорят, Вы хотите идти по следам Петра Великого; желание достойное души великой! Тот может служить образцом, кто при виде парламентских прений говорил полудиким своим подданным: «Так учитесь защищать пользу и права народные». Кто писал: «Жизнь Петра ничего, только бы жила Россия, ее слава и благоденствие»¹. Знаменитость Петра есть драгоценное достояние России и всего человечества! Но чем он приобрел сию знаменитость? Любовию к истине, которая одна только служит опорой престолов, величием царей и народов. Петр любил слушать истину, кем бы и каким бы образом она ни была ему представляема. Повергая пред Вами, государь, истинное изображение

^а Сверху помета рукой И.И.Дибича: «12 и[юля]. К свед[ению]».

нравственного состояния войск, таящего в себе последствие пагубное, я мыслю, что исполняю священную обязанность мою и удовлетворяю намерениям благотворного сердца Вашего императорского величества, избравшего путь, совершенный Петром Великим для славы и счастья земли Русской.

Вашего императорского Величества

Верноподданный

Николай Кутузов

Отставной гвардии штабс-капитан

23 июня 1826 г.

Санкт-Петербург

Жительство имею в Измайловском полку в старой 9-й роте в доме под № 225^а.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2 «а» (1815—1832). Д. 3571. Л. 1—1об.

№ 2

О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса^б

[Май—июнь 1826 г.]

При обозрении пред сим состояния Российской империи в отношении внутреннего ее устройства, военная часть была рассматриваема в общем объеме государственного порядка, не касаясь особенных свойств, оной принадлежащих. Ныне же, поверяя наблюдения мои и сообразя их с ходом прошедших и настоящих событий, я поставил обязанностью рассмотреть ту часть военного порядка, на которой утверждается незыблемость престола, спокойствие и благоденствие общественное. Вред, кроющихся в нравственном состоянии войск наших, весьма важен и может влечь за собою гибельные последствия.

Нравственное состояние войск суть причина тишины и спокойствия общественного в мирное время и блестящих успехов в дни войны. Напрасно думают, что механическое устройство решает судьбу браней². Напротив, оно служит, так сказать, оболочкою успехов, так точно, как тело наше оболочкою души бессмертной, без которой нет жизни и движения.

Что такое нравственность войск? Она не определяется одним нравственным состоянием человека, но заключает в себе сие состояние, соединяется с благородством духа, с высоким понятием и любовью к своему званию, с пламенной любовью к Отечеству, с беспредельною привязанностью к верховной власти, с вероисповедальными добродетелями. Механическое устройство без нравственного состояния не принесет никакой существенной пользы государству и не послужит причиною его

^а Текст: «Верноподданный... под № 225» написан рукой Н.И.Кутузова.

^б Заголовок документа.

могущества. Напротив, нравственность войск, даже без механического устройства, бывает залогом великих дел и блестящих подвигов. Соединение же сих частей производит гармоническое устройство целого, то превосходное положение войск, которым гордился Рим, поработитель вселенной.

Все необыкновенные дела времен Петра, Екатерины³ и Наполеона⁴ основаны были на нравственном состоянии их солдат. Это состояние столько важно, что без него великие гении войны не в силах возвыситься над обыкновенною сферою. Когда Наполеона укоряли, зачем он не собрал рассеянные полки свои в Вильно, дабы воспрепятствовать русским переход через Неман, он только отвечал: «Нравственное [состояние] моей армии исчезло в непреодолимых бедствиях».

В наших войсках в настоящее время нравственное состояние не существует, оно не обращает на себя никакого внимания начальствующих, которые, может быть, и не подозревают его существования в мире; ибо все внимание их обращено на механическую часть; она-то служит предметом всех усилий, желаний и соревнований командующих. Прекрасное стремление! Но ежели и добродетель в своем излишестве превращается во зло, то что же может произойти от действий, которые, не имея ни вида, ни свойства добродетели, выходят из границ, полагаемых необходимостью и благоразумием? Устройство обществ, подобно устройству какой-либо машины, должно производиться по самым строгим законам механики, поелику малейшая несоразмерность частей в целом влечет за собою разрушение целого.

Что такое солдат? Машина, долженствующая двигаться по воле внешней силы; но машина, имеющая чувства, ум, сердце, душу бессмертную. Машина, которая, поработавшись внешнему направлению, сохраняет внутренние свои ощущения, сознание собственного своего достоинства, то сознание, на коем основывается нравственное состояние войск. Почему обучение их должно согласоваться с теми особенностями принадлежностями солдата, но так, чтобы усовершенствуя первое, не разрушить последнего, самого важного в ремесле военном.

Что нужно для существенного образования войск в отношении механического устройства? Правильность и быстрота движений, развязность в теле, верность глаза, скорая и меткая стрельба. У нас же сей последний предмет, самый главный, оставлен безо всякого внимания и ежели в 3000-м полку 600 человек стреляют хорошо и проворно, то можно считать чудом, тогда когда бы, по крайней мере, 2400 человек должны стрелять превосходно, судя по беспрестанному обучению войск^а. Стотысячная армия, в которой 80000 человек стреляют скоро и верно, развязны в действии и быстры в движении, разобьют 400000 стреляющих с мыслию: пуля виноватого найдет. У нас обращено главное внимание на стойку, выбрасывание ног и на ружейные приемы, это хорошо только до некоторой степени и вредно, когда составляет единственный предмет обучения. К чему, например, служит, что солдат тянет и под-

---

^а Три строки от слов: «600 человек...» на полях отчеркнуты карандашом. Против них помета карандашом рукой И.И.Дибича: «Сие несправедливо. Конечно, требует усовершенствования».

нимает ногу под таким-то углом, должен маршировать так, чтобы полный стакан воды, поставленный на кивер, не пролился при его движении, к чему он должен идти не как человек, полный жизни и движения; к чему все сии и подобные им усовершенствования, когда они даже не имея виду пользы, влекут за собою существенный вред.

1-е. Это совершенство заставляет полковых командиров прибегать к жестоким наказаниям, к беспрестанным изнурительным учениям, посевшим в войске дух ропота, равнодушие к жизни и их обязанностям, что, конечно, не может служить опорой престола и залогом общественного спокойствия.

2-е. Сии средства, обременяя солдата, изнуряют его физические силы, отнимают у него возможность делать усиленные переходы, следовательно, ту быстроту, которая имеет важное влияние на ход и успех войны, ибо вытягивание колен и носков под математическими углами, неестественное их держание в сем страдательном положении, наконец, сильное опускание, причем, вся тяжесть тела вдруг падает на ногу, потрясает всю внутренность, растягивает жилы, расслабляет костяные оболочки, соединяющие ножные части. Посему-то большая часть нижних чинов делается неспособными к службе от внутренних аневризм, от удушья и от ножных болей. Тридцать тысяч, посланные императрицею Елисаветою Петровною в помощь Австрии, удивили Европу неутомимостью переходов⁵; быстрота Суворова⁶ есть необыкновенное явление в летописях войн; но никогда в то время русский солдат не отставал от усталости, тогда как в последней войне эта вещь весьма обыкновенная; судя же по роду ныне введенного обучения, половина людей не в силах будет выдержать частых и больших переходов.

3-е. Принужденное держание тела лишает оное гибкости и поставляя солдата в фигуральное положение, унижает его в собственных глазах, отнимает у него уважение к своему званию.

Итак, вновь введенное обучение и изящность оно не удовлетворяют действительной цели военного образования, напротив, оно разрушает и физические силы солдата, и нравственное его состояние в том смысле, как оно выше определено нами. Еще пагубнее, оно влечет за собой жестокость, то тягостное и обременительное положение нижних чинов, которое превосходит всякое вероятие и переполняет меру человеческого терпения. Примеры неповиновения, случившиеся в наших войсках, убийства начальников, самоубийства^а, произвольные увечья, частые побеги и даже уголовные преступления делаются нижними чинами, дабы хоть в пустынях Сибири укрыться от службы, не доказывают ли ожесточение людей, в руках коих находится сила государственная и сила государя? Отчего подобных примеров ожесточения и отчаяния^б

---

^а Слова «Примеры... самоубийства» подчеркнуты карандашом, против них на полях помета рукой И.И.Дибича: «Где??».

^б Слова «примеров ожесточения и отчаяния» отчеркнуты на полях карандашом. Против них поставлен «?».

не видим в армиях других европейских государств? Оттого, что у них находится дисциплина в настоящем ее значении.

Слабость и жестокость в управлении войсками равномерно пагубны: нужна строгость, утвержденная на любви к порядку, в точных и действительных обязанностях службы и нравственности солдата. Но строгость сия должна быть основана на определенных положительных правилах, а не предана произволу. Законы, самые жестокие, благодетельнее в действии, нежели своеволие самое снисходительное; первые известностию своею обязывают человека, второе неизвестностию поставляет его в трудное и беспокойное положение: ибо понятия, чувства, состояние души и сердца столь же разнообразны и переменчивы, как — состояние погоды. В избежании сих недостатков человеческой природы являющиеся законы, те правила, в которых, как в формы, различие поступков, ощущения и желания уравниваются и соразмеряются согласно с потребностию общежития и той мысли правителя; которая желает и стремится к благосостоянию всех и каждого.

Ошибочно мыслят, что страхом можно поддержать и сохранить порядок. Чувство страха, поражая душу мгновенно, влечет за собою презрение, с которым рядом идет ожесточение сердца, ожесточение, которое вреднее в общежитии, чем умственное повреждение; ибо зло, прорастающее от последнего состояния человека, есть зло временное и случайно действующее, тогда как первое действует медленно, но верно, по расчетам ума озлобленного. События всех царств и народов прошедших лет удостоверяют в непреложности сей истины.

Притом время службы русского солдата препятствует введению такого обучения, ибо он должен служить 25 лет, в числе коих окончательные 7, по естественному состоянию, еще более по роду обучения, теряет силы, лишается гибкости телесной, почему и не может равняться с молодым солдатом, который по молодости и способности физической берет пред ним преимущество производиться в ефрейторы и унтер-офицеры. Сие обстоятельство кажется ничтожным, но оно весьма важно в нравственном состоянии войск; ибо когда стойка и выбрасывание ног берут преимущество пред долговременною и беспорочною службою и добрым поведением, тогда нет военной нравственности, нет понятий о достоинстве службы, нет благородного соревнования.

Армии Екатерины были немногочисленны и не приготовлены как ныне, но производили дела великие, достойные древних Греции и Рима: Румянцев⁷ с 17000 разбил при Ларге 100000 татар, обратился к туркам, порази 150000 их⁸; Суворов никогда не имел во время турецкой войны более 20000, но повсюду громил огромные силы, с одними почти казаками взял штурмом Измаил. В последнюю же турецкую войну русских было 100000 под ружьем, но все предприятия оканчивались стыдом и неудачами⁹. Отчего произошло сие? Скажем с Наполеоном: нравственное [состояние] армии исчезло^а. Мелочная немецкая тактика, испытан-

---

^а Против строк от слов «Суворов никогда...» до слов: «армии исчезло» помета на полях карандашом рукой И.И.Дибича: «А армия Александра I уничтожила французскую европейскую армию и взяла Париж, но это безделица! Г[осподин] Кутузов, вероятно, не знал!!!»

ная в превосходстве своими вековыми поражениями, овладев у нас понятиями всех, устремила внимание людей, занимающих первые должности военного управления к предметам, едва ли заслуживающим внимания, отчего предметы важные и великие, на коих утверждается незыблемость престола и могущество государственное, совершенно исчезли из виду. Начальствующим известно было, который полк отлично марширует, который ставит твердо ногу, но знали ли они и даже знают ли состояние солдата, его душу, его нравственное положение. Утверждаю решительно: не знали и не знают.

Говорят, что ученье занимает солдата и отклоняет его от лени и познания тех предметов, которые бы обсуживал в свободное время. Но справедлива ли сия мысль? Беспрестанные и изнурительные ученья все-таки оставляют ему столько времени, чтобы постигнуть тяжелое свое положение, напротив, они беспрестанно напоминают ему о сем положении. Какие же занятия будут соответствовать настоящей цели своей? Те, которые бы, принося пользу государству, были выгодны и для солдата и посредством сей выгоды заставили бы его любить сие занятие, обратить на оное все его внимание. Римские легионы в мирное время построили вековые дороги; Наполеон в краткие дни спокойствия занимал полки свои теми же работами, а кто скажет, что войска Рима и Наполеона не имели устройства и мужества; ибо на все есть время: на ученья и на работы. Громада же наших войск, истребляя великие суммы без всякой пользы, таит в безнравственном состоянии своем один беспорядок, тогда как богатейшие области разорены деланием дорог, а водяные сообщения, судя по обширности и потребности империи, находятся в младенческом состоянии.

От времени Петра Великого и до кончины Екатерины Великой войска русские не знали поражений, с малым числом они торжествовали над великими силами! Неужели с теми светилами земли славянской скрылся великий дух русского народа? Нет, 1812-й год доказал, что мы сохранили славное достояние праотцов и полки наши, составленные из ратников, не владевших никогда ружьем, торжествовали блестящие победы, искали смерти, а не жизни постыдной. Да не думают, что и привязанность к престолу, любовь к государю исчезли в сердцах русских, нет, эта привязанность и любовь составляла и составляет отличительное достоинство наше; русские те же, что были прежде, но нет пружины, движущей их души. Иностранцы распространили расслабление во всех частях государственного управления; они влиянием, преимуществами своими поселили в душах русских мысль, что монархи наши презирают нашим усердием, нашими чувствами и беспредельною привязанностию.

Ежели политика татар в отношении порабощенной ими России и турок в управлении греками считается ошибочною и вредною для сих народов, хотя татары и турки имели благоразумие не допускать не только скитающихся иноплеменников, но и покоренных, управлять даже маловажными частями господствующих государств; должно ли после

сих опытов верить^а важные должности иностранцам и удалять владычествующий народ от управления покоренными областями? Русские не терпят иностранцев, иностранцы в душе ненавидят русских. Какие же последствия могут быть от сей противоположности чувств? Во время войны 1812-го года Барклай де Толли¹⁰ при всем уме своем не мог приобрести доверенности русских, все роптали и порицали его, дух войска упал, надежда исчезла; прибыл Кутузов¹¹ и все переменялось, малочисленные войски стали в грозном положении, дух народный восстал и где Наполеон?

1821^б-го года Семеновский полк произвел беспорядок¹² от презрения и ненависти к полковому командиру-иноземцу. В происшествии 14-го декабря Московский и Гренадерский полки увлеклись в пропасть от неуверенности и ненависти к полковым командирам-иностранцам¹³. Может быть, скажут, что экипаж гвардии не был управляем иностранцем, но отвечаю, что экипаж был обманут, что весь корпус на площади и большая часть офицеров^в были замешены, чем и поколебали нижних чинов. Гренадерский же полк, уже присягнувший в верноподданстве, увел один поручик в глазах полкового командира^г. Думаю, достаточно сих примеров, дабы удостовериться, как вредно для спокойствия государя и благосостояния общественного неколебимость престола утвердить на чувствах, противоположных чувствам господствующего народа. Также влиянию иностранцев обязаны мы искоренению того высокого драгоценного чувства, которое руководило полки наши к победам. Прежде с восклицанием: «За дом пресвятой Богородицы и матушку царицу», с восклицанием, священным для полководца и простого ратника, русские производили исполинские дела; прежде на Святой Руси знамение спасения нашего в руках пастыря прекращало раздоры гражданские; а ныне вера уже не служит залогом ни частного, ни общественного спокойствия: в происшествии 14-го декабря, что произвело появление первосвященника, кроме неуважения к святыне, им принесенной, и презрения к сану, им занимаемому¹⁴. И могут ли солдаты заимствовать у начальников уважение к вере, ежели они иноверцы и называются от нижних чинов басурманами (общее название тем, которые не исповедают нашей веры).

Все то, что выше изложено нами насчет обучения и духа ропота, находится в Гвардейском корпусе в высокой степени. Сии войска, должествующие быть примером поведения, а они первые, которые беспорядок производят. Причин сему мы должны искать не в людях, полки гвардии составляющих, но в действии, с людьми употребляемыми, в том, что при образовании и управлении ими выпущена цель учреждения гвардии.

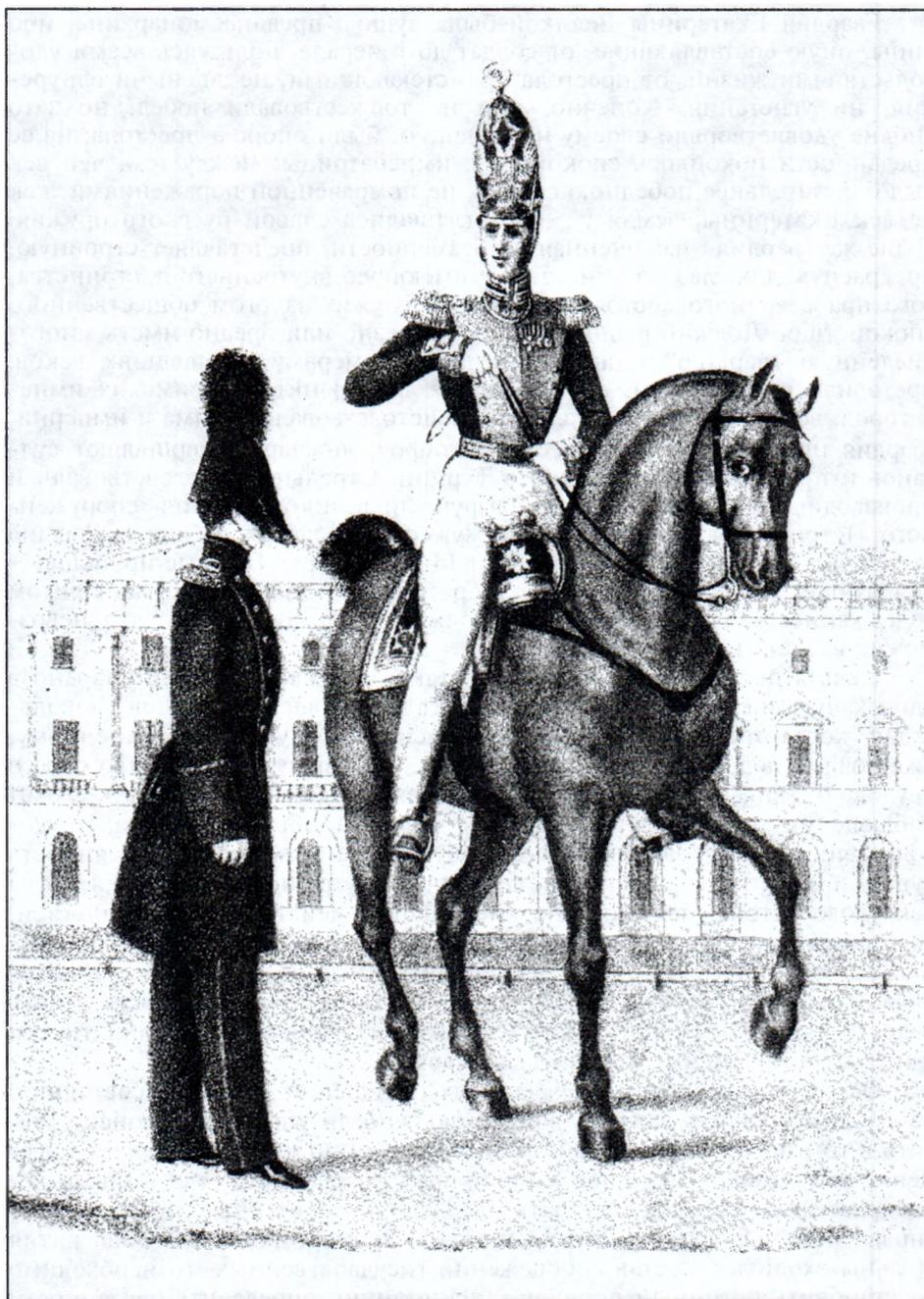
---

^а Текст от слов: «...должно ли...» до слов: «опытов верить» написан по стертому другими чернилами. В экземпляре, хранящемся в ОПИ ГИМ, в фонде Ф.П.Толстого, вместо этих слов написано: «то как прочесть ту политику, которая веряет».

^б Дата написана по стертому тексту.

^в На полях против последних слов помета рукой И.И.Дибича: «А Московский, Гренадерский? Какие иностр[анцы]?»

^г Против последних слов помета на полях рукой И.И.Дибича: «Так!»

Форма лейб-гвардии Павловского полка. 1826 г.

Гвардия Екатерины Великой была душою предана монархине, ибо чины, оную составляющие, от солдат до генерала, пользуясь всеми удовольствиями жизни, от престола проистекающими, не знали ни изнурения, ни угнетения. Конечно, они не торжествовали побед, но зато вполне удовлетворяли своему назначению, были опорой престола, на ее преданности покоилось спокойствие императрицы; между тем, чей век был блистательнее победною славой, не помраченной поражениями, как не век Екатерины; земля и море оглашались славой русского оружия. Ныне же гвардия, увеличенная до безмерности, представляет стройную, прекрасную для глаз машину, но не имеющую внутреннего достоинства, того нравственного состояния, которое служит залогом общественного спокойствия. Должно решить вопрос, полезно или вредно иметь многочисленную гвардию? Станем отвечать примерами прошедших веков: преторианские когорты, составляющие телохранителей римских императоров, возводили и низлагали^а их, неистовствовали в Риме и империи; гвардия ниспровергла могущество калифов; янычары умерщвляют султанов и производят беспорядки в Турции. Стрельцы неистовствовали и производили мятежи и едва не разрушали великого здания, сооруженного Петром¹⁵; одно неколебимое мужество государя избавило Россию от важных бедствий в происшествии 14-го декабря. Таковые происшествия лучше решают вопрос, чем теоретические доказательства. При том содержание гвардейского солдата должно быть достаточно, что невозможно сделать при множестве.

Нельзя постичь мысли, для чего такое множество людей собрано в одну кучу, заперты в казармах, лишены даже малейших видов удовольствия, когда это средство, присовокупясь ко всему вышеобъясненному, ожесточает людей, дает им возможность, нет, вынуждает чувство своего неудовольствия сделать общею принадлежностью всех и укрыть его от наблюдения правительства. Лишить человека общности и удовольствий значит заставить его войти в самого себя, рассеянность чувств и понятия совокупить в одну точку внутреннего ощущения, тогда как удовольствие, делимое вне круга наших действий и обязанностей, развлекает внимание, обращает его на предметы посторонние. Мгновенные удовольствия есть то мгновение жизни, в которое человек, примиряясь со своим состоянием, забывает его тягости. Возможность делить радости в общности часто извлекает из души нашей неприятности и не дает огорчениям укорениться в сердце.

Оставляя рассматривание частных отношений военного состояния, необходимо решить важный вопрос: должно ли управление войск оставить в том положении случайности, в каком оно находится до сего времени, или приближать оное к настоящей потребности, т.е. отбросить все предрассудки и своеволие, дать твердые и постоянные правила сему управлению? Ежели понятия, чувства, постоянный ход общежития должны входить в состав соображений государственных, то необходимо восстановить истинный порядок (дисциплину), определить обязанности солдата, род его обучения, время учения (соразмерное с силами и действительной необходимостью), определить возможность и меру наказа-

^а Слово «низлагали» написано другими чернилами вместо стертого слова. В рукописи Ф.П.Толстого: «низводили».

ния, не отдавая ничего произволу и прихоти; дать солдату содержание, достойное великой жертвы его для государства. Это необходимо тем более, что война 1812-го года, открыв силы народа русского, раздвинула те понятия, которые бы еще полвека таились во мраке неизвестности, войска наши прошли Европу, видели устройство царств, особенно узнали то, что касается до их состояния, усмотрели неравенство своей участи с участию войск других государств, и сие познание столь глубоко вкоренилось в сердцах всех чинов, что никакие человеческие силы не могут изгладить оног^а. Должно ли идти против все сокрушающего течения времени? Нет, не должно, и не должно совершенно поработаться его прихотям: искусный кормщик не плывет противу ветра, но лоя его же под паруса, достигает той цели, от которой отклоняет его ветер. Беспорядки, видимые в войске нашем в течение последних десяти лет, не доказывают ли, что должно согласоваться с обстоятельствами.

В наших же военных законах, даже в мелочных случаях, нет ничего определенного, ничего постоянного. Например, по положению некоторые вещи, выслужившие сроки, должны оставаться в пользу солдата. Одни полковые командиры отдают их в полное распоряжение солдата, другие, понимая, что они должны быть употреблены на солдата, располагают ими по произволу: каждый из них считает себя правым, а между тем, часто от сего происходят жалобы и беспорядки. Покойный Уваров¹⁶, видя сие и зная, что инспекторские смотры производятся многими поверхностно, поручил мне^б составить для сего определительные правила. Вследствие чего, соединя все постановления по сему предмету, составя некоторые вновь (согласно с потребностью настоящего устройства войск), я написал руководство для инспекторских смотров, разделя их на три части: на обозрения строевое, хозяйственное и нравственное, сие последнее в тех предметах, которые могут быть подвержены явному осмотру, и, изложив в записке причины беспорядков, происходящих в Гвардейском корпусе 1821-го¹⁷, представил все сие по кончине его начальнику штаба. Может быть, меры, изложенные русским, недостаточны и ошибочны, по крайней мере, можно бы было обратить внимание на существенные недостатки наших военных положений и поставить правила твердые и благоразумные.

Управление Гвардейского корпуса есть предмет весьма важный, требующий благоразумия и твердости. Никто так не постигал цели существования и управления гвардейскими полками, как покойный Уваров. Может быть, многие на него роптали за то, что он старался отклонить своеволие полковых командиров, восстановить истинный порядок и попечением о солдате приобрести его доверенность к начальству, но это была необходимость, одно средство поддержать колеблющееся устройство. Не спорю, может быть, и при Уварове заговорщики могли бы увлечь нижних чинов, но уверен, что при его голосе они бы возврати-

---

^а Против последней строки на полях помета карандашом рукой И.И.Дибича: «Вот главное в записках Кут[узова]».

^б Слова «поручил мне» подчеркнуты карандашом, против них на полях помета карандашом рукой И.И.Дибича: «???!»

лись к своим обязанностям, и Петровская площадь не обагрилась бы кровью русских.

Мудрость государя положит твердые оплоты злу, кроющемуся в нравственном состоянии войск; век Петра и Екатерины еще озарит небосклон сетующей и страждущей России, но да позволено будет сказать, что, дабы пролить надежду на лучшее в сердца солдат, дабы попечением об их участи приковать души, необходимо какое-нибудь благотворное для них облегчение, проистекающее от самого монарха в первые дни его царствования. Смею думать, что самое лучшее для них и полезное для государства уменьшить срок службы в полках гвардии и армии. Конечно, благотворное внимание монарха впоследствии даст войскам мудрые и благодетельные уставы, но и в сем случае докажет, что участь миллионов людей, всю жизнь свою посвятивших на его служение, не недостойна его воззрения.

Термин службы нашего солдата, отделяя его от гражданственности, составляет особый класс, который, заключая в себе важный перевес в силах, всегда может грозить разрушением порядка. Опытность лет, устроительство государств удостоверяют, что только то войско служит залогом общественного спокойствия, которое втекает в общую массу гражданственной деятельности, когда семейственные связи и имущество влагают в них чувства тишины и спокойствия. Это естественно, человек наслаждается настоящим благом, он не доверяет будущему, следовательно, трудно подвигнуть его на предприятие отдаленное, мечтательное и опасное, когда все драгоценное для его сердца сохраняется общественным спокойствием, незыблемом владычеством законов. Притом связь воина с государством посредством имущества и семейства вдыхает в него непреодолимое мужество, когда враг грозит разрушением благосостояния государственного.

Высокое чувство государя удостоверяет нас, что, наконец, обратится внимание на обеспечение последних дней жизни воинов, на поле брани изувеченных. Доселе, какую награду, какое воздаяние получали ратники, утратившие силы свои, защищая славу государя и государство? Нищенский посох, неимение крова, где бы можно было приклонить голову, покрытую священными для отечества ранами. Не одно человеколюбие, но слава государя, польза общественная требует вознаграждения в подобных случаях, ибо тот бесстрашно жертвует жизнью, кто уверен, что эта жертва приведет его под кров попечительный и покойный. Инвалидный дом в Париже есть образец, достойный подражания.

Отставной гвардии штабс-капитан
Кутузов^а

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2 «а». Д. 3571. Л. 2—17.

---

^а Записка подписана Н.И.Кутузовым собственноручно. Листы записки скреплены в правом нижнем углу Н.И.Кутузовым: л. 2 — «От», л. 3 — «став», л. 4 — «ной», л. 5 — «гва», л. 6 — «рдии», л. 7 — «шта», л. 8 — «бс», л. 9 — «капи», л. 10 — «тан», л. 11 — «Ни», л. 12 — «ко», л. 13 — «лай», л. 14 — «Ку», л. 15 — «ту», л. 16 — «зов».

Примечания

¹ Фраза из обращения Петра I к войскам в день Полтавской битвы 27 июня (8 июля) 1709 г.

² Здесь и далее автор полемизирует со сторонниками прусской военной школы, особенно насаждавшейся в армии при Павле I.

³ Имеются в виду военные успехи, достигнутые в период царствования Екатерины II (1762—1796).

⁴ *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821) — французский император в 1804—1814 и в марте—июне 1815 г. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи.

⁵ Имеются в виду операции русских войск в ходе Семилетней войны (1756—1763 гг.) в Восточной Пруссии и других районах Германии. Елизавета Петровна (1709—1761/62) — императрица с 1741 г., дочь Петра I.

⁶ *Суворов А.В.* (1729 или 1730—1800) — полководец, генералиссимус (1799).

⁷ *Румянцева П.А.* (1725—1796) — полководец, генерал-фельдмаршал.

⁸ Имеется в виду сражения в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. при р. Ларге (близ устья Дуная) и р. Кагуле (1770).

⁹ Н.И.Кутузов не совсем точен в оценке результатов русско-турецкой войны 1806—1812 гг.: одним из ее итогов явилось присоединение к России Бессарабии.

¹⁰ *Барклай-де-Толли М.Б.* (1761—1818) — в 1810—1812 гг. военный министр. В Отечественную войну 1812 г. командовал 1-й армией, в июле—августе — главнокомандующий. Генерал-фельдмаршал (1814).

¹¹ *Кутузов М.И.* (1745—1813) — полководец, генерал-фельдмаршал (1812). С августа 1812 г. главнокомандующий русской армией.

¹² Выступление Семеновского полка произошло в 1820 г.

¹³ Командиром лейб-гвардии Московского полка был П.А.Фредерикс; командиром лейб-гвардии Гренадерского полка — Н.К.Стюрлер.

¹⁴ 14 декабря 1825 г. к восставшим войскам по требованию Николая I обратился петербургский митрополит Серафим, но был изгнан с площади.

¹⁵ Восстания стрельцов были подавлены еще до проведения Петром I основных преобразований.

¹⁶ Имеется в виду командир Гвардейского корпуса Ф.П.Уваров, который скончался 20 ноября (2 декабря) 1824 г.

¹⁷ См. примеч. № 12.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРЬ

Документы об отправке осужденных на каторгу и в ссылку и об условиях их содержания. 1826—1837 гг.

5 июля 1826 г. Верховный уголовный суд вынес приговор 121 декабристу. Пятеро — П.И.Пестель, С.И.Муравьев-Апостол, М.П.Бестужев-Рюмин, К.Ф.Рылеев и П.Г.Каховский — были поставлены «вне разрядов» и приговорены к «смертной казни четвертованием», остальные 116 распределены по степени их вины на 11 разрядов. 31 человек 1-го разряда был приговорен к «смертной казни отсечением головы», 21 человек 2-го и 3-го разрядов — к пожизненной каторге, 38 человек 4—7-го разрядов — к каторжным работам на сроки от 4-х до 15-ти лет с последующим пожизненным поселением в Сибири, 18 осужденных 8—9-го разрядов — к пожизненной ссылке в Сибирь и 12 человек — 11-го разрядов — к ссылке в «отдаленные гарнизоны». По царской конфирмации 10 июля 1826 г. четвертование для «внеразрядников» было заменено повешением, «отсечение головы» для отнесенных к 1-му разряду смертная казнь была заменена пожизненной каторгой; сокращены были сроки некоторым из приговоренных к каторге¹. После «обряда разжалования» в ночь на 13 июля и состоявшейся наутро казни пятерых, последовала поэтапная отправка осужденных в места отбывания ими наказания. Она началась в конце июля 1826 г. с 30-ти человек 9—11 разрядов, осужденных на службу рядовыми в дальние гарнизоны и на поселение, а также одновременно 20-ти человек 1-го разряда, из них 8 человек были отправлены в Нерчинские рудники, а 12 — на временное размещение в Шлиссельбургской, Кексгольмской и Свартгольмской крепостях (См. док. № 1). Отправка остальных осужденных на каторгу и в ссылку проводилась в течение 1827 г. Надзор за отправкой осужденных в места наказания и за соблюдением предписанного режима их содержания был возложен на III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии².

«Декабристская» тема в посвященной ей обширной литературе обычно завершалась описанием восстания 1825 г., следствия и суда над декабристами. Тема «Декабристы после декабря» занимала историков меньше. Особенно слабо исследован сюжет о скорбном пути осужденных декабристов на каторгу и в ссылку. Исследователи, касавшиеся этой темы, сведения о ней брали обычно из воспоминаний самих декабристов.

Ниже публикуются официальные документы, извлеченные из фондов: III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии (Ф. 109) (ГА РФ), Главного штаба и Инспекторского департамента (Ф. 35 и 36) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Публикацию подготовил доктор исторических наук В.А.ФЕДОРОВ.

¹ См.: Восстание декабристов. Документы. М., 1980. Т. XVII. С. 187—214, 224—236.

² Материалы об этом находятся Государственном архиве Российской Федерации. Ф. 109. 1-я эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 1—121.

№ 1

Отношение начальника Главного штаба И.И.Дибича¹
к военному министру А.И.Татищеву²

17 июля 1826 г.

Государь император высочайше повелеть соизволил.

Во-первых. Преступников, осужденных Верховным уголовным судом, разослать по назначению следующим порядком: во-первых, начать отправление с разжалованных в солдаты тридцати человек³, считая в том числе и морских, коих высочайше повелено назначить также в сухопутные войска. Всех их разослать немедленно с фельдъегерями по присылаемому при сем назначению (Бодиско — Владикавказский полк, Коновницын в Семипалатинский гарнизонный батальон, Оржицкий в Кизлярский батальон, Кожевников — в Оренбургский гарнизонный полк, Цебриков в Бийский горный полк, М.Пушин в Красноярский гарнизонный батальон, П.Бестужев в Кизильский гарнизонный батальон, Веденяпин 2-й в Верхнеуральский батальон, Мусин-Пушкин в Звериноголовский батальон, Акулов в Томский внутренний горный батальон, Фок в Усть-Каменогорский батальон и Лаппа в Петровский гарнизонный батальон⁴.

Во-вторых. Отправить с фельдъегерями трех челорвек, осужденных в крепостную работу, по назначению, у сего прилагаемому (Бодиско 2-й и Берстель в Бобруйск и Булгари в Динабург)⁵.

В-третьих. Отправить с фельдъегерем же назначенного на жительство в Якутск без лишения чинов отставного полковника Александра Муравьева⁶, наблюдая, чтоб он ехал в телеге, а не в своем экипаже. Буде жена его пожелает ехать с ним вместе, то ей в том отказать, дозволив ей только отправиться за ним вслед.

В-четвертых. За сим приговоренных к ссылке в Сибирь отправить по прилагаемому назначению (Краснокутский — Верхоянск, Андреев — Жиганск, Веденяпин Ап. — Вилюйск, Чижов — Олекминск, Голицын — Киренск, Назимов — Верхне-Колымск, Бобришев-Пушкин 1-й — Среднеколымск, Заикин — Гижинск, Шаховской — Туруханск, Фохт — Березов, Мозгалевский — Нарым, Шахирев — Сургут, Враницкий — Пелым)⁷.

Гражданским губернаторам тех губерний, в которые [осужденные] ссылаются, наблюдать, чтоб отправлять [их] чрез день по два по два человека при одном фельдъегере и 4-х жандармах таким образом, чтоб с каждым преступником ехало два жандарма и позади их фельдъегерь. В то же время сообщить по принадлежности высочайшую волю гражданским губернаторам, чтобы отправление преступников от губернского города до места их назначения было производимо установленным порядком, соблюдение коего остается на ответственности губернаторов, равно как учреждение высочайшего надзора за сими преступниками, о поведении коих ежемесячно доносить в собственные руки его величества чрез Главный штаб.

В-пятых. Из числа приговоренных в каторжную работу 8 человек, а именно: Сергея Трубецкого, Евгения Оболенского, Артамона Муравьева, Василия Давыдова, Якубовича, Сергея Волконского, Борисова 1-го и Борисова 2-го⁸, отправить немедленно закованными в двух партиях, имея при каждом четырех одного фельдъегеря, в Иркутск к гражданскому губернатору Цейдлеру, коему и сообщить высочайшую волю, чтобы сии преступники были употребляемы как следует в работу, и поступлено с ними было во всех отношениях по установленному для каторжников положению; чтобы он назначил для неослабного и строгого за ними смотрения надежного чиновника, за выбор коего он ответствен, и чтобы он о состоянии их ежемесячно доносил в собственные руки его величества чрез Главный штаб.

В-шестых. Из числа таковых же приговоренных в каторжную работу отправить четырнадцать⁹ человек в крепости по назначению, у сего препровождаемому (Горбачевского, Спиридова, Бярятинского, В.Кюхельбекера, Вадковского — в Кексгольм, Андреевича, И.Пушина, Юшневского, Пестова в Шлиссельбург, Штейнгеля, Батенькова и Беляева в Шварцгольм)¹⁰. Для содержания их там под строгим арестом впредь до назначения им мест в Сибири; отправлять же их таким порядком, как и вышеозначенных 8 человек. При сем предписать Шлиссельбургскому коменданту, чтобы он немедленно донес, не имеется во вверенной ему крепости еще более помещения для арестантов.

В-седьмых. Отправление вообще устроить таким порядком, чтобы следуемые по одному тракту выезжали не в один день, а через сутки, в случае же недостатка фельдъегерей можно употреблять и надежных жандармских унтер-офицеров.

В-восьмых. Наконец остальные преступники, приговоренные Верховным уголовным судом, кои не поименованы ни в сем отношении, ни в приложенных списках, должны остаться в С.-Петербургской крепости на том же основании, на котором донныне содержались, впредь до повеления.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 8/851. Д. 50. Ч. 1. Л. 38—39.

№ 2

Дополнение к отношению начальника Главного штаба И.И.Дибича к военному министру А.И.Татищеву

17 июля 1826 г.

Его императорскому величеству угодно, чтобы отправление преступников к местам их назначения производилось ночью и по секрету, чтобы никто из них не был посылаем через Москву, чтобы следуемые в Сибирь были отправляемы по Ярославскому тракту, и, наконец, чтобы маршруты их следования не были никому сообщаемы. Остающимся в С.-Петербургской крепости позволяется иметь свидание с родственниками не более одного раза в неделю и по записке г-на коменданта кре-

пости, который для избежания всякого беспорядка должен взять надлежащие меры предосторожности, о чем ему дано уже знать.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 8/851. Д. 50. Ч. 2. Л. 44.

№ 3

Циркулярное предписание начальника Главного штаба И.И.Дибича комендантам Шлиссельбургской, Кексгольмской и Свартгольмской крепостей, а также Иркутскому гражданскому губернатору И.Б.Цейдлеру и Якутскому областному начальнику Н.Мягкову

13 августа 1826 г.

Государю императору угодно, чтобы преступников, осужденных Верховным уголовным судом в каторжную и крепостную работу, описаны были приметы, с означением их лет и роста.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 8/851. Д. 50. Ч. 2. Л. 1.

№ 4

Инструкция фельдъегерского корпуса фельдъегерю, сопровождающему в Сибирь осужденных декабристов

[1826 г.]^а

1-е. Поручаются тебе государственные преступники, которых приняв в крепости от г. коменданта, следовать с оными прямо по назначенному тебе тракту, отнюдь не переменяя оногo и не заезжая никуда в сторону.

2-е. Везти сих преступников каждого на одной подводе, с одним жандармом, для чего получишь ты прогонные деньги на подводы, и откомандировано с тобою 4 жандармов; самому тебе ехать сзади, также на особой подводе;

3-е. Никаких особенных повозок, бричек и тому подобного дорогою ни для себя, ни для арестантов не заводить, и ни от кого не принимать.

4-е. На продовольствие арестантов получишь ты кормовые деньги по 50 коп. на человека в сутки, которые им в руки не отдавать, а иметь у себя.

5-е. Отнюдь не останавливаться нигде и в тому подобных публичных заведениях ни под каким предлогом в оные не заезжать, особенно в городах, а стараться доставать нужную на продовольствие пищу на самых станциях, дозволяя преступникам употреблять, что только необходимо нужно будет для поддержания их сил и здоровья, но избегая всякой роскоши и излишеств, как-то: больших обедов, употребления шампанского и других виноградных вин.

---

^а Дата установлена по содержанию документа.

6-е. Дорогою нигде не допускать ни под каким предлогом для свидания с арестантами разговоров, также принимать от посторонних людей пособия.

7-е. Не позволять им нигде никаких записок или писем и вообще какого бы рода ни было письменных бумаг; равно и на имя их таковых ниоткуда не принимать.

8-е. Никому не сказывать, куда и откуда препровождаетесь.

9-е. Если кто из арестантов заболит, то оставлять такового тогда только, когда предвидится, что не можно будет довести до места назначения без опасности для жизни. В таком случае, буде нельзя достигнуть города, то оставить оного в ближайшем и удобном месте, но не иначе, как с одним жандармом и при проезде чрез уездный город известить о том местное начальство для принятия нужных мер, как для попечения об оном, так и для надзору.

10-е. В случае приключившейся арестанту такой болезни, по которой не нужно будет оставлять его на пути, позволить тебе, по усмотрению необходимости, расковать его, но вместе с тем усугубить за ним надзор. Когда же он получит облегчение, то имеешь заковать его по-прежнему.

11-е. Во всяком неожиданном случае, если потребует нужда, как равно и при затруднениях в получении подвод, просить помощи со стороны местного начальства по открытому предписанию, которое тебе дано будет.

12-е. По доставлении арестантов к месту назначения сдать их и самому с жандармами отправиться обратно.

РГВИА. Ф.36. Оп. 4/847. Д. 544. Л. 4—6.

№ 5

Показания фельдъегерей о поведении отправляемых в крепости осужденных декабристов

[Показания даны 10—26 октября 1826 г.]

Показание фельдъегеря Васильева, сопровождавшего В.А.Дивова¹¹ и бр. А.М. и П.А. Бестужевых.

Вели себя хорошо, но начали что-то говорить по-французски. Я приказал говорить по-русски, они замолчали.

Показание фельдъегеря Тихонова, сопровождавшего Голицына и А.И.Шахирева.

В разговорах сожалели о своей участи и рассуждали, что не совсем того заслуживали потому, что хотя и были в связях с обществом, но потом оставили оное; Голицын во всю дорогу был покоен, иногда делал

¹¹ Эти показания были взяты во исполнение предписания начальника Главного штаба И.И.Дибича от 5 сентября 1826 г.: «Расспросить в подробностях у каждого из фельдъегерей как о поведении, так и о разговорах арестантов во время пути» (РГВИА. Ф. 36. Оп. 8/847. Д. 50. Ч. 2. Л. 127).

планы будущей своей жизни, как он по водворении на место будет заниматься хозяйством и разведением сада, а Шахирев был уныл и нередко плакал.

Второе показание фельдъегеря Тихонова, сопровождавшего В.С.Норова, П.А.Муханова и П.В.Поджио¹².

Все сожалели о своей участи, а особенно Поджио сожалел о жене и детях своих; говорил, что он знал прежде, что им всем будет пагуба за их глупость.

Показание фельдъегеря Генрока, сопровождавшего Ф.П.Шаховского и Н.Ф.Заикина.

Заикин сознавал себя виновным, а Шаховской говорил, что если бы возможно было ему писать и дело его еще раз пересмотреть, то он мог бы надеяться быть оправданным.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 8/847. Д. 50. Ч. 2. Л. 154—163.

№ 6

Донесение жандармского капитана Миллера о поведении первой партии осужденных на каторгу в Сибирь

[1826 г.]^а

У всех арестантов были на ногах кандалы. До второй станции (от Петербурга до Пеллы) не повстречались приключения, а здесь ожидала их жена Муравьева¹³ с другою еще женщиною, которые с Муравьевым и фельдъегерем в особой комнате на станции около часа оставались, пока лошадей закладывали. Прочие же арестанты пробыли с жандармами в сенях и на крыльце и сказали, что им тяжело быть свидетелями такого прощания.

По приезде в Ярославль на станцию пришел туда дядя Муравьева Горяинов, который до отъезда их часа полтора с ним в комнате пробыл, где и фельдъегерь находился. Тетку же его, которая также с ним хотела видиться, сам Муравьев просил не впускать, опасаясь, что слезы ее могут причинить шум.

После Ярославля Муравьева растрясло, он ослаб, так что на некоторое время с него сняли кандалы, которые однакож, проехав несколько станций, опять [на него] наложили.

В Костроме к Муравьеву пришел его крепостной человек и принес ему холст и шапку. Дорогою, особенно в городах, фельдъегери и жандармы брали все предосторожности, чтобы любопытные около них не толпились, о чем и самые арестанты их просили, стараясь по выходе из повозок придерживать кандалы, чтобы не гремели и тем не возбуждали любопытство народа[...]

Кандалы сквозь тонкие голенища протерли им ноги, отчего несколько раз дорогою их снимали, а протертые до крови места тонкими тряпками обвязывали, и потом опять кандалы накладывали[...]

^а Дата установлена по содержанию документа.

В начале дороги во всех городах, которые днем проезжали, были всегда окружены толпою любопытных. Везде между народом до прибытия их еще слухи пронеслись, что сих арестантов провезут, и все стремились их видеть[...]

Жандармы показывают, что все арестанты, особливо пока еще по российским губерниям ехали, очень были печальны, большею частью молчали и часто плакали, а более протчих Давыдов и Муравьев. Давыдов неоднократно тужил об оставленных пятерых детях. Муравьев большею частью плакал и упрекал себя в том, что он по своей глупости сам причиной своего несчастья. Оболенский дорогою часто пенял на самого себя, говоря, что прежде находясь в заблуждении, не знал никакого закона, за что теперь страдает. Якубович был также очень печален, но всё казался против протчих бодрее духом, и иногда уговаривал других. Вообще они все мало разговаривали с жандармами, а насчет преступлений своих почти никаких разговоров не имели. Между собою же, когда на станциях вместе были, арестанты всегда по-французски говорили[...] В Сибири арестанты менее стали печалиться, расспрашивали иногда на станциях у смотрителей, которые те места знают, об Нерчинске, и располагали между собою, как они там жить будут, причем показывали более бодрости духа, чем с начала дороги.

ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 1. Л. 77—80.

№ 7

Предписание Николая I коменданту Нерчинских рудников генерал-лейтенанту С.Р.Лепарскому¹⁴ о порядке содержания осужденных Верховным уголовным судом

28 октября 1826 г.

1) Преступники сии должны быть употребляемы как следует в работу и поступаемо с ними во всех отношениях по установленному для каторжных положению.

2) Внушить им, чтобы они имели скромное и тихое поведение, совершенное послушание начальствам и точное исполнение возложенных на них работ.

3) Воспретить им всякое постороннее сношение, скрытую с кем бы то ни было переписку. Буде они кому желают писать, то чтобы письма их были доставляемы ко мне, запечатанные чрез вас, посредством пересылки их пр еженедельном донесении, другие меры чтоб ими не были отыскиваемым, под опасением строгой ответственности.

4) Сношения с прочими ссыльными, кроме необходимых, чтобы не имели, и чтобы ни с кем из них разговоров на иностранных языках не иметь.

5) Во время, свободное от работ, чтобы находились на квартирах, и у себя никаких посторонних сборищ посторонних не допускали.

6) Во опасение их собственности от похищения, деньги, имеющиеся у них, кроме необходимых для жизненного продовольствия, чтобы

отданы были в хранение конторы под печатью, откуда по мере надобности им выдавать.

7) Одежда [должна] соблюдается прилично теперешнему их званию, почему фраки и сюртуки им воспретить.

8) Обратит внимание на образ жизни, на занятия в свободное время, на расположение духа и на разговоры, которые они будут вести между собою и посторонними, и если заметите нескромности, относящиеся к вольнодумству или другому неприличию, то, приняв меры к воспрещению, донести мне.

9) Дозволить завестись им домами и нужным для того хозяйством.

10) Ни под каким видом отлучку от завода не допускать. И потому не посылать их никуда по заводским делам в другие заводы.

Всё доносится мне каждые две недели по секрету о преступниках сих о каждом особенно: как ведут себя, в каком они расположении духа, занимаются ли работою, и обо всём, что до них касаться будет.

РГВИА. Ф. 35. Оп. 9/851. Д. 102. Л. 154—155.

№ 8

Правила, выработанные «Особым комитетом для совещания об образе присмотра в местах ссылки за осужденными по решению Верховного уголовного суда и о других обстоятельствах, до них относящихся»

31 августа 1826 г.^а

Все каторжные находятся в полном ведении коменданта.

Они содержатся всегда в оковах.

На ночь держать под замком.

Если бы жены сих преступников прибыли к ним из России с намерением разделить участь своих мужей и пожелали жить вместе с ними в остроге, то сие позволить, но тогда жены не должны иметь при себе никакой услуги. Когда же они будут жить отдельно от мужей вне острога, в таком случае могут иметь при себе услугу, но отнюдь не более одного мужчины и одной женщины. Женам, живущим вне острога, позволено свидание в остроге через два дня один раз.

Если их люди не пожелают остаться, то возвратить их в Россию.

Строго наблюдать, чтобы преступники и их жены не могли привезти с собою или получать от кого-либо больших сумм ни в наличных деньгах, ни в ценных вещах, исключая только такой суммы, которая необходима для их содержания, но и то не иначе, как чрез коменданта, который выдает им таковое пособие по частям, смотря по надобности.

Кроме жен запрещены свидания с другими родственниками.

Преступники сии не должны писать писем ни к родственникам и ни к каким другим лицам. Жены же их, как живущим в остроге, так и

---

^а Утверждены Николаем I 19 сентября 1826 г.

вне оного, могут посылать от себя письма, но не иначе, как отдавая оные открытыми коменданту, который будет препровождать их к иркутскому гражданскому губернатору для дальнейшего отправления куда следует. Письма же на имя преступников и их жен адресованные позволяется получать как тем, так и другим, но также не иначе, как чрез коменданта. Другим же образом всякого рода письменные строго запрещаются под личную ответственности коменданта.

ГА РФ. Ф. 109.1-я экспедиция. 1816 г. Д. 61. Ч. 5. Л. 6—11.

№ 9

Утвержденный Николаем I имущественный статус жен декабристов.

27 апреля 1833 г.^а

Невинные жены государственных преступников, разделяющие супружескую с ними связь, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльнокаторжных и с сим вместе подвергаться всем личным ограничениям, составляющим необходимое последствие сожития их с преступниками, причем хотя и не лишаются права наследовать доходящую им собственностью, и вообще располагать своим имением чрез доверенных лиц способами, в законах дозволенными, но во всё время продолжения жизни мужей нужная на содержание жен часть из доходов прежде принадлежавшего или вновь наследованного имения должна быть выдаваема не им непосредственно, а в распоряжение того начальства, которому поручено заведование государственными преступниками, для употребления в пользу их, по правилам, какие на сие предписаны быть могут.

После смерти государственных преступников жившим с ними невинным женам их, на основании существующих узаконений хотя и должны быть возвращаемы все прежние их права, вместе с предоставлением в непосредственное уже распоряжение принадлежащих им имений и доходов с оных, но действие всех прав сих имеет ограничиваться одними пределами Сибири; дозволение же вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависеть будет от особенного усмотрения правительства, и не иначе каждой из них дано быть может, как с высочайшего разрешения.

ГА РФ. Ф. 109ю 1-я эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 3. Л. 19 и об.

№ 10

Отношение генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта С.Б.Броневского¹⁵ к начальнику III Отделения и шефу жандармов А.Х.Бенкендорфу¹⁶

31 июля 1837 г.

Государственные преступники, в Восточной Сибири пребывающие в заточении в Петровском заводе и на поселении вот уже 11 лет, ни в

^а Дата утверждения Николаем I.

каких дурных поступках замечены не были. Ведут себя тихо и покорно, и не могу сказать, чтобы связи их собственно в Сибири были с кем-нибудь тесны и подавали подозрение на составление зловредного общества. Одно только, что несколько человек сделались очень набожны и ведут строгую жизнь. Хотя можно назвать это мистикою, как известно России и всей Европе, из многого заметного, но преданность непрестанному молению можно отнести к раскаянию и утешению, которые они ищут в ужасных потрясениях судьбы, над ними совершившейся. Но если бы и было это притворно, и преступники действительно обманывали бдительность надзора начальства, то меры предосторожности и закон политики мне кажется допускали бы желать освобождения от них края младенчествуящего, беззащитного и наполненного толпами бесприютных поселщиков и каторжных, ничего в мире не имеющих, и которых какая-нибудь бойкая голова без труда увлечет в преступление, несмотря на коренное и сильное чувство даже в сем несчастном сословии преданности к государям и предрешающей власти.

По этим соображениям я полагал бы испросить государственным преступникам вообще помилования государя императора, столько уже в недавнее время явившего своего отеческого благодушия и милосердия к ним.

Помилование таковое, по моему мнению, может состояться: 1-е, в отправлении способных еще в Отдельный Кавказский корпус на службу, 2-е, в дозволении пожилым уже и семейным жить в своих деревнях или у родственников, без права пребывания в губернских и столичных городах, и 3-е, в отправлении нескольких за границу в другую часть света¹⁷.

ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 5. Л. 143—144.

Примечания

¹ *Дибич И.И.* (1785—1831) — граф, генерал-адъютант, начальник Главного штаба, член Следственной комиссии по делу декабристов, впоследствии фельдмаршал.

² *Татищев А.И.* (1762—1833) — военный министр, генерал от инфантерии, председатель Следственной комиссии по делу декабристов.

³ В документе поименованы 12 человек.

⁴ *Бодиско Б.А.* (1800—1828) — лейтенант Гвардейского экипажа; *Коновницын (Коновницын) 1-й*, 1803—1830) — подпоручик Гвардейского Генерального штаба; *Оржитский (Оржицкий) Н.Н.* (1796—1861) — отставной штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка; *Кожжевников Н.П.* (1804—1837) — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка; *Цебриков Н.Р.* (1800—1862) — поручик лейб-гвардии Финляндского полка; *Пуцин М.И.* (1800—1869) — капитан, командир лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона; *Бестужев П.А.* (1804—1840) — мичман, адъютант командира Кронштадтского порта; *Веденяпин А.В.* (Веденяпин 2-й, 1804—1847) — прапорщик 9-й артиллерийской бригады; *Мусин-Пушкин Е.С.* (1791—1831) — лейтенант Гвардейского экипажа; *Акулов (Окулов) Н.П.* (1797—?) — лейтенант Гвардейского экипажа; *Фок А.А.* (1803—1854) — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка; *Ланна М.Д.* (1799—1841) — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка.

⁵ *Бодиско М.А.* (1803—1867) — мичман Гвардейского экипажа; *Берстель А.К.* (1788—1830) — подполковник 9-й артиллерийской бригады; *Булгари Н.Я.* (1805—1841) — поручик Кирасирского полка.

⁶ *Муравьев А.Н.* (1792—1863) — отставной полковник Гвардейского Генерального штаба, в 1855—1861 гг. нижегородский губернатор.

⁷ *Краснокутский С.Г.* (1787—1840) — обер-прокурор в 1-м отделении 5-го департамента Сената; *Андреев А.Н.* (1804—1831) — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка; *Веденяпин А.В.* (Веденяпин 1-й, 1803—1872) — подпоручик 9-й артиллерийской бригады; *Чижов Н.А.* (1803—1848) — лейтенант 2-го флотского экипажа; *Голицын В.М.* (1803—1859) — камер-юнкер; *Назимов М.А.* (1801—1888) — штабс-капитан лейб-гвардии Конного полка; *Бобринцев-Пушкин Н.С.* (1800—1871) — поручик квартирмейстерской части; *Заикин Н.Ф.* (1801—1833) — подпоручик квартирмейстерской части; *Шаховской Ф.П.* (1796—1829) — отставной майор; *Фохт И.Ф.* (1794—1842) — штабс-капитан Азовского пехотного полка; *Мозгалевский Н.О.* (1801—1844) — из дворян Черниговской губернии; *Шахирев А.И.* (1799—1828) — поручик Черниговского пехотного полка; *Враницкий (Вроницкий) В.И.* (1785—1832) — полковник квартирмейстерской части.

⁸ *Трубецкой С.П.* (1790—1860) — князь, полковник, дежурный офицер 4-го пехотного корпуса; *Оболенский Е.П.* (1796—1865) — поручик гвардейского Финляндского полка; *Муравьев А.З.* (1793—1843) — полковник, командир Ахтырского гусарского полка; *Давыдов В.Л.* (1793—1855) — отставной полковник; *Якубович А.И.* (1796—1845) — капитан Нижегородского драгунского полка; *Волконский С.Г.* (1788—1865) — князь, генерал-майор, командир бригады 19-й пехотной дивизии; *Борисов (Борисов 1-й, 1798—1854) А.И.* — отставной подпоручик; *Борисов (Борисов 2-й, 1800—1854) П.И.* — подпоручик 8-й артиллерийской бригады.

⁹ В документе поименованы 12 человек.

¹⁰ *Горбачевский И.И.* (1800—1869) — подпоручик 8-й артиллерийской бригады; *Спиридов М.М.* (1796—1854) — майор Пензенского пехотного полка; *Борятинский (Борятинский) А.П.* (1799—1844) — штабс-ротмистр; *Кюхельбекер В.К.* (1797—1846) — отставной коллежский ассессор; *Вадковский Ф.Ф.* (1800—1844) — прапорщик Нежинского конно-егерского полка; *Андреевич Я.М.* (1801—1840) — подпоручик 8-й артиллерийской бригады; *Пуцин И.И.* (1798—1859) — судья Московского надворного суда; *Юшневский А.П.* (1786—1844) — генерал-интендант; *Пестов А.С.* (1802—1833) — подпоручик 9-й артиллерийской бригады; *Штейнгель (Штейнгель) В.И.* (1783—1862) — отставной подполковник; *Батеньков Г.С.* (1793—1863) — подполковник Корпуса инженеров путей сообщения; *Беляев А.П.* (1803—1887) — мичман Гвардейского экипажа.

¹¹ *Дивов В.А.* (1805—1842) — мичман Гвардейского экипажа.

¹² *Норов В.С.* (1793—1853) — отставной подполковник; *Муханов П.А.* (1800—1854) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка; *Поджио И.В.* (1792—1848) — отставной штабс-капитан.

¹³ Имеется в виду Артамон Захарович Муравьев.

¹⁴ *Лепарский С.Р.* (1754—1837) — генерал-лейтенант, комендант Нерчинских рудников, Читинского острога и Петровского завода.

¹⁵ *Броневский С.Б.* (1786—1858) — генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1834—1837 гг.

¹⁶ *Бенкендорф А.Х.* (1783—1844) — генерал-адъютант, член Следственной комиссии по делу декабристов, с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

¹⁷ Отношение генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б.Броневского было доложено шефом жандармов А.Х.Бенкендорфом 1 сентября 1837 г. Николаю I, который наложил резолюцию: «Неудобоисполнимо» (ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 5. Л. 144).

«ОБНИМАЮ ВАС ЕЩЕ РАЗ — ПОРА В ПУТЬ»

Письма с Кавказа декабриста М.М.Нарышкина.
1837—1838 гг.

Михаил Михайлович Нарышкин (1798—1863) в 1815 г. посещал занятия в Московском учебном заведении для колонновожатых, в службу поступил подпорщиком в Псковский пехотный полк, которым командовал его старший брат Кирилл Михайлович¹. С этим полком был в заграничном походе во время 100 дней Наполеона Бонапарта. Подпоручик (1817), переведен в лейб-гвардии Московский полк (1817), поручик (1818). Член «Союза благоденствия» (1818). Штабс-капитан (1819), капитан (1822). Член Северного общества (1823). Полковник с переводом в лейб-гвардии Измайловский полк (1823). Женат с 12 сентября 1824 г. на фрейлине императрицы Марии Федоровны графине Елизавете Петровне Коновницкой. Вел переговоры от имени Северного общества с руководителями Южного общества (1825). Участник подготовки восстания в Москве (декабрь 1825 г.). Осужден по IV разряду и по конфирмации 10 июля 1826 г., приговорен к каторжным работам на 12 лет, срок сокращен до 8 лет. Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь (1827)². Доставлен в Читинский острог (20 марта 1827 г.), прибыл в Петровский завод в сентябре 1830 г. По указу 8 ноября 1832 г. обращен на поселение в г. Курган Тобольской губернии, куда прибыл в 1833 г.³

Перемена климата при переезде из Петровского завода в Курган вначале благоприятно отразилась на здоровье Е.П.Нарышкиной, следовавшей за мужем в Сибирь, но затем у нее снова начались нервные припадки и приступы спазматической астмы. Поэтому 4 января 1835 г. Елизавета Петровна подала через графа А.Х.Бенкендорфа прошение императрице «о перемещении ее с мужем в одну из южных губерний России»⁴. Но в этом ей было отказано⁵. Были также предприняты старшей сестрой декабриста Маргаритой Михайловной Тучковой⁶ и тещей М.М.Нарышкина, графиней Анной Ивановной Коновницкой попытки добиться разрешения Е.П.Нарышкиной выехать в Россию для консультации с опытными врачами и лечения, но и они оказались безуспешными⁷.

¹ См.: Нарышкин А.К. К.М.Нарышкин — участник Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Бородино, 2000.

² См.: Нарышкин А.К. «Он заклинал молчать, буде дойдет до спроса // Вестник МЭИ. 1996. № 4. С. 79—87; его же. Декабрист М.М.Нарышкин в тайных обществах. 1810—1820 годы // Труды ГИМ. Вып. 105. 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 года. М., 1999. С. 53—67.

³ См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 125—126, 291.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. Д. 61. Ч. 85. Л. 36—37.

⁵ См.: Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905. С. 153.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. Д. 61. Ч. 85. Л. 40—41.

⁷ Там же. Л. 38, 42—43.

Большую роль в судьбе М.М.Нарышкина и ряда других декабристов сыграло посещение Кургана 5 июня 1837 г. наследником — будущим императором Александром II. Путешествуя по Сибири в сопровождении своего воспитателя В.А.Жуковского, великий князь под его влиянием отменил распоряжение местных властей, приказавших декабристам никуда не показываться во время пребывания его в городе. Более того, Жуковский передал им пожелание наследника, чтобы они присутствовали во время церковной службы, устроенной по случаю праздника Троицы. Подобное событие подразумевало возможность каких-то милостей для ссыльных; несомненно, этого ожидало и общественное мнение. Вскоре декабристы узнали, «что цесаревич с первого ночлега своего после Кургана, из Златоустовского завода, отправил фельдъегеря с письмом к государю, в котором просил об освобождении нашем, о возвращении нас на родину»⁸.

В.А.Жуковский присоединился к просьбе наследника в защиту декабристов. 8 июня из Златоуста он писал: «Государь, даруйте *всепрощение несчастным, осужденным* и достойно наказанным по заговору 1825 года. Пускай этот акт, в котором выразится самодержавие во всей свойственной ему красоте и силе, ознаменует первое посещение Сибири сыном царским. Пускай в то же время скажут во всей России: “Государь показал нам своего сына ангелом радости”. Этот ангел увидел страдание и несчастье и сделал свое дело; он молил за них своего правосудного отца, и отец послушал сына, подобно Отцу Небесному, перед Которым Сын ходатайствовал о спасении осужденных. А это, государь, скажут все, и с каким чувством к вам и к вашему сыну!»⁹

В Указе Правительствующему Сенату от 22 июля 1837 г. Николай I писал: «Вняв ходатайству любезнейшего сына нашего [...], мы признали за благо оказать некоторые облегчения и милости тем из находящихся в Сибири ссыльным, кои хотя очернили себя заблуждениями и преступлением, но ныне поведением своим заслуживают, чтобы на них было обращено действие нашего милосердия»¹⁰.

24 июня А.Н.Мордвинов писал графу А.Х.Бенкендорфу: «Ходатайство Его Высочества обратилось и на некоторых государственных преступников. Вчера последовало повеление об определении на Кавказ рядовыми: Нарышкина, Розена, Фохта, Лорера и Лихарева»¹¹. Это известие привез 1 августа в Курган брат Е.П.Нарышкиной граф Григорий Петрович Коновницын¹², выехавший из Петербурга 15—17 июля¹³, а 6 августа тобольским губернатором князем П.Д.Горчаковым было подписано официальное уведомление о переводе М.М.Нарышкина рядовым на Кавказ¹⁴.

Полученное «монаршее соизволение» произвело на всех огромное впечатление, но реакция каждого была различной. «Мы с городничим, — вспоминал Н.И.Лорер, — поехали к Нарышкиным и там застали уже Розена, и все вместе разбирали и обдумывали будущую нашу судьбу. Нарышкин был спокойнее всех и даже радовался случаю, который давал ему возможность вывезти жену свою из Си-

⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 316, 318; Дубровин Н. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 98—99.

⁹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 101.

¹⁰ ПСЗ. Т. 12. № 10470.

¹¹ Мордвинов А.Н. Письма к шефу жандармов графу А.Х.Бенкендорфу. 1832—1837 // Русский архив. 1886. Кн. 3. № 11. С. 418.

¹² ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5806. Ед. хр. 2. Л. 21—22.

¹³ Русский инвалид. 1837. 21 июля. № 182.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5825. Ед. хр. 4. Л. 1.

бири и мог доставить ей свидание с ее матерью и братьями»¹⁵. А.Ф.Бриген писал: «Эта новость нас всех встревожила не только за самих себя, но и за доброго и милого нашего Нарышкина. Елизавета Петровна слегла даже в постель. 22-го августа выехали Нарышкин и Коновницын в Тобольск. 24-го августа выехали туда же добрый и почтенный Мих[аил] Александр[ович] Назимов, Лихарев и Лорер»¹⁶. В Тобольске, как сообщает Н.И.Лорер, «с приездом Одоевского и Черкасова мы составили комплект новых солдат и отправились вшестером в новый неизвестный нам край, из 40 градусов мороза — в 40 градусов жары»¹⁷.

Закончился сибирский период жизни М.М.Нарышкина. Впереди его ожидала тяжелая, полная опасностей, служба на Кавказе (1837—1844). Публикуемые письма, относящиеся к первому периоду этой службы (1837—1838), характеризуют взаимоотношения с начальниками, с бывшими «союзниками», с друзьями, родственниками и знакомыми, а также показывают быт и настроение декабриста на Кавказе. Надеюсь, что это позволит не только дополнить, но и скорректировать некоторые тезисы, сформулированные Ю.М.Лотманом¹⁸ и, вслед за ним, О.В.Гавришиной¹⁹.

Подлинники документов, в основном, хранятся в фонде 133 Коновницких и Нарышкиных в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Письма публикуются в хронологической последовательности, по правилам современной орфографии и пунктуации; сокращения восполнены в квадратных скобках.

Публикатор благодарит сотрудников Отдела рукописей ИРЛИ за предоставленные русское перевода текста письма Е.П. и М.М. Нарышкиных к А.Ф.Бригену от 9 октября 1838 г., а также Л.М.Волконскую, С.В.Думина, А.В.Свиридова и Ю.В.Хитрово за помощь в подготовке примечаний.

Публикацию подготовил профессор А.К.НАРЫШКИН.

№ 1

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Новочеркасск

5 октября 1837 г.

Наконец дотащились мы до Новочеркаска, и гораздо позднее, нежели полагали, по причине дурных дорог и недостатка в лошадях. Первою мыслию по прибытии сюда было написать тебе несколько строк, моя дорогая, моя возлюбленная Лиза, тебе и добрейшей Матушке¹, которую не отделяю от тебя ни в письмах, ни в сердце. Надеюсь, что вы все, друзья моего сердца, здоровы и хранимы Господом. Что вы под влиянием самых сладких впечатлений — в этом я не сомневаюсь — и от души разделяю семейную радость, в которой и я не менее вас участвую,

¹⁵ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 179.

¹⁶ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 115—117.

¹⁷ Лорер Н.И. Указ. соч. С. 180, 182.

¹⁸ См.: Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 296—336.

¹⁹ См.: Гавришина О.В. «Человек» и человек. К вопросу об историко-культурном контексте восприятия декабристов // Труды ГИМ. Вып. 105. 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 года. М., 1999. С. 76—86.

несмотря на отдаление, на разлуку с вами. Как давно, как ревностно желал я этого утешения для нашей доброй Матери, всегда готовой забывать себя для детей своих. Я живу теперь вашим благополучием — оно дает мне силу жить на время без Лизы, без той, которая и составляет всю цену этой жизни, оно несказанно меня утешает, успокаивает и разливает какой-то отрадный цвет и на будущность.

Каково ты перенесла, мой друг, многотрудный путь? Что касается до твоей безопасности, я уповаю на помощь Божию и на попечение твоего бдительного спутника² — верно он тебя берег более глаза; но не увлеклись ли вы столь естественным желанием увидеть скорее Матушку, изнуряясь сверх силы. Знаю мою Лизу, — душевные ощущения всегда возьмут верх над брэнностью тела — и любовь все заглушит — но дай Бог, чтоб слишком сильное, хотя и благодетельное потрясение не отозвалось впоследствии. Знаю и то, что она в хороших руках, что вы все ее лелеете, что каждый из вас ловит каждое ее слово, каждый ее взгляд.

Переношусь также мыслю и к Матушке — опасаясь и для нее слишком сильного ощущения. — Но где же успокоение, если и в радости мы опасаемся друг за друга? — Конечно в благодати Спасителя, все оплодотворяющей и всех приводящей к благому концу — к желанной цели! Ему — нашему верному помощнику — всех вас, родных моему сердцу, и поручаю, обнимая вас со всею горячностью живейшей любви. Матушка, как я рад за вас, как я доволен, что Лиза у ног ваших, и за себя, и за меня принесет вам привет души, и скажет вам, как много, как искренно вы любимы.

Что-то моя милая Уля³, мой голосистый соловей, напевает ли она вам все, что я ей передал к Матушке, к тебе? Надеюсь, что она помнит мою просьбу — всегда быть утешением и радостью моей Лизе. Ожидаю от нее письма и от всех вас, друзья мои — но не думаю иметь это утешение прежде прибытия в Тифлис.

Дорогие мои спутники⁴ и я, мы все, благодаря Бога, здоровы и чрез час отправляемся в Ставрополь, откуда буду вам писать.

Не знаю, ошибся ли я? — Но по моему предположению ты должна была приехать в Кярово⁵ 2-го или 3-го числа — боюсь, чтоб карета вас не задержала долее. Поручи непременно ее променять на хороший дор-мез, удобный для дороги.

Ты видишь, что я уже взором ишу тебя вдали, друг мой, родная моя — с тобой начнется для меня новая жизнь. Надеюсь, что ты застала Ивана⁶, жену его⁷ и малютку⁸ уже в Кярово и доброго нашего Алексея⁹. Прошу тебя всех обнять за меня крепко, начиная с Матушки — а им я поручаю обнять тебя, Улю и Анисьюшку¹⁰ за меня. Познакомь меня поближе с доброю нашею сестрою Мариєю и дружески Гришу, всех братьев, родных мне и по тебе, и по душе. Поблагодари Анисьюшку за ее привязанность к нам, скажи, что считаю на нее и впредь, как на друга; желаю, чтоб она застала мать свою здоровою. — Улю поцелуй несколько раз и добрую мою Сашиньку; прошу ее по дружбе ко мне заняться Улинькой; лучше ли ее зятю?

Простите, друзья, не могу оторваться от вас; скажи Грише, что я рад и счастлив, что приобрел в нем кроме брата — истинного друга.

Обнимаю вас еще раз — пора в путь. Матушка, Лиза, все друзья мои, благословите преданного вам душой

М.Нарышкина¹¹

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 1—2 об. Автограф.

№ 2

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Ставрополь

10 октября 1837 г.

Мой друг Лиза и возлюбленная Матушка, пишу вам из Ставрополя, куда мы кой-как дотащились по весьма грязной и затруднительной дороге¹²; здесь расстаюсь я с добрыми моими сопутниками, и каждый из нас получает особенное назначение. Мы назначены в полки, которые расположены по сю сторону Кавказа, и потому уже не поедем в Тифлис, на который нам очень хотелось взглянуть, хотя мимоходом, и познакомиться с совершенно новою для нас странюю. Мих[аил] Алек[сандрович] Назимов, Николай и Лихарев отправляются в полки, находящиеся теперь в Черномории, а я поступаю в отряд генерала Засса, в Навагинский пехотный полк¹³, которого штаб находится в 35 верстах от Ставрополя, а место моего пребывания, кажется, теперь будет в Прочном Окопе, в 60-ти верстах отсюда; климат здоровый, вода хорошая; более еще ничего не знаю — но извещу вас о всем подробно, когда буду на месте. Я очень рад, что поблизости к Ставрополю: в нашей переписке не будет никакого замедления, и я надеюсь получать от вас часто свежие и благоприятные известия; соболезнаю только о том, что может быть в продолжение еще двух или трех недель не буду иметь необходимого для меня утешения читать ваши письма и сочувствовать, если возможно, еще полнее блаженным минутам вашего свидания; впрочем, сердце разгадает то, что не передаст бумага, и я ни на мгновение не отлучаюсь от вас мыслию и душою, прислушиваясь, уловляя каждое слово любви, разменяемое между вами, братьями, всеми, равно счастливыми обладанием нашего сокровища, нашего общего и верного друга. Знаю, друзья мои, что и я не забыт вами, что часто бываю присущ и вашей дружеской беседе и изливанием вашей взаимной нежности; знаю, что моя Лиза не вполне счастлива, и сколько бы желал, чтоб ничего не доставало ее радости; чувствую, как всегда, что она — все мое существование — и что всякая минута душевного наслаждения, которым она будет обязана вашей горячей привязанности, будет для меня эпохою новой жизни, нового утешения, которое сократит тягостное время нашей разлуки.

Но повторяю, что со всяким днем нетерпеливо ожидаю ваших писем, хочу знать, как вы свиделись, когда, где, кто участвовал в этой общей радости, как вы перенесли ее — отдохнула ли моя Лиза от многотрудного пути, каково ее и ваше здоровье? — Надеюсь, что Господь

привел ее в ваши объятия благополучно, что вы сами, Матушка, ожили, видя вашу первородную, хотелось бы исчерпать до дна всю чашу сладких, невыразимых ощущений, которым вы предавались, обнимая друг друга. О, я только тогда буду иметь об этом полное понятие, когда преклоню к сердцу друга моего!

Что моя Уля, приобрела ли любовь доброй прабабушки, ласкает ли за меня мою Лизу, долго ли пробудет с вами друг Григорий, приехали ли Алексей и Иван с милою женою? — Мне нужно вас знать всех вместе, всех под влиянием одиноких и благодатных впечатлений. Нет, кажется, я не дождусь ваших писем. Расставаясь, не зная моего назначения, мы условились адресовать письма в штаб Отдельного Кавказского корпуса, тем более, что предполагали сами быть в Тифлисе. Теперь надо ожидать писем оттуда — какое тягостное замедление! — И скоро ли вы узнаете прямой мой адрес — не пришла ли вам благая мысль написать мне в Ставрополь? — Завтра справлюсь на почте, прежде, нежели отправить мое письмо к вам. Теперь прошу вас адресовать ваши письма в г. Ставрополь в штаб войск Кавказской линии для доставления такому-то, откуда без задержания будут пересылаться в место моего пребывания — я об этом просил начальство.

Мой друг Лиза, ты верно и довольно справедливо предполагаешь меня в стране, совершенно для меня чуждой и лишенной всякого знакомства; правда, что из тех, кого я думал здесь увидеть, я никого в эту минуту не застал в городе — но зато два часа тому назад получил приглашение от одной дамы, которой ни имя, ни фамилия не могли напомнить мне старого знакомства; я долго себе ломал голову, от души сетуя на свойственную мне рассеянность, и не мог никак придумать, кто была эта приветливая знакомка, — но послушный такому приятно-му, хотя неожиданному приглашению, я отправился. Вхожу, вижу молодую женщину — возле нее прекрасного младенца. Она встречает меня с участием, спрашивает, узнаю ли ее. — Я должен был признаться, что нет. И мудрено ли — вообрази, что это — давняя наша знакомая, но которую мы знали ребенком, дочь г-жи Хитровой, сестры Кривцова¹⁴, нашей соседки в Гавриловской слободе¹⁵, Софья Николаевна Бибикина теперь замужем за адъютантом генерала Вельяминова, которую мы не иначе знали, как Сонюшкой в красном детском шпенцере¹⁶; ты ее снабжала итальянскими ариями, и я нотами для фортепьяно. Я не знал, как довольно ее благодарить за такое милое внимание. — Много говорили о тебе, она очень тебя помнит и желает видеть в Ставрополе, предлагала, чтоб ты писала ко мне, адресуя письма на ее имя, ручаясь в скором доставлении. Напиши ей несколько строк и поблагодари за участие, истинно родственное. Мужа ее не видал, он поехал с генералом навстречу Государю Императору, которого ожидают здесь к 15 числу.

Послезавтра я отправляюсь к месту моего назначения, купив здесь кой-что нужное для маленького и одинокого моего хозяйства; Степан мне служит очень усердно, и я им много доволен. Будьте спокойны на мой счет, экспедиции все кончились на нынешний год¹⁷.

Я был сегодня у обедни, прося Господа благословить новое мое прище, и, помолясь за всех вас, дорогих моему сердцу, возвратился домой с спокойною душою и преданностию всеблагой воле Спасителя нашего. Мой друг Лиза, моя душка, моя родная, обнимаю тебя от всей души, пламенно тебя любящей; обнимаю добрую родную нашу Матерь, целую ее руки, испрашиваю вашего благословения — обнимаю дорогих братьев и любезную сестру нашу — обнимаю доброго нашего друга Анисьюшку вместе с милой моей Улей, которую благословляю — также и Сашиньку. Марии Ивановне¹⁸, Марии Никитичне¹⁹ дружеские приветствие, равномерно почтенному дядюшке²⁰ и Михаилу Александровичу²¹. Чувствую потребность еще раз тебя прижать крепко к моему сердцу, мой друг Лиза, и призвать на вас благословение Божие. Обними за меня добрую Матушку крепко, крепко.

Преданный вам

М.Нарышкин

Михайло Алекс[андрович] и Одоевский тебе усердно кланяются.

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 3—4об. Автограф.

№ 3

М.М.Нарышкин — А.Ф.Бригену

Ставрополь

10 октября 1837 г.²²

Любезного Александра Федоровича²³ от души обнимаю: мы все зловровы. Я назначен в Навагинский пехотный полк в отряд г[енерала] Засца; жительство мое будет в 65 вер[стах] от Ставрополя в *Прочном Окопе*. Назимов [назначен] в Кабардинский Егерский полк; Лорер и Черкасов — в Тенгинский пех[отный] полк; они трое отправляются в Черноморие около Екатеринодара; Лихарев — в Куринский пех[отный] около Моздока. Одоевский едет в Тифлис и еще неизвестно где будет. Будьте хранимы Богом и не забывайте вам истинно преданного М.

Ивану Федоровичу²⁴ искренний привет.

ОР ИРЛИ, ф. 2578. IX м 39. Л. 1. Автограф.

№ 4

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

20 ноября 1837 г.

Мой друг, моя возлюбленная Лиза, дражайшая Матушка, нет слов, чтоб выразить вам мою радость, мой восторг при получении ваших писем, первого, долгожданного известия, после двухмесячной тягостной неизвестности. Нониче ровно два месяца, как я расстался с Лизой²⁵, и ни одно слово утешительное не коснулось сердца моего, исключая письма от Евдокии²⁶, полученного неделю тому назад, из которого я только мог узнать, что Лиза благополучно совершила свой путь, потому

что она предполагала, что я уже получил письма, адресованные в Тифлис. Благодарю моего Бога — теперь я вполне вознагражден за все душевные беспокойства и лишения — вы хранимы Спасителем — вы здоровы и счастливы друг другом; ревностное заветное мое желание совершилось, Лиза в объятиях доброй Матери в кругу родных, ее пламенно любящих. — Теперь впиваясь в каждое слово ваше, выражающее так искренно общую радость, я чувствую еще ближе, еще сильнее, что я счастлив, и хотя не совершенно, потому что не с вами — но давно я не имел столь сладостных минут, и еще раз вместе с вами благодарю Господа, моля Его: да благословит и меня когда-нибудь взойти с другом моим под мирный родной кров!

Да, моя добрая, дорогая Лиза, мне нужно, мне необходимо было твое письмо, необходимо было слышать все, что ты так мило, так нежно мне сказала, что всегда было потребностью души моей, то, на что ты иногда скупилась в словах, но расточала в постоянных доказательствах неизменной твоей привязанности. Это — лучшая моя награда — не жалей об ней — не бойся меня избаловать, она так мне пришлось по сердцу, что теперь я не только прошу, но требую продолжения, как необходимую пищу для души. — Я с своей стороны признаюсь, что мне хотелось бы еще понежничать с тобой — но ты меня так часто называешь твоим старым солдатиком, что это меня поневоле удерживает — и так представляю тебе угадать все то, что не смею теперь вымолвить.

Хотя я предугадывал все, что вы мне сообщили о вашем радостном свидании — однако я с жадностью останавливался на каждом слове; — вместе с тобой досадовал на препятствия, встреченные тобой на пути, боялся за твое здоровье, за последствия сильных душевных ощущений и для тебя, и для Матушки, с удовольствием, с наслаждением и признательностью принимал все, что внушала вам нежная любовь ко мне и воспоминание о сиротствующем. Теперь я могу вскоре ожидать ответа на мое письмо из Ставрополя, а вместе с тем и постоянного продолжения нашей переписки, составляющей все мое утешение — до той блаженной минуты, когда преклоню тебя к моему сердцу, — не знаю, скоро ли она настанет? — Не смею повиноваться внушению сердца — не смею соглашаться на твое собственное желание выехать в феврале — и вот почему. Если ты намерена отправиться из Кярова даже в начале этого месяца, то почти наверно можно полагать, что ты сюда не доедешь зимним путем и несколько сот верст будешь иметь самой худой дороги, начиная от Воронежа и до Проч[ного] Окопа. Теперь еще у нас нет снегу — вчера в полдень я ездил верхом, и было жарко в бекеше. Климат здешний гораздо лучше и здоровее черноморского, по мнению многих изведывавших это по опыту: — в апреле, полная весна; недавно еще я срывал в саду прекрасные левкои. Положим, что ты могла бы выехать двумя неделями ранее, т.е. в половине генваря, если бы согласилась на это Матушка, за которую я заранее болею, и что все успели бы приготовить к отъезду, — то, к несчастью, здесь наш дом не поспеет; он будет перевезен, поставлен, но печи, внутренняя и наружная вымазка воспрепятствуют перейти в него. Можно будет приискать небольшую

квартиру в станице — но я желал бы, чтоб ты нашла здесь уже некоторое удобство в жизни, чтоб я мог приютить тебя, по крайней мере, сколько возможно лучше. По всем этим причинам, а главное, для сохранения твоего здоровья, я полагаю, лучше тебе выехать из Кярова в первых числах мая, и не прежде 8-го или 10-го, когда переправа через реки будет безопасна, и просохнет дорога. Нетерпение, с которым я буду ожидать это благодатное время, может только сравниться с нетерпением, с каким ожидает больной приближения весны для своего возрождения; все хозяйственные мои распоряжения к той поре приведутся в исполнение — и мы с помощью Божиею опять заживем под одной кровлею — одной душою.

Душка моя Лиза, ты поверишь, что я говорю против самого себя, против влечения моего сердца — но твоя безопасность мне дороже всего; не буду благодарить тебя за готовность пожертвовать мне ласкание всех, столь близких тебе — я слишком уверен в твоей любви — и что ты мне простишь эту самонадеянность. Прошу тебя, мой друг, позаботиться о всем, что может тебе доставить более удобства и спокойствия для дороги. Во-первых, я был бы совершенно спокоен на твой счет, если бы брату Алексею возможно было проводить тебя, не говоря уже о наслаждении, с которым бы его обнял. Не могу довольно благодарить добрую, родную Матушку, братьев, сестру, тетушку за их любовь и драгоценное воспоминание — я ожил с тех пор, как с вами побеседовал. Грише и Алеше пишу на этой почте, а тебе поручаю обнять со всею нежностью Матушку, Ивана, его милую жену и прекрасного Николиньку, друга моего Сашу, которую благодарю за ее милые строки и за попечения об Улиньке; моего соловейчика вместе с Анисьюшкой расцелуй, устраивая дом, я думал и об их уголке — о удовольствии, с которым их встречу. Тетушку Марию Ивановну, дядюшку, Марию Никитишну и Михаила Александровича усердно приветствую и всех вас любящих.

Мой друг Лиза, тебе необходимо купить хороший дормез и легкую колясочку; — кроме человека, который будет служить в комнатах — надо иметь кучера; здесь труднее нанять, нежели в Сибири, можно даже женатого; если бы жена умела мыть белье, подобную Матвеевне, здесь увы не найдешь. Что-то с нашими лошадьми, продались или нет? Но оставь моего Егора²⁷ — ты меня обяжешь. Не забудь запастись коврами, которые могут пригодиться на многое. — Как ты располагаешь с фортепианом, вообще я желал бы знать твои предположения насчет нашего житья-бытья. Нынешний день для меня золотой, красный день, с которым настает новая эпоха — нониче же я получил письмо запоздалое от Веденяпина²⁸, который благодарит за участие и за сукно, из которого сам шьет себе одежду — хорошо бы ему послать что-нибудь, хотя не деньгами, а вещами.

Друг мой, Лиза моя, дай мне обнять тебя, прижать крепко к моему сердцу. — Несколько раз читал твое письмо — не раз еще буду перечитывать, так ты мила, приветлива — скоро ли получу твой портрет — или ты сама его привезешь? Я уверен, что ты сделаешь все, что можешь для нашей Ули, но не изнуряй себя — друг Саша тебе поможет. — Как мне

жаль, что я не видался с Надинькой — есть ли улучшение в положении ее мужа? Дай Бог — дай Бог, чтоб и вы все, дорогие мои, были здоровы. Обо мне не беспокойся, я чувствую себя хорошо — и нонишнего дня помолодел. Если ты решишься ехать ко мне ранее весны, то тебе надо выехать не позднее последней половины генваря, и то в том случае, что морозы будут не очень велики, для того, чтоб доехать зимним путем до Ставрополя. Я обо всем писал к Грише и Алексею. Посоветуйся с Матушкой и сделай, что ей будет угодно. Позднее 15 февр[аля] реки будут опасны. Друг мой, родная моя душка, побереги себя. Всех вас и Улиньку, моего друга, с Анисьюшкой целую. Христос с вами. Лиза, друг мой, будь здорова и присылай портрет.

Твой верный и благодарный друг

М. Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 7—8об. Автограф.

№ 5

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

3 декабря 1837 г.

Мой возлюбленный друг Лиза, я в полном смысле был счастлив все эти дни, потому что был почти неразлучно с тобою, со всеми дорогими моему сердцу; несколько писем, которые я несколько раз перечитывал, перенесли меня совершенно в ваш круг. Не буду тебе говорить, сколь утешительна была для меня весть о твоём здоровье и счастии, которым ты наслаждаешься среди своих. Я благодарил Бога, желаю благословлять Его ежедневно за семейное благополучие, дарованное нам — говорю нам, потому что участвую в нём искренно и всею душою.

Послав тебе мой привет из Ставрополя, я поспешил в свой уголок и на другой день приехал сюда; — вхожу в свою хату — и кого ты думаешь нахожу в ней? — Нашего доброго Михаила Александровича²⁹, предупредившего меня несколькими часами. Ты можешь себе представить, как я ему обрадовался и с каким чувством мы обняли друг друга. — Он здесь случайно — его батальон проходит чрез Проч[ный] Окоп, следуя к Пятигорску. Я ему поспешил передать все, что ты мне писала о нём. Он тебе очень благодарен за твоё дружеское воспоминание; очень счастлив получением известия от почтенной его старушки³⁰, — мы вдоволь поговорили о своих и точно отвели душу.

Итак, вот ряд приятных впечатлений, самых приятнейших с тех пор, как мы с тобой расстались, за которые я благодарю Бога; — за ним следуют мечты о скором нашем соединении — меня не покидает эта мысль, всякой день становлюсь нетерпеливее — не могу ничем постоянно заниматься — прочту страницу — а на другой дом мерещится, мебель, приготовления к твоему приезду, дормез, морозы, разливы рек — одним словом, все это сливается в сладкую надежду тебя обнять — ко-

торая, да обратится скорее в существенность! Мой друг, я чувствую, что [по]молодею несколькими годами, когда увижу тебя, несмотря на огромные усы, очень хорошо достигающие своей цели — придавая твоему старому солдату вид воинственный. И ты очень хорошо делаешь, несмотря на вздохи доброй нашей Анисьюшки, что принимаешь меры, чтоб не отстать от меня. Приезжай, моя старушка, ты всегда и во всем мне будешь мила, тем более, что я обворожен твоею любезностью — особенно же нежностью твоих писем[...]^а

Мой друг, я пишу нониче к братьям, прося их заказать железную складную кровать, несколько складных стульев, столик, если можно, небольшое бюро и ширмочки — все, чтоб было очень легко и могло быть уложено на один воз. Здесь ничего не добьешься, и все станет дороже, в Ставрополе нельзя стула купить; если же ты думаешь, что удобнее это выслать из Москвы, то поспеши уведомить Евдокию³¹ и сообщи братьям. Не забудь ковры и полки с снурками для книг. За досчатые диваны, простой стол для столовой — я отвечаю, больше ни за что. Тоску наводит беспрестанно слышать — можно бы, но время нет, лесу нет и проч. Как не отдать преимущество Кургану, где в течение года было на чем присесть. Искушенный наш сопутник — фортепиано должно непременно следовать за тобою для нашего развлечения и для пользы моей Ули, которая без того не будет ни [...]^б здесь [...]^б. Попроси ее от меня, чтоб не ленилась и приучалась разбирать ноты, не забывая и экзерсисов.

Тебе гораздо выгоднее, мой друг, заpastись дормезом, нежели коляскою — потому что первый из этих экипажей и укладывается и покойнее, разница же в цене не может быть слишком велика — и притом я надеюсь, что мы когда-нибудь в нем доберемся с Божиею помощью до мирного, родного уголка. Дай Бог, чтоб я мог иметь утешение вместе с тобой обнять нашу родимую и [...]^б ей жизнь — ее молитвами сохраненную и ее любовью украшенную. — Об чем ни говори, о чем ни думай, а все кончишь обыкновенно заветною песенкою — порывом души к задушевным.

Прости, мой друг, простите Матушка, обнимаю вас вместе с добрым Иваном и его милою женою — да сохранит вас Господь под кровом Своим благодатным, Улю целую и Николиньку — другу Саше и Анисье усердно кланяюсь — приветствуя дружески всех наших родных.
Друг ваш

М.Нарышкин

Старик наш Лорер в Черномории — и здоров, хотя иногда и вздыхает³².

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 9—10об. Автограф.

^а Одна фраза по-французски неразборчива.

^б Слово неразборчиво.

М.М.Нарышкин

№ 6

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

7 декабря 1837 г.

Возлюбленная моя Лиза, сейчас узнал я, что есть случай отправить письмо мое в город, и поэтому спешу тебя обнять, прижав крепко к сердцу, вместе с доброю Матушкой, братьями и сестрою. Объявляю тебе, что я, благодаря Бога, здоров — но весел и доволен буду только по возвращении гонца, который, надеюсь, привезет мне от вас письмо из Ставрополя. На прошедшей неделе я был так избалован, что теперь мне время кажется очень медленным, несмотря на приятную беседу Михаила Александровича, и я должен признаться, что одно только твое слово сильно оживит, согреет душу. На прошедшей почте я послал тебе письмо в конверте на имя Гриши, потому что оно должно было отправиться по экстра-почте, доставляющей письма только в столицы и по тракту.

Е.П.Нарышкина

Скажи, мой друг, скоро ли прекратится наша переписка? — Несмотря на утешение, которое она мне доставляет, я призываю эту блаженную минуту — минуту нашего соединения, и надеюсь надолго, — навсегда! Радуюсь, что нониче 7-е декабря, рассчитывая, что может быть, если Господь услышит мою молитву, моя Лиза будет собираться в путь через два месяца — а там еще три недели, и ты в моих объятиях, и я начну свой *сороковой* год под счастливым влиянием моей звездочки — благодетельницы, и она опять озарит путь мой и поведет меня к счастью прочному, мирному — вне которого мне трудно, душно жить.

Пожалуйста, не смейся над тем старым солдатиком, с тех пор, как ты меня поманила, я не могу удержаться в границах строгого декорума — мудрено ли, что я только и могу говорить о том, что составляет единственную мою заветную думу. Третьего дня мне прислали повестку о получении в Ставрополе на мое имя посылки, угадываю, что это книги, и буду очень рад любезным гостям; однако же не думай, чтоб я был совершенно без чтения все это время, кроме книг, которые со мною, меня ссудили еще в Ставрополе; прибавь к этому несколько нот,

обещанных мне доброю Софиею Николаевною, в числе которых и Бетговен не забыт, и ты увидишь, что я могу кой-как сократить длинные зимние вечера.

Впрочем, зима еще недавно у нас настала — неделю тому назад выпал снег, и начались очень умеренные морозы, так что в полдень тает; ты видишь, какая разница с Сибирью, и я всякий день убеждаюсь, что здешний климат хорош и гораздо здоровее Черноморского — где часто владевают лихорадки и горячки. Это подает мне сладкую надежду, что твое здоровье, друг мой, здесь поправится — и если Господь совершит наше общее желание, то можно будет примириться с другими неудобствами здешнего быта. — Лишь бы нам когда-нибудь обнять родину и с ней вместе вознести благодарение Спасителю.

Дом наш я решил не переносить прежде февраля месяца, может быть, ты сама будешь в состоянии распорядиться по своему вкусу и как найдешь удобнее; не забудь только поручить Алексею или Евдокии заказать несколько складных мебели — т.е. стульев, стол, ширмы и бюро для тебя; это не займет много места и можно отправить с другими необходимыми вещами последним путем. Между тем, когда узнаю, что ты намереваешься выехать в январе, приготовлю тебе временную квартиру — где, если нам будет немного тесно — то, верно, не скучно. Ранняя весна — и старый твой друг будут приветствовать тебя радостно.

Надеюсь, что моя Уля старается хорошо учиться и доставит мне утешение порадоваться ее успехам. Поздравляю тебя, дражайшую Матушку, вас всех моих кровных с приближающимся великим праздником Рождества Христова; от души вас всех обнимаю — также Улю, Сашу, Анисьюшку. Ивана, моего доброго друга, благодарю за намерение позаботиться о нашем хозяйстве. — Каково здоровье сестры Марии Николаевны — и скоро ли ожидаете новой семейной радости? Не забудь дружески приветствовать от меня друга нашего — Марию Никитишну. Николиньку целую и тебя, мою душу, тысячу раз. Бог с вами.

Преданный вам

М.Нарышкин

Михайло Александрович тебе усердно кланяется — он знает, как побаловать меня, говоря часто о тебе.

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 11—12об. Автограф.

№ 7

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

8 декабря 1837 г.

Душка Лиза — не могу подумать о блаженной минуте, в которую обниму тебя — всеми силами души хотелось бы ее приблизить; зачем ты меня заранее польстила этой надеждой — теперь я не знаю, как и дожидаться.

Матушка не будет на меня сетовать за то, что я тебя соблазняя и противуречу прежним моим письмам; она сама по себе знает, как труд-

но бороться с таким сильным, очаровательным искушением. Я уверен, что у Анисьюшки уже все готово — и что и Уля не прочь от того, чтоб скорее обнять своего дедушку³³. Впрочем, все заветные желания мои предаю воле Господней и благословиению Матушки — иногда чувствую силу исполнить священные обязанности к ней — но когда доходит привет друга до меня — тогда вся решимость исчезает, и тогда ты одна пред мною. Ты должна испросить за меня у Матушки прощение, обняв ее со всею тою нежностью, с какой мы привыкли ее любить.

Простите, Матушка, тысячу раз целую ваши руки — прости, друг мой, утешитель, нежно тебя обнимаю вместе с Улинькой, братьями и дорогою сестрою. Николеньку целую. Христос с вами. Преданный вам душою

М.Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 13—14об. Автограф.

№ 8

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

12 декабря 1837 г.

Возлюбленный друг мой, Лиза, не могу отказать себе удовольствия приписать к тебе несколько строк; одно письмо чрез Гришу, другое два дня после должны были быть отправлены несколько дней тому назад; меня манили каждый день верным [...] ^a случаем, и вот все три вместе отсылаются лишь завтра. Я для того об этом упоминаю, во-первых, чтоб излить мою досаду — и потом для того, чтоб ты привыкла не тревожиться обо мне, когда тебе случится не получить от меня неделю или другую писем.

Друг мой — дорогая моя Лиза, что-то ты в сию минуту подделываешь? — Может быть, мысленно мы близки друг другу. По крайней мере, всякий раз, что случится мне быть одному — я уже верно с тобой. Тогда я только истинно живу всем тем запасом счастья и сладких очаровательных воспоминаний, которыми ты меня так щедро наделила. Помнишь ли ты, мой друг, как быстро протекало время в нашем уединенном уголку в дружеской, искренней беседе, или когда согреты одним чувством, мы с наслаждением внимали словам любимого автора. — О, как я бывал тогда счастлив, я ощущал полноту жизни и благословлял свой жребий; если вырывался иногда вздох, то это по кровным, по близким сердцу, которых бы хотел всех собрать около себя — по тебе, видя тебя, отчужденную от твоего семейства. Всегда, всегда буду благодарить Бога за это благословенное время, и уповаю, что и впредь Он не оставит нас, что Он сохранит нас под кровом Своей благодати! Обнимаю тебя, мой друг — утешитель, сколько могу нежнее всей душой порываюсь к тебе — ожидаю тебя, как мою радость, как все мое счастье.

^a Слово неразборчиво.

Нониче писал к Евдокии; она прислала мне несколько номеров *Revue Étrangere* и *Наблюдателя* — это лучше, нежели ничего — но не то, что я ожидал; думал получить Роушера и что-нибудь еще занимательного. Но, впрочем, у меня есть что читать — но признаюсь, не могу еще вчитаться, и ты сама в этом не мало виновата. Почему — отгадаешь, не хочу слишком распространяться, чтоб не сделаться приторным. Образ жизни бывает временем и по большей части довольно единообразен. Природа, покрытая белым саваном, не представляет многого наблюдателю, и быстрая Кубань застыла, и вершины гор не отделяются от своих масс, и я сам в таком расположении духа, которое, конечно, гармонизирует с окружающей меня природою. Но это только потому — что у меня в виду два или три месяца разлуки с тобой; — от тебя будет зависеть подарить меня раннею весною!

Я уверен, что в некоторых отношениях здешний край покажется тебе любопытным, и ты не будешь смеяться над моей страстью любоваться видами, а сама разделишь мою восторженность при очаровательных картинах, которые поражают нас здесь своим величием и красотой. Я не говорю только про окрестности Проч[ного] Окопа, не представляющие ничего особенного — но про места, более приближенные к горам и отстоящие отсюда верстах в 50 или 60-ти. При том же и наружность, и нравы жителей достойны наблюдения. У меня уже есть несколько маленьких приятелей между горцами — иных уже привлекаю сладостями, других музыкаю. Воображаю, с каким любопытством будет на них смотреть Улинька.

Поздравляю Матушку — тебя и всех вас, друзья мои, с великим Праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом. Да сохранит вас Господь под кровом Своим благодатным и соединит нас всех в своей любви! Простите, обнимаю вас крепко, нежно Улиньку, Николеньку целую — Саше и Анисьюшке кланяюсь. Преданный вам душой

М.Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Каргон 5808. Ед. хр. 1. Л. 15—16об. Автограф.

№ 9

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Ставрополь

22 декабря 1837 г.

Возлюбленная моя Лиза, благодарю тебя за все утешения, за душевную отраду, которые доставляют мне твои дружеские письма; — в них мое сокровище, моя радость; — как внятен, как силен голос любви, искренней, изведенной, — как сладко он касается сердца — и какое глубокое пробуждает сочувствие! Ты так простодушно, так нежно меня приветствуешь и ласкаешь, что я сам боюсь теперь невольно избаловаться. — И в самом деле, если бы я на слово поверил всему, что внушает тебе снисходительная твоя дружба ко мне, я бы впал в большое искушение — и трудно мне бы было потом примириться с голою исти-

ною. Но после этой оговорки, я снова готов прислушиваться к сладким твоим речам: наслаждение быть так горячо любимым заглушает мою скромность и, если не примиряет, то в эту минуту заставляет меня забывать о моих недостатках. Я так вполне предаюсь счастью, которым наделил меня Господь, по благодати Своей; обнимаю тебя от всей души, тебе совершенно преданной; люблю и благодарю тебя, как друга — моего утешителя!

В Прочном Окопе я получил твое письмо от 23-го ноября, сюда приехал за новыми, — но опять разъехался и узнал, что туда отправлено два письма, которые ускорят мой отъезд отсюда. Здесь же получил одно твое письмо запоздалое чрез Тифлис от окт[ября] — да еще письма от Евдокии, Маргариты³⁴ и деньги на покупку дома. Ты видишь, что я имею причину быть довольным — но не совершенно счастливым, потому что главного мне недостает, разве принесет что тяжелая почта, которую ожидают завтра.

Мне приятно верить, друг мой, словам доброй Матушки — и собственному твоему свидетельству насчет твоего здоровья, — но остерегайся излишнего пения и избегай простуды, которая всегда так внезапно и сильно действовала на твою грудь. В эту минуту, может быть, ты уже возвратилась от тетушки³⁵, чтоб встретить вместе с Матушкой праздник Рождества Христова, с которым вас вторично поздравляю и приветствую с Новым Годом. Да сопровождает нас всюду милость Господня и осенит Его милосердие! Боюсь, что я Матушку встревожил последними моими письмами, в которых часто и невольно вырывалось желание скорее тебя обнять. Прошу тебя, мой друг, не думай об одном мне, в минуту исполнения твоих преднамерений; я бы солгал, сказав, что не нетерпеливо тебя ожидаю: но желал бы также подчинить этот порыв сердца тому, что может споспешествовать спокойствию Матушки и твоему собственному. Много будет зависеть от того, в каком состоянии будет здоровье твое и Матушкино — также расположение ее духа.

Не знаю, говорил ли тебе, что на днях я получил от Гриши и Алексея письмо, которого дружеское содержание очень мне было по душе; правду ты говоришь, что любовь близких нам есть высокий дар Божий — в котором так явно, так ощутительно проявляется Его над нами благословение. О, дай Бог, чтоб мы, признавая всю цену этого блага, сообразовали нашу жизнь с даруемым нам утешением!

Поблагодари за меня и доброго Ивана, и милую его жену за их постоянную к нам дружбу — и заботливую о нас попечительность. Так бы и хотелось залететь в ваш мирный уголок; я более, нежели когда, чувствую, что я только способен жить в кругу родной семьи далеко от шума мирского; чем обширнее круг, в котором мы вращаемся, тем труднее путь, тем более надо вникать в самого себя, тем более причин быть собою недовольным. Помнишь ли, мой друг, как мы часто это над собой испытывали, когда выходили из своего одиночества.

Вчера я благодарил за себя и тебя добрую Софию Николаевну: она мне сказала, что отвечала тебе и старалась успокоить на мой счет; сле-

довало бы тебя побранить — но не имею духу — а прошу только, ради меня береги себя и будь спокойна в надежде на милость Спасителя нашего, Которому вас всех и поручаю. Простите Матушка, прости, друг мой, моя душка Лиза; обнимаю вас, братьев, сестру, Николеньку, Улиньку — моего дружка, которую поздравляю с прошедшими именинами³⁶; приветствую всех наших добрых родственников и друга Сашу — Анисьюшке и матери ее усердно кланяюсь — радуюсь, что здоровье Анисьи поправилось. — Простите, друзья мои дорогие, — Лиза, поцелуй за меня руки Матушки. Еще раз тебя обнимаю. Господь с вами.

М.Нарышкин

Благодарю Господа, что Он сохраняет и укрепляет нашу родную Матерь — нашу добрую старушку.

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 2. Л. 3—4об. Автограф.

№ 10

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

27 декабря 1837 г.

Любезный друг мой Лиза!

Пользуюсь представляющимся неожиданно случаем, чтоб написать тебе несколько слов, сказать тебе, что я, благодаря Бога, здоров, и поблагодарить тебя за удовольствие и утешение, доставленное мне твоим последним письмом от 30-го ноября, которое я получил по возвращении сюда. Слава Богу — что ты, что Матушка, что вы все, дорогие моему сердцу, здоровы. Как я рад, как я счастлив, что добрейшая Матушка согласилась на твое предложение быть сколько-нибудь ей полезною — расцелуй ее руки — скажи, что я об одном только сожалею — что сам не могу ей быть ни в чем полезным; с каким бы душевным наслаждением посвятил ей жизнь мою. — Друзья мои — вы мои благодетельницы — а я только неоплатный должник. Но вам и сладко быть обязанным, от вас во всем зависеть — вас любить и всегда благодарить.

Не успею подробно отвечать на твое письмо — но сожалею, что ты меня не послушала и не заказала для себя дормеза, который был бы гораздо удобнее коляски — особенно для зимнего путешествия. Как бы я ни желал обнять тебя скорее, но готов отказаться от этого утешения, если оно может быть сопряжено с каким-нибудь неудобством для тебя, или, что более, опасностью для твоего здоровья. Прошу тебя переменить, если возможно, один экипаж на другой и не останавливаться лишней издержкой. Она необходима и для твоего здоровья и для моего спокойствия.

Обнимаю тебя, Матушку, братьев, сестру, Николеньку, Улиньку от всей души; Михайло Александрович³⁷ вместе со мною приветствует вас с Новым Годом, который будет для нас счастливым, если Бог даст тебя увидеть.

Прости, моя Лиза, мой друг утешитель — тебя и Матушку еще раз обнимаю и поручаю вас благодати Спасителя, Анисьюшке и Саше кланяюсь.

Преданный вам душою

Михайло Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 17—18. Автограф.

№ 11

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

30 декабря 1837 г.

Узнав, что завтра рано отправляется нарочный в Ставрополь, я удался в свою каморку с тем, чтоб посвятить тебе, мой друг, моя возлюбленная Лиза, последние мгновения нынешнего года; — говорю мгновения, потому что то только время кажется мне скоро преходящим, в которое сближаюсь с тобой душою. Теперь прочел в третий раз твое письмо, и если оно не могло мне заменить тебя, ни твоей милой беседы, то, по крайней мере, отвело мне душу и вывело из какого-то летаргического состояния, в котором до сего находился. Желая далее оставаться под этим благодатным влиянием, я не могу ни о чем более говорить, как о самой тебе, и должен тебе признаться, что возвращение, хотя и временное, как ты говоришь, твоих спазм меня тревожит; беспокойство душевное, которому ты предавалась, не получая от меня писем, могло, конечно, быть причиною расстройства твоего здоровья; но сколько таких случаев в нашей жизни, которые мы не можем отклонять, ни избежать их последствий без особенного водительства Божия при всесильной Его помощи. И так прибегаю к Его милосердию, прося отклонить от тебя все, что может нарушить спокойствие твоего духа, и в минуты, когда по слабости нашей она возмущается, укрепить тебя, даровав новую бодрость. — Без этой успокоительной надежды на благодать Спасителя я не мог бы без страха подумать о предстоящей вам разлуке с Матушкою, за которую я также не мало беспокоюсь, хотя несколько раз испытал и силу ее самоотвержения, и силу любви, забывающей себя для других. Точно, один Бог силен помочь нам в подобных обстоятельствах — и Ему вас, дорогих моему сердцу, поручаю. — Не смею определять минуты твоего отъезда, твоего прибытия; — буду ловить каждое твое слово, наслаждаться твоим дружеским, нежным приветом, а то — как и когда Бог даст!

Возлюбленная, дражайшая Матушка, знаю, что Лиза, приветствуя вас с Новым Годом, не преминет обнять вас, брата и сестру за меня, но позвольте мне вас всех вместе преклонить к моему сердцу — принять ваше благословение, тысячу раз вас расцеловать — отвечать на вашу любовь любовью, столь же горячею и искреннею; благодарить вас, Матушка, за все блага, которые вы излили на меня, даровав мне Лизу, на-

звал меня вашим сыном. — Прочтите в душе моей, прочтите то — чего я не могу выразить, но что понятно сердцу Матери, и в минуту, когда вы обнимите детей ваших и призовете на них благословение Господне, вспомните меня в вашей молитве, к которой и я смею присоединить свой голос, прося от Господа утешения, отрады обнять вас и вместе с Лизой привиться к вам и душой, и всем существованием нашим! — Лиза, моя душка, тебя особенно еще раз обнимаю вместе с Улинькой, с Анисьюшкой — со всеми теми, которых мы привыкли любить.

Третьего дня я получил письма от Евдокии, Петра³⁸ и Маргариты, которая объявляет мне, что собирается посетить тебя в Кярове; это мне очень было по сердцу, хотя я в душе ей позавидовал; но, мой друг, если мы встречаем препятствия на пути душевных наших склонностей, не должны ли мы ежеминутно благодарить Бога за горячую привязанность близких нам по сердцу, доставляющую нам столь много утешения. И Евдокия со мною нежничает и готовится принять тебя в приютах; что же будет со мной, когда я узнаю, что ты уже в дороге?

Благодарю тебя, мой друг, за добрые вести в отношении наших хозяйственных делишек; я бы сам желал, чтоб дом наш в Кургане достался Муравьевым, мы бы тогда менее или почти совсем не потеряли; что-то с нашими лошадьми?³⁹ — я думаю, Егор должен прибыть в начале нынешнего месяца в Москву. Что касается до Евгения, я уверен был, что он сделает все, что от него зависит, и не ошибся; — приветствуй его за меня дружески, если будешь к нему писать пред отъездом. Все твои распоряжения насчет будущей нашей прислуги я нахожу прекрасными и очень основательными. — Но не понимаю, зачем ты хочешь заменить Степана другим? — Он очень мне усердно служит — еще более, оказывает искреннюю привязанность — и, в самом деле, очень добродушный малый; я к нему привык, и если он не нужен сестре, то с удовольствием оставил бы при себе. Переговори с нею об этом, мой друг, и не забудь, пожалуйста, моего старика Егора, которого поручаю твоему благорасположению.

Какое душевное, истинное удовольствие ты доставила мне, мой добрый друг Лиза, поговорив со мною о твоих добрых братьях, которые уже давно мне друзья и родные по душе; может быть, Бог благословит нас когда-нибудь пожить вместе и даст мне утешение быть свидетелем их семейной жизни, их семейственного благополучия. Теперь не могу не пожелать Григорию и Алексею быть столь же счастливыми в своем выборе, как наш Иван, который нашел все в добром своем друге и всякий день, верно, будет более и более ценить свое сокровище. Я не сомневаюсь, что в кругу таких добрых людей, таких светлых душ, мы бы жили полною жизнью — и если позволено еще чего пожелать — под одним кровом с нашею родною возлюбленною старушкою!

Очень благодарен Ивану за предложение взять его кучера, а Грише за Кузьму — оба, конечно, будут нам очень полезны; но молодого мальчика, которого ты предназначала для прислуги в комнатах, по мне лучше бы приготовить для будущего; — здесь же нам нужны более опытные; так, если б случилось мне взять на время одного из них с собой, — я мог бы надеяться на двух, которые остались бы при тебе.

Простите, дражайшая Матушка, прости, друг мой, душака моя Лиза; не получу ли я завтра или в первый день нового года отрадную от вас весточку? — Дай Бог, чтоб так начать год. Мы вместе с Мих[аилом] Александр[овичем] этого алчем — пока же целуем ваши руки. — Всем вспоминающим о нас — усердный поклон. Обнимаю вас, друзья мои, и поручаю милости Божией.

Друг ваш

М.Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 19—20об. Автограф.

№ 12

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

1 января 1838 г.

Возлюбленная моя Лиза.

Я писал к тебе третьего дня, но чувствую потребность начать новый год беседою с тобою. Не успею написать много — но обниму тебя, моего друга, прижму к моему сердцу — и пролью молитву пред Господом: Да сохранит тебя, помилует и приведет ко мне — скорее-скорее. Сколько это возможно. Братья сообщат тебе письмо, которое им пишу. — Радостно начал я новый год — получил твое письмо от 6-го декабря и усвоил себе все, что оно заключило нежного — одним словом, я был с вами всей душой и с трудом отторгнулся от моих сладких дум для того, чтоб провести первый день года — как обыкновенно его проводят. — Но с Мих[аилом] Алек[сандровичем] мы часто витаем около вас и тогда забываем о других.

Как я рад, что здоровье нашей родимой поправляется, что она сильнее и бодрее с тех пор, как тебя увидела. Вот мое утешение в нашей разлуке. Обними за меня Матушку, брата, сестру — Николю и милую мою Уленьку вместе с Анисьюшкой.

Твое предположение, мой друг, очень справедливо, что, если Бог приведет тебя ко мне благополучно — нам не нужны будут ни воды, ни что другое — разве бы твое здоровье того потребовало. Мне нужна только ты — ты все мое счастье! Обнимаю вас, приветствую с Новым Годом — тысячу раз целую — Господь с вами.

Преданный тебе

М.Нарышкин

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 21—22. Автограф.

№ 13

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

7 января 1838 г.

Мой друг возлюбленный Лиза, сейчас имел я утешение получить твое письмо от 11-го дек[абря], в котором ты меня извещаешь, что Бог сподобил тебя и Матушку приобщиться Св[ятым] Таин. — Благодарю

Спасителя за дар Его благодати, молю Его от всей души: да соединит нас навсегда в любви Своей — да не отринет и меня недостойного и очень холодного: я не говел в этом Посту, и не потому, что бы у меня отнята была возможность; хотя здесь нет еще престола, я мог бы для того поехать в Ставрополь или в соседственную станицу; — но более потому, что был или слишком рассеян, или, справедливее, нерадив. Если Бог сподобит, то намереваясь говеть в великом Посту — может быть и с тобою вместе. О, да расположит Господь с нами по великой милости Своей! — Все мои мысли устремлены на одно — на минуту нашего соединения, и верно, я сего желаю не менее тебя, не менее доброго друга нашего Анисьюшки, которую благодарю за ее ревностную ко мне привязанность; я всегда считал на нее, как на каменную гору.

Позвольте же мне, Матушка, моя сердечная задушевная Лиза, вместе с Улинькой — вместе со всеми близкими нашему сердцу обнять вас крепко, нежно — испросить, Матушка, Лиза, вашего благословения и усердных молитв; — я уверен, я уповаю, что Господь не отринет нашего моления, что Он сохранит нас под кровом Своей благодати — и пошлет нам друг в друге утешение, радость и неотъемлемое счастье. Лиза, мой друг, твое письмо исполнено такого сладкого мирного чувства. — О, да пребудет с нами Господь и да прилепимся мы к Нему всем сердцем, всею душою. Тогда мы будем истинно блаженствовать и рука в руку мирно совершим предназначенный нам путь!

Гриша мне приписал в твоём письме — твои братья — мои верные друзья, и я люблю их со всею горячностью и искренностью неподдельного чувства. Я писал к ним два раза — и, разумеется, много о тебе, о твоём отъезде — просил их избрать лучшее для тебя — но и на первое письмо еще не получил подробного ответа; не знаю, на что вы решитесь — не знаю даже, что посоветовать — боюсь слушать самого себя. Если ты поедешь зимой, метели, вьюги — все неудобства зимнего пути меня устрашают, хотя я утешаю себя тем, что в конце января и в феврале зима уже не столь строга — а главное, надеюсь на предусмотрительность Алексея — твоего доброго сопутника. Надеюсь даже, что они убедят тебя дожидаться весны, если найдут это удобнее. Особенно, если тебе позволено будет посоветоваться в Петербурге с медиками насчет нервических твоих припадков. Тогда я тебя на коленях умоляю не жертвовать твоим и моим спокойствием, спокойствием всего нашего семейства, а скрепимся духом и будем повиноваться необходимости. Не знаю, как у вас — но здесь зима довольно суровая, частые метели, говорят, что в феврал[е] все изменяется — но экипаж у тебя не зимний; — да ты должна взять в рассмотрение и положение Матушки. Это будет на нашей совести! Одним словом, да руководствует тобой Господь!

Вместе с твоим письмом я получил письмо от Евдокии, в котором заключалась новость, совершенно для меня неожиданная — это намерение брата Александра⁴⁰ жениться, его сговор с д[еви]цей Казариновой⁴¹ и предположенная свадьба в нынешний день — недавно он кряхтел — теперь женится — дай Бог, в добрый час; желаю ему от души быть счастливым, как и в первый раз⁴², т.е. касательно выбора; познакомь меня

с его женою во время твоего свидания с ними и пожелай, чтоб союз любви и семейное благополучие их бы никогда не оставляло. — Евдокия при этом случае боялась лишиться Вариньки⁴³, но кажется, для их обоюдного счастья она останется у нее.

Ты приказываешь мне поторопиться отделкою дома — не сомневайся в моем усердии, я не могу пройти мимо будущего нашего жилища без особенного чувства: как скоро будет несколько потеплее, зачнут класть печи, двойной пол и проч.; в запас у меня приготовлена еще и квартира. Правду ли ты мне говоришь о твоём здоровье? — Алексей говорит, что тебе нужно будет посоветоваться с медиками — дай Бог, чтоб эта мера была бы только предупредительная. Призываю помощь Спасителя и предстательство Иоанна Крестителя. Алексей собирался к нам в гости — если письмо мое застанет его у вас, обними за меня нежно и добрейшую Матушку, Ивана, сестру. Преклоняю тебя, мой друг, моя возлюбленная к сердцу, исключительно тебе принадлежащему. Письма наши довольно долго ходят, и так, заранее прошу тебя передать поздравление мое и желания всего лучшего Матушке⁴⁴, которую люблю всей силой души: молитва моя к Господу, да сохранит Он нам ее, как лучшее наше сокровище и благо — и да благословит меня ее увидеть — обнять и получить ее благословение.

Прости, мой друг, целую тебя, Улю, Анисьюшку — руки у Матушки тысячу раз — добрую Сашу дружески приветствую. Христос с вами!

М.Нарышкин

Мих[аил] Александрович тебя усердно приветствует.

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 23—24об. Автограф.

№ 14

Купчая на дом, купленный Е.П.Нарышкиной у М.Д.Нефедьева

1838-го года, января 8-го дня, я, нижеподписавшийся Кубанского Казачьего полка есаул Макей Дмитриев сын Нефедьев продал собственный дом свой, находящийся в Прочноокопской станице, госпоже Елизавете Петровне Нарышкиной за *тысячу пятьсот* рублей ходячею монетою; — а находящийся при оном доме по правой стороне ворот деревянный флигель о двух горницах с чуланом, также половину амбара, стоящего на дворе при том же доме, равно и сад фруктовый представляю во владение ей — г-же Нарышкиной на все время ее жительства в той же станице, в купленном ею у меня доме. К тому же обязуюсь в продаваемом мною большом доме перемостить и выровнять старый пол и подделать внизу оногo новый двойной из кругляков, замазав в нем пазы глиной и посыпав сверху песком и золой. Сверх того, на том же дворе выстроить еще мне своекоштно в пользу госпожи Нарышкиной из плетки с глиняною обмазкой конюшню для лошадей на 6 стойл, каретный сарай и навес для коров. Во свидетельство и удостоверение всего вышеозначенного подписуюсь.

Есаул Нефедьев —

С тем кухню и амбар ей вовсе не продаю, равно при доме фруктовый сад также не продаю, а пользоваться оным вместе.

В счет тыщи пятисот рублей, следуемых мне за дом, мною проданный, от 2-жи Нарышкиной получил я от ней пятьсот пятьдесят рублей и еще сто рублей ассигнациями; а всего шестьсот шестьдесят рублей⁴⁵ сего января 8-го дня 1838 года.

Есаул Нефедьев

При заключении сего условия свидетелями были

Капитан князь Волконский⁴⁶

Кубанского Казачьего полка сотник Толстой⁴⁷.

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5826. Ед. хр. 4/а. Л. 1—1об. Основной текст — писарская рукопись. Подписи курсивом — автограф.

№ 15

М.М.Нарышкин — Е.П.Нарышкиной

Прочный Окоп

17 января 1838 г.

Возлюбленная моя Лиза, только что я отправил письмо мое к Матушке, как получил твое от 21-го дек[абря] и чрез два дня другое от 26-го; ты можешь себе представить, мой друг, как я доволен нынешнею неделью. Наконец ты теперь знаешь, что я на твой счет спокойнее, что я наслаждаюсь твоею милою беседою; что я живу тобою, — тобою весел, тобою счастлив; да, мой друг, это подтвердит тебе каждое мое письмо, в этом я сам убеждаюсь более и более, каждую минуту моей жизни; открываю глаза, благословляя тебя, и кончаю день с тою же отрадною мыслию. Но ты в этом должна быть уверена; и потому мои письма, в которых я так часто повторяюсь, должны тебе казаться, если не скучные, то, по крайней мере, единообразны; сколько раз в день я чувствую потребность поговорить с тобой от души о том, о другом, и тогда еще более ощущаю тягость моего одиночества — но, когда же сажусь к тебе писать, ты одна меня исключительно занимаешь, около тебя одной витает мысль задушевная, и я лучше люблю говорить тебе одно и то же, нежели отказать от утешения, необходимого для меня.

После каждого твоего письма я долго живу среди вас, и всякое приятное впечатление сладко отзывается в душе моей. Как много ты меня порадовала известием о улучшении здоровья нашей добрейшей Матушки; ты мне не сказала, однако же, чем она была пред тем нездорова, надеюсь, что это не будет иметь влияния на будущее время; постоянная моя молитва, чтоб Господь сохранил ее для нашего благополучия, чтоб Он благословил нас пожить при ней, насладиться ее ласками и посвятить себя успокоению ее старости.

Приятные минуты, которые ты провела с Софьею Алексеевною, и все, что ты говоришь о ее характере и уме, дает мне большое желание когда-нибудь с нею сблизиться. Может быть, настанет время, по благо-

сти Спасителя, когда нам возможно будет достигнуть тихой безмятежной пристани и в кругу друзей отвести душу. Уголок наш, про который ты мне говоришь так подробно и с каким-то добрым предчувствием, привлекает теперь все мое внимание. — Кажется, он для нас будет удобен по всему — и по близости к нашим родным, и по возможности учредить там небольшое хозяйство, не стесняя крестьян, которых благосостояние меня радует. Земли бездна, прекрасный парк, река, возвышенность — вот много хорошего, из чего твой вкус извлечет еще лучшее. Дай Бог, чтоб здоровье твое истинно и положительно улучшилось — это первое и необходимое условие для моего спокойствия и благополучия. Здесь ожидает тебя климат здоровый, — дом, который будет тепел и удобен для небольшой нашей семьи; ты всегда будешь иметь возможность побывать на водах, особливо, если посоветовав[шись] с медиками, ты узнаешь, что они могут быть тебе полезны; об этом я тебе советую поговорить и не с одним, если можно, чтоб получить верное сведение о их свойстве, употреблении в отношении к твоей болезни. Избрать же Пятигорск для нашего пребывания не от меня зависит, здесь стоит рота, в которой я нахожусь; и в здешнем краю, исключая Пятигорск, который отсюда в 200 вер[стах], трудно найти места, удобнейшего по климату.

Ты говоришь, мой друг, чтоб представить тебе выбрать минуту твоего отъезда: я уверен, что ты не менее меня желаешь ускорить минуту нашего свидания — но время, которое ты избираешь, кажется мне неудобным; в марте самая худшая дорога, и реки все начинают трогаться, так что ты проведешь две недели лишние в дороге и гораздо более устанешь, нежели, если бы отправилась или ранее, или в половине апреля. Так как по ходу дел нельзя тебе выехать в январе, то лучше дождись апреля. В этом согласны все те, которые путешествовали в такое время года; и я лучше согласен потерять в моем одиночестве, нежели подвергать тебя опасности и лишним трудам. Надеюсь, что братья так тебе и присоветуют. Во всяком случае прошу тебя известить меня по экстра-почте о твоём прибытии в Москву. Еще раз прошу тебя побережь себя и меня.

Скажи Улиньке, что я прошу ее, если меня любит, вести себя хорошо, учиться прилежно и за меня целовать бабушку и прабабушку всякий день. Лиза, моя, душка, друг утешитель — обнимаю тебя со всею горячностью живейшей любви — обними за меня Матушку и испроси нам ее благословения, поздравь со днем ее рождения. Как жаль, что не имею еще твоего портрета! Целую тебя и Улю тысячу раз. Братьев, сестру дружески приветствую — также Сашу и Анисьюшку мою добрую. Простите, друзья мои, Христос с вами — да сохранит нас Его благодать! Преданный вам

М.Нарышкин

Душка Лиза, еще раз преклоняю тебя к моему сердцу. Бог с тобой!

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Картон 5808. Ед. хр. 1. Л. 25—26об. Автограф.

№ 16

Е.П. и М.М. Нарышкины — А.Ф. Бригену

Прочный Окоп

9 октября 1838 г.

Если бы мы могли хоть минуту сомневаться в вашей дружбе и снисхождении, дражайший господин Бриген, нам было бы теперь очень трудно обратиться к вам — мы так давно не писали вам, не отвечали на ваши к нам последние, такие любезные, письма!⁴⁸ Одному Богу известно, что мы сохраняем и всегда будем сохранять к вам дружеские сердечные чувства и часто вспоминаем вас, хотя иногда может казаться, что мы вас забыли, как и некоторых наших друзей за Уралом. Мне стыдно признаться, но представьте себе, я не подавала признака жизни дорогой К.Трубецкой⁴⁹ с 4 января, также и г-же Фонвизиной⁵⁰!

23 февраля я рассталась с мамой, проводившей меня до *Средней Рогатки*, здесь я обнялась с родными и в сопровождении самого младшего брата⁵¹ приехала на Кавказ к Пасхе⁵², повидавшись со всеми московскими родными в маленьком доме⁵³ в окрестностях Москвы. Можете судить по этому маршруту, что я совсем не имела возможности повидать вашу супругу⁵⁴.

Едва встретились мы с Мишелем, как он ушел в военный поход в горы⁵⁵, а затем мы вкушали счастье быть вместе, радовались, что с нами жил мой брат. Потом мы отправились для восстановления здоровья на Кавказские воды⁵⁶, принешие нам большую пользу. Вы понимаете, что для людей вроде нас, проживших много лет в бездействии, этот новый образ жизни казался настолько ошеломляющим, что мы не знали, как справиться с очень большой корреспонденцией и, к своему стыду, совсем ее забросили. Во время лечения на водах мы совершали чудесные прогулки, они были единственным нашим развлечением; постоянно живя вдали от общества, мы должны придерживаться самых строгих правил во внешнем виде.

Возвратясь в нашу *станцию*, мы получили приятное известие о производстве Мишеля в унтер-офицеры и особенно приятно было, что сообщение это об улучшении нашего положения мы получили в день тезоименитства Его Высочества Великого Князя Наследника⁵⁷. Вегелин⁵⁸ получил такое же повышение. Игельстром произведен в офицеры⁵⁹. Да проллит Господь свою милость и да возвратит нас к нашим очагам! Желание это все растет с того времени, как мы насладились, хоть и мимолично, радостью свидания и душевных излиятий со всеми нашими дорогими. Дай Бог, чтоб и ваше положение улучшилось и чтобы вам посчастливилось увидеть семью! Я буду одной из первых радоваться вашей радости. Прошу передать наилучшие пожелания г-ну Фохту. Назимов еще не вернулся с Черного моря и потому мы позволили себе прочесть адресованное ему г-ном Фохтом письмо. Мы очень огорчились, узнав, что после нашего отъезда боли его усилились. Желаю ему облегчения в страданиях и поскорее расстаться с костылями. Розен живет в Пятигорске, до сих пор нет заметного улучшения в его здоровье, но все же боли

в ноге менее острые. Его семье посчастливилось провести здесь месяцев десять. Розен все еще ходит на костылях, и кажется, что так останется на всю жизнь⁶⁰.

Очень благодарю за хлопоты по нашему курганскому дому⁶¹. Мишель вам скажет о всех своих намерениях по этому делу. Что до меня, то я ограничусь лишь предупреждением, что моя невестка Голицына перешлет вам по привычной дороге через Тобольск, т.е. через канцелярию г-на губернатора, двести пятьдесят рублей, из коих сто для уплаты нашему дворнику Павлу⁶² и сто пятьдесят, которые будьте любезны употребить для небольшой помощи старому Флегонту⁶³. Простите за то, что обременяю вас этими поручениями, но кроме вас нет никого, кто бы выполнил их легко и добросердечно. Желая вам здоровья и душевного спокойствия и прошу никогда не сомневаться в преданности Е.Нарышкиной.

Привет от меня г-же Клечковской⁶⁴, *Александру Гавр[иловичу]*⁶⁵, *Евгении Андреевне*⁶⁶ и отцу Якову⁶⁷.

Ваше великодушие победило мою лень, мой дорогой *Александр Федорович*. Я себя чувствую таким виноватым перед вами, что не осмеливаюсь оправдываться сообщением некоторых обстоятельств, кои могли бы смягчить мою вину. Я предпочитаю прибегнуть к вашей снисходительности и поблагодарить вас за то, что вы были справедливым, не усомнившись ни в моей дружбе, ни в моей памяти.

Присланное вами подробное описание вашей жизни перенесло меня к вам, — так именно я вновь увидел вас, думая о вас. Понимаю, что с вашим умением претерпевать трудности, вы предпочли Курган Тобольску, а хорошие книги часто бывают приятней общества людей. Я тоже с некоторых пор вновь взялся за чтение — занятие, которое не может быть постоянным для нас из-за походов в горы. Об этой стране сказано так много, что я воздерживаюсь описывать ее, могу лишь сказать, что некоторые места являют собой картины такие красивые, такие в высшей степени прекрасные, что захватывают душу. Вы нас очень обязываете, занимаясь нашими курганскими делами. Вы пишете, что если за дом предложат 7.000 р., можно было бы согласиться с этой ценой, — мы даем на это неограниченные полномочия!

Одоевский был очень болен в Грузии. Теперь он служит вместе со мной в войсках генерала Засса. Валерьян Голицын перешел на гражданскую службу. Лорер тоже отстоял свои права и скоро вернется в *Екатеринодар*, я видел его там прошлой зимой во время одной из наших экспедиций.

Жена уже сообщила вам, что я получил повышение — я этому очень рад и благодарен, — это первый шаг, дающий мне добрые надежды. Милостью Его Величества я, возможно, буду иметь утешение отвезти жену в лоно ее семьи.

Да сохранит вас Господь, дорогой *Александр Федорович*, и да ниспошлет вам счастья свидеться с родными. Прощайте, сердечно жму вашу руку, преданный вам

М.Нарышкин

ОР ИРЛИ. Ф. 2580. XI с 17. Л. 8—9об. Автографы на фр. яз. Курсив по-русски.

№ 17

М.М.Нарышкин — И.Ф.Фохту

Прочный Окоп

9 октября 1838 г.

Любезный Иван Федорович, обнимаю вас от всей души, благодарю за воспоминание и желаю совершенного выздоровления. Письмо ваше к Назимову по участию к вам мы решились прочесть без позволения и глубоко были тронуты вашими чувствами и страданиями. П.Н.Свистунову⁶⁸ мой усердный поклон, также почтенному духовнику моему отцу Иакову, которого прошу передать мой привет Степану Яковлевичу⁶⁹. Каково его здоровье? Всем курганским добрым знакомым прошу сказать мой поклон.

ОР ИРЛИ. Ф. 2580. XI с 17. Л. 8об.—9об. Автограф.

Примечания

¹ *Коновницына (урожд. Корсакова) Анна Ивановна* (1769—1843) — графиня, вдова Петра Петровича Коновницына (1764—1822), в Отечественную войну 1812 г. командовавшего дивизией, состоявшего в штабе М.И.Кутузова, генерала от инфантерии, военного министра (1815—1819), графа (1819), начальника военно-учебных заведений; их дети: Елизавета, Петр, Иван, Григорий и Алексей. (См.: Куртов И.А. Коновницын Петр Петрович; Нарышкин А.К., Шумков А.А. Коновницыны // Отечественная история. Энциклопедия. М., 2000. Т. III. С. 11—13).

² *Коновницын Григорий Петрович* (1809—1846) — граф, учился в Пажеском корпусе, камер-паж (декабрь 1825 г.), из Пажеского корпуса выпущен в 1828 г. прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк, капитан лейб-гвардии Московского полка. А.Е.Розен писал: «В одно время получили мы это известие [о переводе на Кавказ] от генерал-губернатора [князя П.Д.Горчакова] и от бывшего в Курган капитана графа Коновницына, который в лагере под Красным Селом выпросил себе позволение проводить сестру свою, Е.П.Нарышкину из Сибири на родину» (Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 318).

³ *Чупятова Ульяна Андреевна* — воспитанница М.М. и Е.П. Нарышкиных, взятая семимесячным ребенком 30 июня 1830 г. в Чите.

⁴ Декабристы В.Н.Лихарев, Н.И.Лорер, М.А.Назимов, А.И.Одоевский, А.И.Черкасов. Назимов М.А. был принят в Северное общество М.М.Нарышкиным в декабре 1823 г.

⁵ Село в имении Коновницыных Гловского уезда Петербургской губернии.

⁶ *Коновницын Иван Петрович* (1806—1871) — граф, при выпуске из Пажеского корпуса 13 апреля 1825 г. произведен в прапорщики Конно-артиллерийской роты. 13 декабря 1825 г. был на совещании у К.Ф.Рылеева. 14 декабря отказался приносить присягу, а также призывал к неповиновению военнослужащих других частей. Арестован и содержался при учебной артиллерийской бригаде. По докладу Комиссии, 13 июля 1826 г. «высочайше повелено перевести и отправить на службу в конно-батарейную роту, препоручив бдительному тайному надзору начальства, и о поведении ежемесячно доносить». Участник русско-персидской войны 1826—1828 гг., взятия Сардарабада и Эривани, русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Подпоручик (1829), поручик (1834), штабс-капитаном уволен от службы (1836) с запрещением въезда в столицы и оставлением под секретным надзором в слободы Никитовке Ахтырского уезда Харьковской губернии (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 267).

⁷ *Коновницына (урожд. Бахметева) Мария Николаевна* — графиня, жена графа И.П.Коновницына с 13 ноября 1835 г.

⁸ *Коновницын Николай Иванович* (род. в 1836 г.) — граф.

⁹ *Коновницын Алексей Петрович* (1813—1852) — граф, учился в Царско-сельском лицее (1826—1832).

¹⁰ *Мельникова Анисья Петровна* — 20-летняя крепостная графини А.И.Коновницыной, последовала с Е.П.Нарышкиной в качестве прислуги в Сибирь. После 5 лет службы получила отпускную (1832), продолжила оставаться прислугой. Мать Анисьи — Мельникова Аксиния Федоровна.

¹¹ Приписка декабриста М.А.Назимова к письму: «Позвольте, милостивая государыня, Елизавета Петровна, засвидетельствовать Вам глубочайшее душевное почтение и сказать Вам, что Ваш Мих[аил] Мих[айлович] радуется моему своему здоровью и веселым расположением духа. Сделайте милость, передайте мой усердный поклон графу Григорию Петровичу. Слуга Ваш, М.Н. (Назимов М.А. Письма, статьи. Иркутск, 1985. С. 59—60).

¹² Н.И.Лорер вспоминал: «Без всяких приключений добрались мы до Ставрополя [...]. Дорогой нам много рассказывали о строгости и нелюдимости г[енерал]-л[ейтенанта] Вельяминова, командующего войсками на Кавказской линии, бывшем начальнике штаба при А.П.Ермолове. При нашем первом представлении генералу [...] он обратился к нам по-французски: «Кто из вас, господа, Нарышкин?» И когда тот назвал себя, генерал продолжал: «Супруга ваша — дочь графа Петра Петровича Коновницына? Я имел честь служить с ее отцом в 12 году и был при нем в конвое долгое время. Вероятно, супруга ваша скоро придет сюда, — прошу вас заранее меня об этом уведомить, чтоб я мог послать ей конвой навстречу и успел бы приготовить ей квартиру». Михаил Михайлович Нарышкин благодарил генерала за такую деликатную вежливость. Вельяминов продолжал: «Ежели у нас начнутся экспедиции на правом фланге, я пошлю вас туда, ежели на левом, я переведу вас в действующие отряды, а потом наше дело будет постараться освободить вас как можно скорее от вашего незавидного положения». После этого генерал поклонился нам и вышел» (Лорер Н.И. Указ. соч. С. 188—190).

¹³ «По предписанию командовавшего 20-ю пехотную дивизию 22 сентября [1]837 года за № 31-м, зачислен в Навагинский пехотный полк рядовым [1]837 ноября 14-го» (Указ об увольнении от службы М.М.Нарышкина. ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. К. 5826. Ед. хр. 1с. Л. 1—6) Н.М.Сатин, участник университетского кружка Герцена и Огарева, приехав в 1837 г. для лечения на Кавказ, писал: «Осенью этого года в Ставрополе ожидали государя Николая Павловича. Под самым городом расположился лагерь генерал Засс, известный тогда на Кавказе под именем «храброго генерала». Он командовал летучим отрядом, который употреблялся для быстрых, неожиданных нападений на разные провинциальные аулы. [...] К тому же Засс был веселый, честный немец, и мы часто пользовались его гостеприимством. Однажды мы у него завтракали. Завтрак уже кончился, и мы сидели за стаканами кахетинского в веселой дружеской болтовне. Взошел адъютант и, подавши Зассу пакет, объявил, что привезли из Сибири шестерых разжалованных в солдаты. «Это — декабристы! — сказал Засс, — просите их сюда». Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет в полудорожных костюмах и несколько сконфуженные. Но Засс тотчас ободрил их; он принял их не как подчиненных, а как товарищей. Подали еще вина, и скоро разговор сделался общий и оживленный. Эти декабристы были: Нарышкин, Лорер, барон Розен, Лихарев и поэт, князь Александр Одоевский. Фамилию шестого теперь не могу припомнить. Попирав у Засса, я и Майер отправились провожать наших новых знакомых до гостиницы, в которой они

остановились. Между тем пошел сильный дождь, и они не хотели отпустить нас. Велели подать шампанского, и пошли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14-м декабря и обстоятельствах, сопровождавших его. Можете представить, как это волновало тогда наши еще юные сердца, и какими глазами смотрели мы на этих людей, из которых каждый казался нам или героем, или жертвой грубого деспотизма! Лишь к утру расстались мы уже не простыми знакомыми, а почти друзьями и расстались с иными навсегда. Лишь Нарышкина и Одоевского привелось мне снова встретить на следующее лето в Пятигорске, на водах. Прочих же я потерял из виду...». (Сатин Н.М. Встреча с декабристами на Кавказе // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. III. М., 1951. С. 318—320).

¹⁴ Декабрист Сергей Иванович Кривоцов после каторги в Читинском остроге обращен на поселение в г. Туруханск (1828), откуда переведен в Минусинск (1829), назначен рядовым в Кавказский корпус (1831), за отличие в боях награжден знаком отличия Военного ордена, прапорщик (1837). Его сестра Варвара Ивановна замужем (с 1811 г.) за коллежским ассессором (1836) Николаем Александровичем Хитрово. Их дочь София Николаевна (1812—1866) замужем (с 1833 г.) за Михаилом Николаевичем Бибиковым (1806—1845).

¹⁵ В Гавриловской Слободе, находящейся на северо-востоке в 180 верстах от Москвы, М.М. и Е.П. Нарышкины жили с перерывами с середины марта 1825 по начало января 1826 года, когда М.М.Нарышкин был арестован. Переезд туда из Москвы, по-видимому, был обусловлен служебными обязанностями. 30 января 1825 г. из Москвы он писал своей теще графине А.И.Коновницыной: «Я не переведен, любезная Матушка, в Тарутинский полк, но команду батальоном в сем полку — буду здесь, полагаю, до назначения полковым командиром, может быть, Бородинского или другого полка» (ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. К. 5807. Ед. хр. 2. Л. 23—27).

¹⁶ Род короткой куртки.

¹⁷ Это — неправда! Ради спокойствия жены, М.М.Нарышкин лукавит: между написанием этого и следующего письма он участвовал в двух боевых операциях («экспедициях») против горцев. В уже цитированном «Указе об увольнении» (прим. № 13) отмечено: «В походах и делах против неприятеля был: 1837 года октября с 24-го по 29-е в движении к аулам Исенгиреевским и истреблении их; с 13 по 19-е ноября действительно в перестрелках с горцами находился».

¹⁸ *Лорер (урожд. Корсакова)* — сестра А.И.Коновницыной, жена А.И.Лорера — брата декабриста Николая Ивановича.

¹⁹ *Дондукова-Корсакова* — княгиня, дочь князя Никиты Ивановича Дондукова-Корсакова (см. ниже).

²⁰ *Дондуков-Корсаков Никита Иванович* — князь, полковник, родной брат А.И.Коновницыной, был женат на княжне Вере Ионичне, дочери князя Ионы Дондуковича и Марии Васильевны Корсаковой. По указу Александра I от 15 июля 1802 г. принял титул и фамилию князя Дондукова-Корсакова. Был «поручителем по невесте» при венчании М.М.Нарышкина.

²¹ *Дондуков-Корсаков* — князь, полковник, муж Марии Никитичны, был «поручителем по женихе» при венчании М.М.Нарышкина. В 1835 г. назначен вторым вице-президентом Академии наук и председательствующим в комитете правления Академии.

²² Место и дата определены по сходству текста с предыдущим письмом. В работе С.Н.Брайловского (Письма М.М.Нарышкина к А.Ф. фон Бригену // Литературный вестник. Т. II. Кн. VI. СПб., 1901. С. 135—146) приведен сокращенный текст этого письма, якобы являющегося припиской к письму

Е.П.Нарышкиной от 14 ноября 1837 г. Там же в сносках приведен перевод текста ее письма, не соответствующего действительному тексту, хранящемуся в архиве с этой датой. Да и зачем понадобилось бы писать из Кярова в Курган через Кавказ? Дополнительное подтверждение сказанному содержится в следующем письме (№ 4) от 20 ноября, из которого явствует, что первое письмо от Е.П.Нарышкиной было получено в этот день, а не раньше.

²³ Бриген А.Ф. (1792—1859) — декабрист, живущий на поселении в Кургане.

²⁴ Фохт И.Ф. (1794—1842) — декабрист, живущий на поселении в Кургане.

²⁵ Расставание произошло в Казани 21 сентября.

²⁶ Голицына (урожд. Нарышкина) Евдокия Михайловна — княгиня, родная сестра М.М.Нарышкина, приехала в Казань для свидания с братом.

²⁷ Егор Холостой — дворовый Нарышкиных.

²⁸ Вероятно, декабрист Аполлон Васильевич Веденяпин, обращенный на 20-летнее поселение в г. Киренск Иркутской губернии.

²⁹ Назимова.

³⁰ Марфа Степановна (урожд. Шишкова) — мать декабриста М.А.Назимова.

³¹ Голицына Е.М. — сестра М.М.Нарышкина.

³² Приписка М.А.Назимова: «Чувствительнейше благодарю Вас, милостивая государыня Елизавета Петровна, за ваше упоминание обо мне в письме к Мих[аилу] Мих[айловичу]. Желая, чтоб Вы также продолжили быть в своем здорovie, како теперь, с удовольствием видел из письма вашего. Я совсем неожиданно увиделся с Мих[аилом] Мих[айловичем]. Нашел его здоровым и в усах, которые заставили меня смеяться до слез; но к приезду вашему он их приведет в самое благовидное положение. — Между тем любитесь видами, и особенно влюблен в одну красавицу гор — вы отгадаете легко: это Ельбрус, который выглядывает в ясную погоду. — Примите уверение в глубочайшем к вам почтении Вашего усерднейшего слуги — М.Назимова» (Назимов М.А. Указ. соч. С. 60).

³³ Нарышкины Е.П. и М.М., взявшие Улиньку на воспитание, считались для нее бабушкой и дедушкой.

³⁴ Тучкова Маргарита Михайловна (1781—1852) — старшая сестра М.М.Нарышкина, в первом браке (с шестнадцати лет) была замужем за П.М.Ласунским, но этот брак вскоре был расторгнут. Во втором браке (с 1806 г.) за генералом Тучковым Александром Алексеевичем (1778—1812), убитым в Бородинском сражении. В 1820 г. построила на месте гибели мужа первый памятник в Бородино — церковь Спаса Нерукотворного. В 1833 г. организовала Спасо-Бородинское богоугодное общежитие для женщин. В 1836 г. пострижена в рясофор монашеским именем Мелания. Под ее руководством создан женский Спасо-Бородинский монастырь (1838). Митрополит Филарет рукоположил ее в диаконы и возвел в игуменьи, наименовав Марией (1840). (См.: Гаврилов И.В. Тучковы. М., 1998).

³⁵ Лорер Мария Ивановна.

³⁶ 21 декабря — день святой мученицы Иулиании.

³⁷ Назимов.

³⁸ Голицын Петр Алексеевич — князь, муж Евдокии Михайловны, сестры М.М.Нарышкина.

³⁹ Нарышкин М.М. во время поселения в Кургане устроил конный завод.

⁴⁰ Нарышкин Александр Михайлович (1801—1846) — младший брат М.М.Нарышкина, гвардии капитан.

⁴¹ Казаринова Анастасия Яковлевна, с 23 января 1838 г. — вторая жена А.М.Нарышкина.

⁴² Первым браком (венчание состоялось 11 ноября 1831 г.) Нарышкин А.М. был женат на *Беклемишевой Александре Васильевне* (1812—1834), умершей «от головной болезни после родов».

⁴³ *Нарышкина Варвара Александровна* (1834—1913) — племянница М.М.Нарышкина, после смерти матери воспитывалась у кн. Е.М. и П.А. Голицыных, не имевших собственных детей. В 1857 г. вышла замуж за *Туркестанова Петра Николаевича* (1830—1891) — князя, отставного штабс-ротмистра Митавского гусарского полка. Их сын — митрополит московский Трифон.

⁴⁴ Именины Анны праздновались 3 февраля.

⁴⁵ Сумма не сходится, возможно, за счет того, что 100 рублей ассигнациями равнялись 110 «ходячею монетой».

⁴⁶ По мнению Л.М.Волконской, наиболее вероятно, что это — князь Николай Михайлович Волконский.

⁴⁷ Возможно, что этот свидетель со стороны продавца дома не относился к известным родам графов и дворян Толстых.

⁴⁸ Одно из этих писем из Кургана от 11 апреля 1838 г. опубликовано в кн.: Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 120—123.

⁴⁹ *Трубецкая Екатерина Ивановна* — княгиня, жена декабриста С.П.Трубецкого.

⁵⁰ *Фонвизина Наталья Дмитриевна* — жена декабриста М.А.Фонвизина.

⁵¹ Графа Коновницына Алексея Петровича.

⁵² Пасха в этот год приходилась на 3 апреля. Вероятно, Елизавета Петровна подзабыла, когда она приехала, потому что М.А.Назимов в своем письме в Курган к И.Ф.Фохту от 7 апреля из Прочного Окопа сообщал: «24 марта приехали к нему жена с братом Алексеем Коновницыным» (Назимов М.А. Указ. соч. С. 60—62).

⁵³ Вероятно, в имени княгини Голицыной Евдокии Михайловны — сестры М.М.Нарышкина, Говорово, расположенном в 15 верстах от Москвы..

⁵⁴ Бриген Софья Михайловна — супруга Бригена А.Ф. В письме к ней 10 сентября 1837 г. А.Ф.Бриген писал: «Елизавета Петровна обещала будущей весной, когда она поедет к мужу на Кавказ, захватить или в Пануровку, или в Слоут» (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 119).

⁵⁵ М.А.Назимов в упоминавшемся уже письме от 7 апреля пишет: «...перешли мы в отряд генерала Засса в окрестности Прочноокопской крепости. Тут встретил я Михаила Михайловича, который служит в Навагинском полку и до прибытия моего из Черноморья уже успел ходить в одну экспедицию; потом мы были с ним еще в двух вместе» (Назимов М.А. Указ. соч. С. 60—62). Более точные сведения содержатся в уже цитированном документе «Указ об увольнении...»: «1838 года генваря с 18-го по 24-е число в сражении с отрядом к реке Белой и разбитии за оною хищнической партии, шедшей к нашим границам; марта с 3 по 16-е движение отряда к Урухаевскому племени, обитающему по реке Лабее; апреля с 16 по 21-е за рекою Белою, где 18-го числа уничтожены два аула и разбито многочисленное сборище абазехов близ разоренного аула Али-Харцизова».

⁵⁶ В письме от 7 апреля 1838 г. М.А.Назимов писал И.Ф.Фохту о Е.П.Нарышкиной: «Здоровье ее, кажется, мало поправилось, спазмы те же. Они оба [с братом Алексеем] хотят просить позволения Михаила Михайловича пробывать летом (2-й курс) на Пятигорских водах, которые отсюда в 200 верстах» (Назимов М.А. Указ. соч. С. 61).

⁵⁷ Именины Александра праздновались 30 августа в память святого Александра Невского, следовательно, Нарышкины вернулись в Прочный Окоп немного

позже, учитывая задержку почты, но не позже 26 сентября, так как в соответствии с «Указом об увольнении...» М.М. Нарышкин «с 27 сентября по 8-е октября в поиске за неприятелем от устья до вершины Лабы и разбитии оного; 6-го октября между Ходзом и Лабою действительно находился». Однако в том же документе сказано: «По Высочайшему повелению, за отличие в сражении противу горцев, произведен в унтер-офицеры [1]838 декабря 16-го» (В биографическом справочнике «Декабристы» приведена другая дата производства в унтер-офицеры — 6 декабря 1838 г.). Поэтому по возвращении в станицу Нарышкины могли получить только сведения о рапорте с представлением о производстве Михаила Михайловича в унтер-офицеры.

⁵⁸ *Вегелин Александр Иванович* (1801—1860) — декабрист произведен за отличие в унтер-офицеры 18 августа 1838 г. (Декабристы. Биографический справочник).

⁵⁹ *Игельстром (Евстафьевич) Константин Густавович* (1799—1851) — декабрист, за отличие произведен в прапорщики 15 августа 1838 г. (Декабристы. Биографический справочник).

⁶⁰ *Розен Андрей Евгеньевич* (1799—1884) — декабрист переведенный из Кургана служить рядовым на Кавказ, писал: «Военные экспедиции на Кавказе кончаются в июне, тогда прибыли несколько из моих сибирских товарищей: Нарышкин с женою, Одоевский; осенью приехали Назимов и Вегелин, Валериан Голицын, Кривцов и Цебриков; трое последних уже произведены в офицеры и собрались в отставку» (Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 373).

⁶¹ В письме к жене 10 сентября 1837 г. А.Ф.Бриген писал: «Все дома, лошади и дворня Нарышкина остались на моем попечении. Я часто со сжатым сердцем хожу по пустым их жилищам» (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 118).

⁶² В письме к М.М.Нарышкину 11 апреля 1838 г. А.Ф.Бриген писал: «Дом ваш требует 200 руб. в год поддержки, включая и дворника, а для этого деньги, получаемые за наем, были бы употреблены весьма кстати; дворник Павел, определенный вами, просил меня напомнить вам о следуемом ему жаловании; Елизавета Петровна сказала мне, что он получил от вас при отъезде 50 руб., он же отозвался мне, будто ничего не получил, итак, я прошу вас разрешить нам это затруднение, я, кажется, принужден буду его сменить, разумеется, только тогда, когда он изоблится в утайке воровских вещей, в принятии коих его довольно основательно подозревают». (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 121).

⁶³ *Башмаков Флегонт Миронович* (1774—1859) — декабрист.

⁶⁴ *Клечковская Анела Станиславовна* — полька, последовала за мужем в ссылку. А.Ф.Бриген был крестным отцом дочери Клечковских — Юлии (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 122, 477).

⁶⁵ *Худяков А.Г.* — учитель в Кургане (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 477, 481).

⁶⁶ *Соболевская Е.А.* — жена смотрителя по заведениям экспедиции о ссыльных Антона Антоновича Соболевского (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 477).

⁶⁷ *Отец Яков (Иаков) Зудилов* — священник в Кургане (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 476).

⁶⁸ *Свистунов Петр Николаевич* (1803—1889) — декабрист.

⁶⁹ *Знаменский С.Я.* (1806—1877) — ялutorовский протоиерей, близкий друг сосланных декабристов.

МАДИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Из воспоминаний директора института С.П.Артемяева*

В эвакуации

14—19 октября 1941 г., наиболее трагичные дни, которые пережили москвичи. Стали закрываться магазины, останавливаться на отдельных маршрутах трамваи, троллейбусы, автобусы, участились случаи хулиганских выходов, поползли различные слухи.

В Коминтерновском РК ВКП(б) получили указание о немедленной эвакуации людей и подготовке к выполнению плана «спецмероприятий». В соответствии с последним здание института должно быть взорвано, станочное и другое ценное оборудование разрушено. Были завезены взрывматериалы. Это дало повод Д.А.Михайлову¹ (он в это время был секретарем парткома) высказать такую мысль: «Сергей Павлович! Ваши предшественники, “враги народа”, сорвали строительство нового здания МАДИ, а Вы пошли дальше, — разрушили то, что было».

Вместе с Д.А.Михайловым решили вызвать коммунистов в институт, перевести их на казарменное положение. Сообщили им об указании эвакуировать коллектив института. Гушосдор в это время был уже в Ульяновске. Решением правительства эвакуация вузов была возложена на Комитет по делам высшей школы. Это было ошибкой. В комитете работали ученые, а для решения вопросов эвакуации требовались энергичные хозяйственники. Надо было выходить институту из положения собственными силами. Срочно были вызваны в институт библиотекари и лаборантский персонал, которым поручили готовить к эвакуации книги и оборудование.

На другой день стали выдавать двухмесячные оклады (так было решено правительством) сотрудникам и преподавателям. Банк не мог выдать в этот день полностью требуемую сумму. Пришлось лично мне устанавливать очередность выдачи. В моем кабинете на этой почве происходили тяжелые сцены. На мои заявления, что деньги будут выданы завтра, следовал от многих ответ: «Вас завтра никого в Москве не будет». Для таких заявлений у них были основания, так как руководители некоторых учебных заведений, в том числе директор Московского автомобильного техникума, покинули быстро столицу, не проявив необходимой заботы о коллективах.

---

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2000. № 5. С. 64—77. Публикацию подготовили В.Н.Луканин и Л.Е.Грачева.

Учебные занятия в институте были прекращены. Прекращены и работы по изготовлению на институтских станках различных деталей для одного из авиационных заводов Москвы. В начале войны эти станки хотели изъять из института и передать авиазаводу. Мы убедили оставить станки у нас с условием, что мы обеспечим изготовление в необходимом количестве для авиазавода деталей. Прекрасные организаторские способности и знание технологии производства проявил А.П.Владзиевский. Под его руководством студенты работали круглосуточно и завалили авиазавод нужными ему деталями.

17 октября было проведено общеинститутское собрание, на котором была дана четкая информация о порядке эвакуации преподавателей и студентов. Основная группа преподавателей в этот же день отправлялась на автобусе в г. Горький. Руководителем этой группы была назначен доцент С.П.Банников. Студентам было предложено с помощью различных видов транспорта добираться до г. Муром (Владимирской области), где происходило формирование железнодорожных составов. В какой пункт эвакуируется институт, в этот день нам не было известно, и мы обещали сообщить об этом в Муром, или во время следования эшелона. Ответственным руководителем (и.о. директора института) муромского эшелона мной был назначен А.П.Владзиевский. На этом же собрании было заявлено, что директор и секретарь парткома Д.А.Михайлов, декан дорожного факультета О.В.Андреев выедут из Москвы последними после завершения эвакуации людей и необходимого имущества. На вопрос о том, как поступать в случае вступления немцев в Москву, было рекомендовано присоединяться к частям Советской Армии. После собрания в коллективе произошел перелом, все почувствовали облегчение, успокоение и уверенность.

В эти дни по указанию заместителя председателя Совета по эвакуации, зам. председателя Совнаркома СССР А.Н.Косыгина², стали выдаваться бесплатно всем учебным заведениям, предприятиям продовольственные товары: сливочное масло, сало, колбасы, концентраты и др. Получил их и наш институт. Они на специальном автомобиле были отправлены в Муром.

В установленный срок указаний о выполнении плана «специальных мероприятий» не поступило, и он не был реализован, а через некоторое время из института забрали и взрывматериалы. Здесь следует отметить такой факт: некоторые коммунисты, находившиеся в здании МАДИ на казарменном положении, видели выгрузку взрывматериалов из грузового автомобиля. Они решили, что это для них выгружаются продукты, но вопросов в это время мне не задавали. Через 2—3 дня они эвакуировались из Москвы. Когда я приехал в Янги-Юль, мне стали задавать вопросы о судьбе этих «продуктов». Пришлось объяснить, что эти «продукты» предназначались для разрушения здания МАДИ, а они должны были участвовать в разрушении оборудования.

Начавшаяся на рассвете 16 октября эвакуация из Москвы учреждений, согласно решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) вызвала беспорядки, граничившие с паникой, тем более, что в этот же

день началось минирование городских мостов, железнодорожного узла и других важных объектов. Были заложены многие тонны взрывчатки и отработан порядок приведения в действие взрывных механизмов.

Усилила налеты на столицу вражеская авиация. Активизировались шпионы и диверсанты. Засуетились уголовники, начав грабить магазины. Не открылись магазины и булочные, не вышли из парков трамваи и автобусы. Автомобильные магистрали, ведущие на восток, были забиты беженцами — пешими и на автомобилях.

Нужны были невероятные усилия, чтобы прекратить беспорядки и нормализовать в Москве жизнь. С этой целью 17 октября выступил по радио первый секретарь МК А.С.Щербаков³, заверивший слушателей, что Москва не будет сдана немцам.

19 октября И.В.Сталиным было подписано постановление Государственного Комитета Обороны, которое гласило:

«Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову⁴, а на начальника гарнизона города Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к ней районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспорта, с 12 часов ночи до 5 часов утра...».

Для защиты Москвы с Заволжья, с Урала, из Сибири на курьерской скорости мчались к театру военных действий воинские эшелоны.

7 ноября состоялся парад на Красной площади, после которого воинские соединения направлялись прямо на фронт, на передний край обороны столицы.

Тройка в составе С.П.Артемьева, Д.А.Михайлова и О.В.Андреева, проживая на казарменном положении в неотопливаемом здании МАДИ, стала заниматься эвакуацией оборудования, книг, машин и другого имущества. Вывозили все это на Казанский вокзал; встречались с очень большими трудностями. Не все имущество принимали к отправке. Была категорически запрещена отгрузка постельных принадлежностей; удавалось это сделать под видом упаковочного материала ценного оборудования. К декабрю отгрузка намеченного оборудования и имущества в основном была завершена. В связи с этим Д.А.Михайлов был отправлен в Янги-Юль (в 30 км от Ташкента). В Москве остался я и О.В.Андреев.

Следует отметить, что в эвакуации имущества института эффективную помощь оказал начальник 21-го военно-дорожного управления М.С.Гурарий. По лицензиям этого управления были получены вагоны, которые отправлялись от его имени (т.е. управления) и по его накладным с красной полосой.

Коллектив института (преподаватели, студенты, сотрудники) численностью около 600 человек, в том числе и группа преподавателей, ранее отправленная в г. Горький, прибыли в начале ноября 1941 года в Ташкент, откуда выехали в г. Янги-Юль, где институту были переданы двухэтажное здание средней школы и клубное помещение местного хлопкозавода. Быстро были начаты учебные занятия на новом месте. В этом снова проявилась энергия и организаторские способности А.П.Владзиевского. Коротко о его дальнейшей судьбе. После возвращения института в Москву А.П.Владзиевский был назначен на должность директора одного из ведущих научно-исследовательских и конструкторских институтов Министерства станкостроительной промышленности СССР. Здесь он также зарекомендовал себя хорошим организатором и руководителем, внес большой вклад в развитие станкостроения в нашей стране. А.П.Владзиевский — лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор — умер сравнительно рано (в 1970 году). Перед этим он перенес несколько инфарктов миокарда.

В первых числах декабря 1941 года, с разрешения Комитета по делам высшей школы (Гушосдора в Москве не было) я выехал в деревню Ягодново за своей семьей. Имелось в виду затем выехать вместе с ней к месту дислокации МАДИ, т.е. в Янги-Юль. Однако от этого плана пришлось отказаться. Мое возвращение вместе с семьей в Москву совпало с сообщением «Совинформбюро» о разгроме немцев под Москвой. Эвакуация из Москвы была приостановлена, и нам с О.В.Андреевым пришлось заняться возвратом в институт оставшегося на Казанском вокзале имущества. Это была тяжелая задача: не было грузчиков, транспорта и т.п.

Вскоре в Москву возвратился Гушосдор, и его начальник В.Т.Федоров предложил мне заняться организацией института (филиала) в Москве. Это была трудная задача: в здании МАДИ в окнах были выбиты стекла, не работало отопление (результат воздушного налета). Наступил февраль 1942 года. Из Янги-Юля стали поступать сообщения о появлении негативных явлений среди коллектива института. Поэтому мне пришлось прекратить работу по организации филиала института и выехать в Янги-Юль. Вместе со мной выехал и О.В.Андреев. Выехал я один, без жены и детей, которые остались в Москве. По приезде в Янги-Юль было получено сообщение из Москвы, что в наш дом попала бомба. Это была последняя, как потом выяснилось, фугасная бомба, сброшенная на Москву немецкой авиацией. Бомба упала на трамвайные пути рядом с домом. В доме были раненые, убитых не было. Моя семья переселилась к родственникам.

Комитет по делам высшей школы так и не назвал пункта дислокации нашего института, пришлось этот вопрос решать самим. Выбрали Ташкент, а не Омск, в котором находился Сибирский автодорожный институт. Руководствовались главным образом тем, что в Узбекистане больше тепла, овощей и фруктов и, что здесь больше шансов на само-

стоятельное существование МАДИ, избежать опасности слияния с СИБАДИ.

Янги-Юль имел до войны около 9 тыс. жителей, а в связи с эвакуацией численность возросла до 30 тыс. человек. Это создало значительные трудности для людей и большие заботы для городских организаций. Достаточно сказать, что на 30 тыс. жителей имелась лишь одна баня на 10 помывочных мест. Улицы и тротуары покрыты грязью, которая прилипала к обуви и одежде. Люди так привыкли к ней (в том числе студенты и преподаватели МАДИ), что даже не делали попыток счистить ее. Зимы, в нашем понимании, там не было. Иногда ночью выпадал снег, а днем таял, добавляя еще больше грязи.

Кроватей в здании, приспособленном под студенческое общежитие, не было. Полы в здании были цементные. Выручили полученные из Москвы матрасы. Сильно пострадало от набегов студентов черепашьё стадо. Их в Узбекистане было довольно много, и они были очень вкусные. Не остался в стороне местный большой по площади и обильный по урожаю сад, так называемый Туркменсад.

При институте была создана столовая для сотрудников и преподавательского персонала. Наличие двух грузовых автомобилей и одного автобуса позволяло оказывать транспортные услуги местным колхозам, предприятиям, учреждениям и получать за это фрукты и овощи. Особенно много попадало в институт арбузов и дынь. Выезжали за продуктами в соседний Таджикистан, получали их в обмен на вещи. Большим спросом пользовались не новые, а старые вещи, особенно военного образца.

По вопросу оказания продовольственной помощи коллективу МАДИ пришлось обратиться к наркому внутренних дел Узбекской ССР. При поездке в Москву этот вопрос пришлось поставить и перед новым начальником Гушосдора НКВД генералом армии К.А.Павловым, который до этого работал начальником Колымы (ныне Магаданская область), где были сосредоточены лагеря людей репрессированных в период 1937—1938 гг. В результате принятых мер для коллектива были созданы удовлетворительные по тем временам условия.

Под руководством Е.Р.Сидоренко⁵ было создано подсобное хозяйство. Не имея опыта, собрали в первый год невысокий урожай риса. Машин для обмолота не было, поэтому пришлось действовать в четыре руки обычными цепями. Специалистами этого дела оказались: директор Г.И.Зеленков, Е.Р.Сидоренко и уборщица тетя Лиза. На следующий год уже на большей площади был посеян рис, кукуруза и др. Урожай получили более весомый, но трудную задачу сбора этого урожая пришлось решать группе мадийцев во главе с Е.Р.Сидоренко уже после отъезда коллектива МАДИ в Москву.

В трудных условиях Янги-Юля особенно стали нетерпимы некоторые поступки Г.Д.Дубелира⁶. Пришлось решать вопрос о его замене. При очередной поездке в Гушосдор встретился с Г.И.Зеленковым, у которого семья находилась в Ташкенте. Он был очень озабочен положением семьи и просил меня оказать ей возможную помощь. Г.И.Зеленкова

я хорошо знал по Ленинградскому автодорожному институту, был положительного мнения о нем как о человеке и специалисте. Поэтому я и предложил ему занять должность моего заместителя, вместо Дубелира. При этом я учитывал сделанное мне в ЦК ВКП(б) предложение занять пост зам. наркома автотранспорта, на что я дал согласие, но с условием совершить это после возвращения МАДИ в Москву. Таким образом, предлагая, Г.И.Зеленкову должность заместителя, я имел в виду, что после возвращения МАДИ в Москву, он займет пост директора института. Он согласился.

Единственная дочь Г.Д.Дубелира и его внук Гриша (так называли в честь деда) погибли в блокадном Ленинграде. Об этом я узнал при поездке в Москву, но сказать об этом ему не рискнул потому, что знал, как сильно и горячо он любил своего Гришу.

Однако по личному запросу Г.Д.Дубелира из Ленинграда поступил официальный ответ, в котором сообщалось, что его дочь Ирина Дубелир и ее сын Гриша умерли и похоронены на Пискаревском кладбище, при этом указали даты смерти и точные места захоронения. Вскоре Дубелир умер. Похоронен он в Янги-Юле недалеко от здания, в котором работал институт. В Янги-Юле умер и похоронен на том же кладбище (несколько раньше Дубелира) зав. кафедрой проектирования дорог П.Н.Шестаков. Отношения между Шестаковым и Дубелиром не были дружескими. Ушли из жизни два крупных специалиста в области проектирования автомобильных дорог. На их могилах нет никаких памятных знаков. Об этом я неоднократно говорил с ректором МАДИ Л.Л.Афанасьевым и его заместителем В.Ф.Бабковым⁷. Имелось согласие Ташкентского автодорожного института принять активное участие в этом деле, включая и уход за памятниками. К сожалению, вопрос так и не получил своего положительного решения.

С первых же дней по прибытию в Янгли-Юль пришлось заняться одним неприятным делом, делом зав. кафедрой марксизма-ленинизма Я.М.Шуклина⁸. На эту должность он был назначен за несколько месяцев до начала войны. Не «горел» на работе, за которую получал заработную плату, уходил и от участия в общественной жизни. Мотивировал он свое поведение плохим здоровьем, от чтения лекций отказывался по причине «болезни» горла. При налетах немецкой авиации на Москву он показал себя к тому же и трусом, отказывался выполнять обязанности бойца противовоздушной гражданской обороны. Нам всем руководителям и коммунистам было стыдно, что в коллективе МАДИ появился трус, коммунист, зав. кафедрой, 40-летний здоровый мужчина. Наши попытки вылечить его от этой болезни успехом не увенчались. Особенно она проявилась в грозные октябрьские дни, когда мне приходилось решать вопросы, кому выдать зарплату сегодня, а кому — перенести на завтра. В этой обстановке Шуклин с рюкзаком за плечами неоднократно заходил ко мне в кабинет и тихо спрашивал (многие слышали это): «Пора уходить из Москвы»? После того, как ему было указано на недопустимость такого поведения, он без разрешения директора и парткома покинул институт. Поздно ночью последовал звонок Шуклина с сооб-

щением, что находится на расстоянии 100 км от Москвы и спрашивает, что ему дальше делать. Ему ответили, что он приказом директора снят с должности зав. кафедрой со всеми вытекающими последствиями, т.е. немедленным призывом в ряды армии. После этого он вернулся в институт и стал просить отменить приказ. По просьбе Комитета по делам высшей школы это было сделано с условием, что вопрос о его наказании в административном и партийном порядке будет решен по новому месту нахождения МАДИ.

По приезде в Янги-Юль А.П.Владзиевский, будучи занят хозяйственными и учебными делами, связанными с организацией деятельности МАДИ на новом месте, опоздал нанести визиты местным партийным и советским руководителям, не преподнес им московских сувениров. Его опередил Шуклин, предложил свои услуги и стал активно выступать с лекциями в рабочих коллективах, перестал болеть. В партийных и советских органах он называл себя профессором и представителем НКВД в институте. Пожаловался на А.П.Владзиевского, что тот не дает денег на приобретение брошюр с речами Сталина от 6 и 7 ноября 1941 года, хотя хорошо знал, что Владзиевский располагает только личными деньгами (кредиты институту Гушосдором еще не были открыты) и в таких же размерах, как и Шуклин. Райком предложил секретарю парткома института обсудить поведение Владзиевского на партийном собрании. Собрание обсудило этот вопрос и исключило Шуклина из рядов ВКП(б). Руководители РК партии были возмущены и создали комиссию под руководством члена бюро РК, начальника НКВД Бахтиозина, которой поручили разобраться с положением дел в институте, подготовить предложения о наказании виновных (имелось в виду кого угодно, только не Шуклина). При наличии такой ситуации я появился в Янги-Юле.

Первым делом встретился с секретарем РК, затем с председателем комиссии Бахтиозиным, объяснил им поведение Шуклина в Москве, указал на отсутствие у него какого-либо ученого звания, а также и мандата на представительство в МАДИ от НКВД СССР. Договорился не проявлять спешки в этом деле: дать возможность мне разобраться с положением дел в институте, а Бахтиозину — с поведением Шуклина во время пребывания его в Москве. Через некоторое время обстановка изменилась, но не в пользу Шуклина, он это почувствовал и стал проявлять хамство по отношению к работникам РК. Несмотря на то, что Шуклин использовал и такую «козырную» карту — его брат работал в аппарате ЦК ВКП(б) — он был исключен из рядов партии. Нашел он защиту в Ташкентском обкоме партии, где пытались убедить меня и РК пересмотреть принятое решение. Особенно старался член бюро обкома, начальник НКВД по Ташкентской области. Мы отказались это сделать. В конечном итоге обком вынужден был согласиться с освобождением Шуклина от работы в МАДИ и объявить ему строгий выговор с занесением в личную карточку (с учетом того, что он признал свою вину и заверил, что примет меры к недопущению подобных поступков в будущем). Шуклина должны были призвать в армию, но его спас от этого зам. наркома Обручников, по его телеграмме Шуклин был вызван в

Москву, и дальнейшая его судьба мне неизвестна. Доходили до меня слухи, что вопрос о снятии этого партийного взыскания с Шуклина после войны обсуждался в ЦК ВКП(б).

Почти рядом с институтом в Янги-Юле размещались и формировались польские воинские соединения под командованием генерала Андерса. На местной железнодорожной станции лежали горы ящиков с продовольствием, обмундированием и другим оборудованием, присланным западными странами. Особенно хорошо жилось офицерскому составу, неприятно было смотреть на их выхоленные лица на фоне изможденных лиц советских людей. Странно было наблюдать уход этих соединений в Иран и далее на запад в то время, как Советская армия вела тяжелые оборонительные бои под Сталинградом. Наши студенты общались с польскими солдатами, проводили совместные спортивные игры, и у них сложилось впечатление, что солдаты были настроены вести борьбу против немцев на территории Советского Союза. Путь в Польшу через СССР был короче, чем через Иран.

Коллектив МАДИ принимал активное участие в проведении местных хозяйственных мероприятий: строительства Северо-Ташкентского канала и др., сочетая это с проведением учебных занятий. Были попытки со стороны местных органов полностью переключить коллектив института на строительные работы. Доводы в пользу такого решения: «Нам сейчас инженеры не нужны». Потребовалось вмешательство республиканских и союзных органов.

Довольно часто в Ташкенте проводились совещания знатных хлопкоробов Узбекистана. В этих случаях от института всегда требовали автобус для Янги-Юльской делегации и плюс 5—6 преподавателей в составе этой делегации. Совещания начинались и заканчивались речью первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Усмана Юсупова⁹. Из этих речей мы четко понимали слово — «уртак» (товарищ). Довольно часто эти совещания мы использовали для того, чтобы побывать в ташкентских банях. Привлекало также и то, что на совещаниях обильно кормили пирожками и рисом.

Еще в Москве среди преподавателей и сотрудников МАДИ был проведен сбор теплых вещей для фронта. Запомнилась великолепная доха, сданная профессором П.В.Сахаровым. В Янги-Юле были собраны значительные денежные суммы на постройку танка «Мадиец». Об этом было опубликовано в местной газете. Летом 1942 года был проведен прием студентов на первый курс. Из лиц местной национальности (узбеков и корейцев) поступило лишь несколько человек, которые отсеялись перед возвращением в Москву. Первый курс комплектовался преимущественно за счет детей эвакуированных семей. После приезда института в Янги-Юль в него поступило на старшие курсы некоторое количество студентов из других вузов, отставших от своих учебных заведений. Точную численность студенческого коллектива к моменту возвращения института в Москву не помню, но мне представляется, что она находилась в пределах 500—600 человек.

Большое желание возвратиться в Москву у всех возникло после разгрома немцев под Москвой. Но осуществить это желание удалось лишь осенью (в сентябре) 1943 года.

Местные партийные и советские органы уделили большое внимание проводам коллектива МАДИ в Москву. В местном клубе было проведено торжественное заседание по этому поводу. В своих выступлениях местные руководители отмечали положительный вклад института в развитие города, района и области. Все это нашло отражение в специально принятом решении горисполкома. После заседания, силами артистов Ташкентского театра, был показан спектакль «Тахир и Зухра». Через местные колхозы обеспечили всех желающих потребным количеством фруктов.

В числе первых из Янги-Юля выехал Г.И.Зеленков, будущий директор МАДИ, а вслед за ним преподаватели, студенты и сотрудники. Преподаватели были обеспечены пассажирским вагоном.

Я выехал из Янгли-Юля после завершения эвакуации людей и оборудования. После этого остался только Е.Р.Сидоренко с группой людей, предназначенной для уборки урожая в подсобном хозяйстве МАДИ. После завершения уборочных работ они вместе с собранным урожаем также выехали в Москву. На этом эвакуационный период МАДИ завершился. Институт продолжил свою деятельность на Садово-Самотечной 10, а я занял пост зам. наркома автомобильного транспорта РСФСР.

Подготовкой здания в Москве к приезду института занимался О.В.Андреев, раньше выехавший из Янги-Юля.

Личный архив С.П.Артемова.

Примечания

¹ *Михайлов Д.А.* (р. 1902) — заведующий кафедрой дорожных машин (1936—1942 гг.); кандидат технических наук, доцент, окончил Московский механический институт в 1930 г.

² *Косыгин А.Н.* (1904—1980) — советский государственный, партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда. В 1941—1942 гг. заместитель председателя Совета по эвакуации. В 1964—1980 гг. председатель Совмина СССР.

³ *Щербakov А.С.* (1901—1945) — советский государственный, партийный деятель, генерал-полковник (1943 г.). С 1936 г. секретарь ряда обкомов; в 1938—1945 гг. 1-й секретарь МК и МГК, одновременно с 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 г. начальник Главного политуправления Советской Армии, заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро.

⁴ *Жуков Г.К.* (1896—1974) — Маршал Советского Союза (1943 г.), четырежды Герой Советского Союза. В январе—июле 1941 г. начальник Генштаба. В Великую Отечественную войну в 1941—1942 гг. командовал войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов. С августа 1942 г. 1-й заместитель наркома обороны и заместитель Верховного главнокомандующего. В 1955—1957 гг. министр обороны СССР.

⁵ *Сидоренко Е.Р.* (р. 1913) — старший преподаватель кафедры геодезии, работает в МАДИ с 1939 г. Окончил МАДИ в 1959 г.

⁶ *Дубелир Г.Д.* (р. 1874 г.) — заместитель директора по научной работе (1941—1942 гг.), доктор технических наук, профессор. Окончил Ленинградский институт инженеров путей сообщения в 1898 г.

⁷ *Бабков В.Ф.* (1910—1995) — проректор МАДИ, заведующий кафедрой, доктор технических наук, профессор. Почетный доктор Будапештского университета. Окончил МАДИ в 1933 г.

⁸ *Шуклин Я.М.* (р. 1906) — исполняющий обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма (1941—1944 гг.). Окончил институт народного хозяйства (1932 г.), Институт красной профессуры (1936 г.).

⁹ *Юсупов У.Ю.* (1900—1966) — советский государственный, партийный деятель. С 1937 г. 1-й секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, с 1950 г. министр хлопководства СССР, в 1953—1955 гг. председатель Совмина Узбекской ССР.

«МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ СЛОЖИТЬ СВОИ СТАРЫЕ КОСТИ В РОДНОЙ ЗЕМЛЕ...»

Митрополит Евлогий (Георгиевский)
и Московская патриархия. 1944—1946 гг.

Ранним утром 9 декабря 1944 г. в Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР поступила обширная почта из Наркомата иностранных дел. Председатель Совета Г.Г.Карпов¹ вскрыл запечатанный конверт и углубился в чтение содержавшихся там документов. Одно из официальных сообщений его особенно заинтересовало. Оно гласило: «Направляю Вам письмо главы эмигрантской православной церкви во Франции митрополита Евлогия² на имя патриаршего местоблюстителя митрополита Алексия³, переданное Евлогием во время его посещения нашего посла во Франции тов. Богомолова. В письме ставится вопрос о возможности присоединения эмигрантской православной церкви во Франции к Московскому патриаршеству»⁴.

На тот период времени русские православные приходы в Европе были разобщены и не имели единого церковного возглавления. Более пятидесяти приходов во Франции управлялись митрополитом Евлогием как экзархом Вселенского (Константинопольского) патриарха. Здесь же были единичные приходы, сохранившие и в сложных обстоятельствах жизни в эмиграции верность Московскому патриархату. В Германии, на территории союзных или оккупированных ею стран православная паства вместе со своими церквями состояла в юрисдикции Русской зарубежной православной церкви («карловацкий раскол»).

Военно-политическая ситуация в Европе в конце 1944 г., победное продвижение советских войск к Берлину, освобождение Западной Европы от фашизма, ощущение близкого краха «тысячелетнего Третьего рейха» делали для миллионов православных верующих в Европе актуальной проблему: как в новых условиях выстраивать церковную жизнь, на какой из православных духовных центров ориентироваться. Этого не могла не учитывать Русская православная церковь, получившая с конца 1943 г. возможность не только восстанавливать церковные структуры внутри СССР, но и внешние связи с православным миром. Для Московской патриархии

¹ Карпов Г.Г. (1898—1967) — с 1943 по 1960 гг. председатель Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. См. о нем: Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX в. М., 1994; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. М., 1999, а также публикации документальных материалов в журнале «Исторический архив»: 1994. №№ 3, 4; 1995. №№ 1, 4; 2000. № 2.

² Евлогий (Георгиевский) (1868—1946) — управляющий русскими православными церквями в Западной Европе, экзарх Вселенского патриарха. См. о нем документальную публикацию в журнале «Исторический архив». 1996. № 1.

³ Алексий (Симанский) (1877—1970) — митрополит Ленинградский. После смерти патриарха Сергия (Страгородского), с мая 1944 г. местоблюститель патриаршего престола. С 1945 по 1970 гг. патриарх Московский и всея Руси.

⁴ ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 259.

особенно желательным было воссоединение с нею тех русских православных приходов, которые в 20—30-х годах, как правило, по политическим мотивам разорвали с нею отношения.

Ранее Совету по дипломатическим каналам, из зарубежных источников, а также и от спецведомств было известно, что Евлогий в течение нескольких последних месяцев неоднократно неофициально вступал в контакт с советскими представителями и посещал посольство Советского Союза в Париже. При встречах он общался о своем желании возвратиться под омофор Московского патриарха. И убеждал при этом, что за ним последует если не вся, то во всяком случае большая часть паствы и приходов из числа находившихся в его церковной юрисдикции в Западной Европе и в Северной Африке. Действительно, во Франции, после ее освобождения, среди старой русской эмиграции набирали силу настроения политической лояльности к Советскому Союзу, в пользу, если уж не физического возвращения на Родину, то хотя бы духовного — путем воссоединения с Матерью-Церковью. Особенно характерны они были для советских граждан, в силу различных обстоятельств оказавшихся на французской территории в годы Второй мировой войны⁵.

Намерения митрополита встречали понимание и одобрение советской стороны, но, что столь стремительно могут развиваться события, предполагать было трудно. Спустя несколько дней, 12 декабря, Карпов пригласил в Совет митрополита Алексея (Симанского). В ходе беседы выявилась общая позиция церкви и государства в вопросе о необходимости и желательности воссоединения западно-европейских приходов с Русской православной церковью. Послание Евлогия было передано Алексею. Тем самым было положено начало их переписке и официальным переговорам о воссоединении.

Заключительные события этого процесса происходили в августе—сентябре 1945 г. во время пребывания во Франции делегации Московского патриархата во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем)⁶. Решение митрополита Евлогия о воссоединении с Матерью-Церковью, яркие и убедительные выступления митрополита Николая перед русскими эмигрантами, особое Обращение патриарха Алексея к архипастырям и клиру Зарубежной церкви⁷ оказывали свое воздействие на верующих. Не только приходы карловацкой ориентации заявляли о своем намерении возвратиться в Русскую церковь, но и некоторые из иерархов. В частности, возглавлявший Западно-европейскую епархию Зарубежной церкви митрополит Серафим (Лукьянов)⁸ вел об этом переговоры с митрополитом Евлогием, а затем вместе со своими 30-тью приходами воссоединился с Московской патриархией⁹.

По докладу митрополита Николая об итогах поездки во Францию Священный Синод на своем заседании 7 сентября 1945 г. принял окончательное решение: «Считать митрополита Евлогия и его викариев — архиепископа Владимира¹⁰ и епископа Иоанна¹¹ со всеми 75 приходами, воссоединенными с Матерью-Церковью и приня-

⁵ См.: Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 610—613.

⁶ Николай (Ярушевич) (1892—1961) — митрополит Крутицкий и Коломенский.

⁷ См.: ЖМП. 1945. № 9. С. 9—12.

⁸ Серафим (Лукьянов) (1879—1959) — митрополит. В 1918—1924 гг. правящий архиерей Финляндской епархии, с 1921 г. — глава Финляндской православной церкви. Примкнул к Русской зарубежной церкви в 1927 г., управлял православными приходами карловацкой ориентации на территории Западной Европы. В августе 1945 г. воссоединился с Московской патриархией.

⁹ См.: ЖМП. 1945. № 9. С. 13.

¹⁰ Владимир (Тихоницкий) (?—1959) — архиепископ.

¹¹ См. о нем примечание № 19 к документам.

тьми в юрисдикцию Московской патриархии, и сохранить на будущее время экзархат западно-европейских церквей в существующих его границах во главе с митрополитом Евлогием как экзархом Московской патриархии на основаниях, изложенных в соответствующем Положении об управлении этими церквями»¹².

Менее года управлял западно-европейскими приходами в качестве экзарха Московского патриарха митрополит Евлогий. Время это было отягощено не только болезнями и немощами маститого старца, но и все более явственно проявлявшимся разделением его паствы по отношению к решению о воссоединении с Русской церковью. Осложняло ситуацию и отсутствие официального положительного ответа со стороны Вселенского патриарха на просьбу Евлогия о переходе возглавляемого им экзархата под юрисдикцию Московской патриархии. Таким образом, Евлогий и его экзархат, официально воссоединенные с Московским патриархатом, одновременно формально оставались и в ведении Константинопольского патриархата.

8 августа 1946 г. митрополит Евлогий скончался. На следующий день указом патриарха Московского и всея Руси Алексия экзархом западно-европейских церквей был назначен митрополит Серафим (Лукьянов). Одновременно в Париж, на погребение митрополита Евлогия, была направлена официальная делегация в составе митрополита Ленинградского Григория (Чукова)¹³ и архиепископа Орловского Фотия (Тапиро)¹⁴. При их встрече с архиепископом Владимиром, который в виду длительной болезни Евлогия фактически давно уже управлял экзархатом, выяснилось, что ни он, ни значительная часть духовенства и активных мирян не считают для себя обязательным исполнение указа патриарха Алексия. Окончательное разрешение вопроса о преемнике Евлогия они связывали с позицией Константинопольского патриархата. По существу, это было официальным заявлением о наличии раскола среди духовенства и верующих западно-европейского экзархата. Преодолеть его, несмотря на все попытки Московской патриархии и митрополита Серафима, не удалось. Это стало очевидным весной 1947 г., когда Константинопольский патриарх Максим назначил своим экзархом архиепископа Владимира, который возглавил «не воссоединившиеся» с Московским патриархатом приходы, оказавшиеся к тому же наиболее богатыми и многолюдными. В ответ патриарх Московский Алексий своим указом исключил из иерархии и клира Русской церкви всех тех, кто отказался подчиняться распоряжениям вышестоящей церковной власти. Все же часть, хотя и меньшая, бывших «евлогинских» приходов сохранила верность Московской патриархии. Тем самым ситуация фактически вернулась к положению, существовавшему в конце 1944 — начале 1945 гг.

Для приходов западно-европейского экзархата Московской патриархии под управлением митрополита Серафима одной из наиболее тяжелых проблем стало хроническое безденежье. Зачастую только финансовая поддержка со стороны Московской патриархии, получавшей валютные средства от советского государства, обеспечивала существование и церкви, и духовенства. В одном из писем патриарха Алексия от 29 июля 1947 г. председателю Совета по делам Русской православной церкви можно прочесть: «По сведениям, имеющимся в Патриархии, могила митрополита Евлогия, находящаяся на новом православном кладбище в Париже, требует оборудования. За неимением средств на месте никто к этому не приступает. Во многих отношениях было бы желательно, чтобы инициативу в этом деле проявила Московская патриархия, оказав вместе с тем и материальную помощь. Если бы явилась возможность получить на этот предмет до 100 тысяч франков, то я бы переслал эту жертву от Патриархии экзарху митрополиту Серафиму с предписанием ему озаботиться приведением могилы Евлогия в должный порядок. Прошу Вас не

¹² ЖМП. 1945. № 9. С. 13.

¹³ Григорий (Чуков) (1870—1955) — митрополит Ленинградский.

¹⁴ Фотий (Тапиро) (1884—1952) — архиепископ Орловский и Брянский.

отказать в содействии к получению французской валюты, если можно, в сумме 100 тысяч франков»¹⁵. «Возможность», как в этот раз, так и во многих других случаях, являлась в лице Г.Г.Карпова, «пробивавшего» вопрос о выделении валюты для нужд патриархии в самых высоких партийно-государственных сферах.

Нестабильность в западно-европейском экзархате Московской патриархии и одновременно укрепление позиций Русской зарубежной церкви, опиравшейся на гласную и негласную политическую, организационную и финансовую поддержку со стороны правительств США, Германии, Англии, тотчас же сказалась на положении перешедших было в Московскую патриархию «карловацких» приходов. Постепенно практически все они «ушли» из юрисдикции Московского патриархата.

Нельзя сказать, что события 1944—1947 гг. в русских православных приходах Западной Европы не привлекали внимания церковных и светских исследователей. Однако в работах, посвященных церковной истории этого периода¹⁶, к сожалению, практически не используются богатейшие архивные материалы, доступные исследователям. И потому господствуют поверхностные и зачастую ангажированные политической позицией или церковной юрисдикцией авторов взгляды и мнения. Именно поэтому я поставил перед собой задачу найти и представить всем тем, кто интересуется историей Русской церкви XX столетия, документы и материалы об одном из драматических ее эпизодов.

В предлагаемую читателю тематическую подборку документов включена лишь часть материалов, выявленных в фонде Совета по делам религий при СМ СССР (Ф.Р.-6991), который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Тексты документов располагаются по хронологическому принципу, публикуются по правилам современной орфографии с сохранением стилистики оригиналов. Выявленные ошибки, опечатки и неточности исправлены и не оговариваются. Встречающиеся сокращения раскрыты и заключены в квадратные скобки. Сведения о некоторых из упомянутых лиц установить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ОДИНЦОВ.

№ 1

Митрополит Евлогий — митрополиту Алексию

21 ноября 1944 г.

*Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему
Митрополиту Алексию Местоблюстителю престола патриарха
Московского и всея Руси от митрополита Евлогия, Управляющего
Русскими Православными церквами в Западной Европе*

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший архипастырь.

Вас Господь поставил во главе Русской православной церкви, и к Вам обращаюсь с настоящим моим письмом о положении церкви в Европе, управление которой было поручено моему недостойнству почившим Святейшим патриархом Тихоном¹. Это мое обращение пока част-

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 274. Л. 126.

¹⁶ См.: Цыпин В. История Русской церкви. 1917—1997. М., 1997; Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; История Русской православной церкви. Т. 1. 1917—1970. СПб., 1997 и др.

ное, неофициальное. Полный документальный доклад последует по получении Вашего ответа на это мое письмо.

В своем управлении я принял к руководству две главные задачи: во-первых, сохранить живую связь с Матерью-Русской Церковью и, во-вторых, не вмешиваться в политику или, как я тогда выражался, не обращать церковного амвона в политическую трибуну. К глубокому моему сожалению, эти два принципа встретили с самого начала большое противодействие со стороны политически настроенной части моей паствы, особенно со стороны монархической партии, и, еще к большому сожалению, партию эту взял под свое покровительство покойный митрополит Киевский Антоний².

Отсюда, с самого начала, в Зарубежной церкви началось разделение, не изжитое окончательно даже до настоящего времени. Эта борьба, иногда глухая и скрытая, иногда выявлявшаяся наружу, очень тормозила спокойное развитие церковной жизни. Однако, несмотря на это, она развивалась, росло число церковных общин (приходов), число которых достигало до 90; мне удалось также при помощи, главным образом, Англиканской церкви, создать высшую богословскую школу — Богословский институт в Париже и т.д.

Господь не оставлял меня своими милостями. Но борьба со мною политическую часть эмиграции продолжалась. Еще в начале эмиграции в 1921 году был созван в г. Сремских Карловцах (Новая Сербия) Собор, искусственно подобранный, на котором эта группа оказалась в большинстве; впоследствии она совсем оторвалась от Матери-Русской Церкви и образовала самостоятельную автономную заграничную русскую секту, которая объявила себя Русской церковью, и за это подверглась осуждению покойного митрополита (впоследствии патриарха) Сергия³. После смерти митрополита Антония ее возглавлял митрополит Анастасий, бывший Кишиневский⁴.

Я же и мои викарные епископы: архиепископ Владимир, бывший Белостокский, и епископ Сергей, бывший Бельский, всемерно держались единства с Матерью-Русской Церковью. Однако и на меня неоднократно сыпались обвинения: если карловацкая группа обвиняла меня в измене монархическому принципу, то из Москвы приходили обвинения также политического характера, и требовалось более определенное заявление о лояльности Советской власти. Поводом для этих последних обвинений служили мои поездки в Англию, где среди своих друзей епископов и духовенства нередко делал заявления о том, что Русская православная церковь терпит большие притеснения от своего правительства: разрушаются храмы, монастыри, отправляют в ссылку епископов и проч. Это было единственным политическим пунктом в моих выступлениях, и об этом по совести я не мог молчать. Я помню, с каким негодованием было встречено заявление митрополита Сергия корреспондентам иностранной печати о том, что таких притеснений церкви в России нет. Между тем прещения из Москвы по отношению ко мне продолжались, и завершились, наконец, тем, что мне категорически предписано было заявить о признании Советской власти и запрещены поездки в Англию,

а когда я по обоснованным, как мне казалось, соображениям, заявил, что этого сделать не могу, и просил ограничить требования лишь общими заявлениями о лояльности к Советской власти, то был со всем своим клиром и паствой совершенно отторгнут от общения с Матерью-Русской Церковью с запрещением мне и сущим со мной иерархическим лицам священнослужения. В таком трудном положении я решил прибегнуть к покровительству Вселенского патриарха; я обратился к нему как к высшему носителю власти в православной церкви с апелляцией на суровое и, по моему мнению, несправедливое решение Высшей Русской церковной власти и лично поехал в Константинополь для изложения своего дела. Святейший патриарх Фотий II, по всестороннем обсуждении нашего дела в патриаршем Синоде, согласился принять меня со всем духовенством и приходами во временное свое ведение до тех пор, пока установятся нормальные сношения с Москвой, и выдал мне грамоту, подтверждающую мои полномочия по управлению⁵. Причем, в грамоте ясно указано, что вся эта конституция управления заграничными русскими церквями является временной, впредь до восстановления нормальных сношений с Москвой. Этой милостивой грамотой внесено было полное успокоение в жизнь моей паствы, и мы живем на этом основании до настоящего времени.

Когда наступила война, карловацкая группа сразу приняла немецкую ориентацию. На горизонте появился епископ, немец Серафим Ляде⁶, с довольно подозрительным прошлым. Опираясь на немецкие штыки, он стал быстро «завоевывать» наши приходы в местах немецкой оккупации и из скромного викария карловацкого Синода быстро сделался «митрополитом всей Германии и всей средней Европы» и фактически управлял всей Зарубежной церковью.

По его инициативе в Вене был созван Собор, на котором провозглашено полное отделение Зарубежной церкви от Матери-Русской Церкви, которая подверглась там грубому поношению и оскорблению. Это позорное деяние, к глубокому прискорбию, совершилось под председательством митрополита Анастасия.

Между тем, я в самом начале войны получил от германского министерства культов извещение, что моя церковная организация для Германии и для всех мест ее влияния не имеет никакого значения. Таким образом, я лишился всякого покровительства немецких законов. Но, слава Богу, времена изменились, немцы ушли. Повяло духом некоторой, хотя бы относительной свободы, и почувствовалось благожелательное отношение власти к религии, к церкви, и потому невольно встает вопрос, не настала ли пора для Зарубежной церкви вновь влиться в лоно родной Матери-Русской Церкви. Но многие души еще под влиянием страхов, сомнений, подозрений к Советской власти, не верят ее быстрой эволюции после стольких лет преследования; их нужно убеждать. И вот я позволяю себе просить Ваше Высокопреосвященство написать мне опять в частном порядке, для облегчения моей задачи Ваше мнение по следующим вопросам:

1. Действительно ли в Советской России обеспечена религиозная свобода (в частности, возможно ли религиозное обучение детей и вообще религиозные школы низшие, средние и высшие, хотя бы частные, не имеющие государственных прав).

2. Можно ли надеяться на возвращение наших святынь из музеев и других мест, а также восстановление монастырей, церквей и других святынь.

и 3. И вообще, как живет Св[ятая] Церковь на родине.

Простите, Христа ради, что затрудняю Вас своими вопросами. Но ведь мы до сих пор ничего не знали друг о друге; точно жили на разных планетах. А теперь так хотелось бы знать настоящую правду, чтобы облегчить людям, оторванным от Родины, обратное туда возвращение. Особенно хочется, чтобы наша зарубежная молодежь, талантливая, образованная, нашла приложение своих способностей у себя на Родине, а не обречена была целую жизнь крыть чужие крыши. И самому мне так хочется сложить свои старые кости в родной земле, но, конечно, не обо мне речь.

В лице Вашем глубокий поклон до земли родной Матери-Русской Церкви и дорогой Родине. Прошу Ваших святых молитв.

С глубоким уважением и преданностью Ваш покорный слуга

Митрополит русских православных церквей,
экзарх Вселенского патриарха *Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 16—19. Машинописная копия.

№ 2

Справка юрисконсульта Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР В.Покровского о митрополите Евлогие

11 декабря 1944 г.

Евлогий (Василий Георгиевич, рожд[ения] 1868), епископ, черносотенец, один из руководителей Союза русского народа. Будучи епископом Люблинским, в 1907 году был избран в члены второй, а затем и третьей Государственной думы, где выступал против законопроекта о свободе перехода из одного вероисповедания в другое, защищал церковно-приходские школы, отстаивал увеличение содержания духовенству, проповедовал антисоветизм. Защищал погромы и т.д. В 1914 году был назначен архиепископом Волынским. В настоящее время (1931) один из вождей монархической эмиграции (БСЭ. Т. 23. С. 823).

В период Февральской революции Евлогий оставался епископом Волынским. В книге Б.Кандидова⁷ «Церковь и Февральская революция» в главе «Чистка Синода» сказано: «Стоит отметить, что «чистка» епископского состава, в общем, была незначительной. Из нечленов Синода были уволены лишь Исидор и Варнава, в общем, мелкие фигуры. Такие

видные деятели черносотенного движения, как архиепископы Антоний, Евлогий и т.д., остались на своих местах» (стр. 34).

В этой же книге на стр. 20 содержится указание на то, что в период Февральской революции в Житомире местный исполнительный комитет принял решение об удалении архиепископа Евлогия.

На стр. 78 той же книги Кандидова делается ссылка на то, что «начиная с апреля (1917 г.), между Советами рабочих и солдатских депутатов и духовенством возникают конфликты. Так было, например, в Житомире, Харькове, Казани и т.д. В Житомире, на съезде духовенства и мирян Волынской епархии, произошел в связи с этим инцидент, после которого Совет солдатских депутатов и исполнительный комитет рабочих депутатов отозвали своих представителей со съезда. Этот же съезд, высказавшись за «демократизацию жизни», одновременно возбудил ходатайство об оставлении черносотенного епископа Евлогия на Волыни, хотя исполнительный комитет рабочих депутатов признал необходимым удаление Евлогия как видного деятеля Союза русского народа и погромщика.

В 1917 году Евлогий был членом «Священного Собора Православной Российской церкви» и выступал в заседании 17 августа 1917 года от Галицийской церкви. «Мне поручили передать, — сказал Евлогий, — привет Поместному Собору представители новоучрежденной Галицийской церкви, зародившейся в годы страшной войны. Им судил Господь быть исповедниками и мучениками за свою православную веру. Они обращаются в лице моем к Поместному собору с горячей мольбой принять их в общение с православной церковью, уверенные найти себе успокоение в лоне этой церкви. Они живут молитвой, что Господь укрепит узы, соединяющие их с Православной церковью, и что Собор положит твердые основания «для общения с нами в любви и единоверии» (Введенский. Церковь и государство, стр. 86—87).

После Поместного собора 1917—1918 года Евлогий вернулся в свою епархию, где продолжил свою работу в качестве ближайшего помощника митрополита Киевского Антония. После политического переворота на Украине 14 декабря 1918 г., когда власть перешла в руки так называемой Директории, по приказу последней от 17 декабря 1918 г. «был арестован митрополит Антоний и ближайший его соратник Волынский архиепископ Евлогий (Георгиевский), и через несколько дней без суда и следствия были сосланы в Галицию и заточены в униатский монастырь в Бучаче» (Ю.Самойлович. Церковь украинского социал-фашизма, стр. 74)⁸. Антоний был возвращен в 1919 г. по требованию Деникина в Киев. Был ли вместе с ним возвращен и Евлогий, из книги Самойловича не видно. Во всяком случае, в дальнейшем, в эмиграции, Евлогий является по-прежнему ближайшим соратником Антония как по организации Карловацкого Собора, так и в других его начинаниях.

№ 3

Патриарх Алексий — митрополиту Евлогию

*Москва. Патриархия**20 декабря 1944 г.*

Ваше Высокопреосвященство,
Возлюбленный о Господе Владыко!

Ваше письмо от 21 ноября получил и был весьма утешен Вашими хорошими мыслями о родной нашей общей Матери-Церкви и одинаково дорогой для нас с Вами Родине нашей. Понимаю и Ваше стремление к родной земле.

То, что Вы пишете о настроениях в среде русских эмигрантов, нам здесь более или менее хорошо известно из разных источников, в частности, из зарубежной прессы. Хорошо известна и позиция карловацкой группы, этой, как Вы совершенно правильно выразились, «автономной заграничной русской секты, которая объявила себя Русской Церковью». Знаем, а теперь имеем и подтверждение этого в Вашем письме, что Вы ничего общего с этой группой не имеете. Если в прошлом, под влиянием тех или иных внешних условий, Вами допущены были действия, приведшие к известному решению о Вас со стороны нашей церковной власти, то теперь желание Ваше восстановить правильное отношение к Матери-Церкви и покончить с временным положением — пребывания в ведении Вселенского патриарха (что, в сущности, не только неестественно, но и канонически неправильно) — является уже само по себе основанием к пересмотру дела в смысле отмены бывшего решения.

Во всяком случае, объятия Матери-Церкви для Вас, Владыко, отверсты. Для того, чтобы это дело привести к концу, и притом без замедления, пришлите мне об этом официальную просьбу с указанием, что, как Вы и пишете в этом частном письме Вашем, всегдашним Вашим желанием было и есть «сохранять живую связь с Матерью-Русской Церковью» и «не вмешиваться в политику, не обращаться церковного амвона в политическую трибуну». Также и о том, что позиция карловацкой группы для Вас совершенно чужда и что с карловчанами у Вас нет ничего общего. При составлении этой просьбы примите во внимание постановление о Вас Патриархии от 30.IV.1931 г., № 75, особенно п.п. 1 и 6.

Я полагаю, что результатом этого обращения будет немедленное принятие Вас в общение, с забвением всего происшедшего.

Постановление наше в этом смысле будет Вам послано по телеграфу по получении от Вас вышеозначенной просьбы; а сейчас я посылаю Вам приглашение на наш Поместный собор, имеющий быть в январе 1945 г. для выбора Патриарха. Будем рады иметь Вас участником Собора; думаю, что и для Вас приятно будет прикоснуться к родной земле⁹.

Теперь отвечу Вам на Ваши вопросы:

1. «Действительно ли в Советской России обеспечена религиозная свобода (в частности, возможно ли религиозное обучение детей и т.д.)».

Религиозная свобода у нас обеспечена в полной мере: храмы открыты, службы совершаются с прежней торжественностью; посвящаются

новые пастыри; совершаются архиерейские хиротонии, пострижения в монашество и т.д.; если в гражданской школе, отделенной по закону от церкви, не преподается закон Божий, то не существует запрещения законом преподавать его детям в домашних условиях; дети наравне с взрослыми свободно посещают церковные службы; молодые люди прислуживают за богослужениями, поют в церковных хорах и т.д.

В Москве действует Богословский институт, имеющий целый состав профессоров и преподавателей с богословским образованием (есть и магистры); программа несколько уменьшенная по сравнению с программой б[ывших] Духовных академий.

Для недостаточно подготовленных имеются Богословско-пастырские курсы; при общегитии Богословского института и курсов имеется особая церковь, в которой ученики практически изучают богослужебный устав, участвуя в богослужениях в качестве низших клириков, чтецов и певцов в церковном хоре.

Строй жизни — церковный, с общей молитвой утром и вечером и т.д.

Такие же курсы открываются и по епархиям по представлениям Преосвященных. Об открытии института и курсов в Москве подробно описано в № 7 Журнала Московской Патриархии, каковой № одновременно с этим письмом я поручаю редакции Вам послать вместе с другими №№ журнала.

2. «Можно ли надеяться на возвращение наших святынь из музеев и других мест, а также восстановление монастырей, церквей и других святынь».

Приходские храмы и общины верующих при них существуют свободно и ведут свою работу беспрепятственно; учреждаются по желанию верующих и новые. Есть и монастыри.

Религиозные святыни и реликвии, из числа находящихся в музеях, передаются в распоряжение церковных организаций, если об этом возникает вопрос и ходатайство последних.

3. «Вообще, как живет Св. Церковь на Родине?»

Из предыдущего Вы видите, что Церковь наша жива и действует. Правда, у ней нет такого, как в прежнее время, широкого и многосложного аппарата, каким был Святейший Синод со всеми состоящими при нем многочисленными учреждениями; нет и такой обширной сети учебных заведений мужских и женских, как были раньше, но то, что имеется — живет полной жизнью. А с течением времени, при помощи Божией, я надеюсь, все существенно разовьется.

Вот, Преосвященнейший Владыко, Вам в кратких чертах картина нашей церковной жизни. Приезжайте, посмотрите сами и поделитесь с нами своим опытом.

Вы верно пишете, что настала пора для Зарубежной церкви вновь влиться в лоно родной Русской церкви. Все славянские Православные церкви тянутся к нам; инославные, например, Англиканская [церковь], находится в близком сношении с нами; как же родным отраслям церковным не стремиться к Матери-Церкви.

Буду ждать от Вас ответа на настоящее письмо мое, а затем и личного свидания с Вами.

Господь да благословит наше общее стремление к миру церковному, к тому, чтобы работать Господу и Церкви Его святой в полном единении и в меру всех своих сил.

Прошу св. молитв Ваших и с братской о Христе любовью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою и богомольцем

М[итрополит] Л[енинградский] А[лексий]

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 24—25об. Машинописная копия.

№ 4

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

8 февраля 1945 г.

Ваше Святейшество, Святейший Патриарх
Московский и всея России Алексий.

Почтительнейше и вседушевно приветствую Вас с избранием на высокий престол Патриарха Московского и всея России. Наша радость по случаю сего избрания усугубляется тем, что в нем приняли участие представители Восточных Православных Патриархов; следовательно, на нем лежит печать избрания всего Православного Востока — точнее, всей Святой Вселенской Православной Церкви.

Приношу Вашему Святейшеству мою глубочайшую благодарность за милостивое приглашение на этот Всероссийский Собор. К глубокому моему сожалению, по военным обстоятельствам я не мог воспользоваться этим приглашением, ибо оно достигло Парижа слишком поздно, только 6-го февраля, а с другой стороны, и помимо этого я не мог бы этого сделать и потому, что уже около месяца, с кануна праздника Богоявления Господня, прикован к одру тяжелой болезнью, от которой, слава Богу, теперь несколько оправляюсь.

Смирненно посылаю Вашему Святейшеству мои лучшие молитвенные благожелания на новом столь высоком посту Вашего служения Отечественной Церкви Православной. Я понимаю все необъятное величие предстоящего Вашего подвига и все великие трудности на его пути, но я со всеми православными русскими людьми крепко верую, что великие праведные предшественники Ваши, святые Первопрестольницы Российские, как древние уже прославленные Святой Церковью, так и новые, современные Вам, не оставят Вас без своей благодатной помощи и своими молитвами пред Господом помогут Вам на всех путях Вашего высокого, столь трудного, ответственного служения Вашего.

На этих приветственных строках позвольте мне теперь закончить мое письмо. Остальное его содержание, касающееся изображения всех обстоятельств нашей церковной жизни, и главным образом, вопроса о полном воссоединении с Матерью-Русской Церковью ее Зарубежной части, состоящей в настоящее время во временном ведении Вселенского патриарха, в качестве его экзархата, благоволите отложить до моего выздоровления, когда я надеюсь представить это дело с подлежащей и исчерпывающей полностью.

Испрашивая святых молитв Ваших и первосвятительского благословения, с глубоким уважением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Святейшества нижайший послушник

Митрополит русских православных церквей в Европе,
эксарх Вселенского Патриарха *Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 137. Машинописная копия.

№ 5

Патриарх Алексей — митрополиту Евлогию

Март 1945 г.

Ваше Высокопреосвященство,
Возлюбленный о Господе Владыко!

С братской любовью извещаю Вас о том, что Вам, несомненно, уже известно, именно о состоявшемся у нас Поместном соборе в присутствии патриархов: Александрийского, Антиохийского, Католикоса всея Грузии, представителей патриархов Вселенского, Иерусалимского, Сербского и Румынского, и об избрании моего недостойнства патриархом Московским и всея Руси. Крайне сожалею я, что Ваше Высокопреосвященство не могли прибыть на наш Собор, имевший такое исключительное, высокое представительство и протекавший в атмосфере братской любви и духовного единения.

Деяния Собора и подробное описание всех наших торжеств будут Вам присланы.

Прошу Ваших св[яты]х молитв, да дарует мне Господь вышнюю помощь в несении возложенного Им на меня трудного послушания.

Целью моего настоящего письма, главным образом, является просьба к Вам прибыть в ближайшее время в Москву для совместного суждения о православных русских церквях в Западной Европе и других местах, находящихся в Вашем управлении, и как в связи с Вашим стремлением к единению с Матерью-Церковью, так и с общим законным, каноническим порядком вещей, имеющих быть в ведении Московской патриархии.

О том, что Ваше желание воссоединения с Московской патриархией встречает полное сочувствие с нашей стороны и что, как я писал Вам, «объятия Матери-Церкви для Вас отверсты», — Вы знаете. Таким образом, остается нам окончательно поставить все это дело в канонические рамки. И для этого приезд Ваш я считаю необходимым.

В крайнем случае, пусть приедет с полномочиями от Вас Преосвященный Владимир; но, повторяю, более желательным является Ваш приезд. Буду ожидать Вашего ответа и очень желал бы, чтобы этот ответ заключал в себе сообщение о планах Вашего приезда к нам.

В ожидании сего сердечно Вас обнимаю с братской любовью, остаюсь душевно преданный.

[Патриарх Московский и всея Руси *Алексий*]

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 48. Машинописная копия.

№ 6

В.Г.Деканозов¹⁰ — Г.Г.Карпову№ 257 / 1 Евр.^а

27 марта 1945 г.

*Председателю Совета
по делам Русской православной церкви
при СНК СССР т. Карпову Г.Г.*

Митрополит Евлогий в беседе с нашим послом в Париже тов. Богомоловым сообщил, что перспективы примирения эмигрантской православной церкви с Московской Патриархией породили много волнений в кругах парижских церковников и наиболее энергичных представителей церковных общин. По предложению Евлогия большинство священников в настоящее время поминают в церквях патриарха Алексия.

Евлогий хочет отправить послание к Константинопольскому патриарху с просьбой освободить православную церковь во Франции от обязательств, которые были приняты ею в связи с изгнанием эмигрантской церкви из Московской Патриархии и переходом ее под покровительство Константинопольского патриарха в качестве экзархата.

Евлогий не скрывает, что прежде чем твердо решить вопрос о возможности перехода в Московскую патриархию, он хочет выиграть время для того, чтобы «промыть мозги», по его собственному выражению, многим представителям своей паствы.

Таким образом, по сообщению т. Богомолова, поездка Евлогия в Москву пока еще откладывается, но он лично очень хочет повидать Москву. Евлогий стар и болен, но настроен воинственно.

Заместитель Народного комиссара
иностраннных дел СССР *Деканозов*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 88. Подлинник. Машинопись.

№ 7

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

3 апреля 1945 г.

Ваше Святейшество,

Секретарь советского посольства А.А.Гузовский едет в Москву, и я пользуюсь этим случаем, чтобы с ним отправить Вам свое настоящее письмо. Позволяю себе в этом письме, прежде всего, послать Вам нечто личное — мое слово, прочитанное нашим протодиаконом в нашем кафедральном соборе в день моего 50-летнего юбилея священства (сам я по болезни не мог ни сказать, ни даже прочитать этой речи)¹¹. Ввиду

^а 1 Евр. — 1-й Европейский отдел Наркомата иностраннных дел СССР.

того, что в этой речи есть церковно-общественные мотивы, я имею смелость послать ее Вам на прочтение.

Я знаю, что Вы ожидаете от меня другого письма — с ходатайством о воссоединении меня и моей паствы с Матерью-Русской Церковью. Простите Христа ради, пока не могу представить Вам этого ходатайства при всем моем самом горячем желании. Причиной служит, во-первых, моя болезнь, мешающая мне представить это дело в надлежащем законном оформлении, во-вторых, к глубокому моему огорчению, в значительной части моей паствы я неожиданно встретил упорное отрицательное отношение к этому делу. Во многих душах прочно живет еще чувство страха, опасения и недоверия к тем лозунгам религиозной и вообще политической свободы, которые провозглашены Советским правительством. Не изжита еще та психология страха, которая навеяна прошлым и, отчасти, подогревается в настоящее время тенденциозными информациями. Конечно, это очень прискорбно, но что делать? Четверть века отчуждения от Родины все же успели затушевать у некоторых светлый лик Матери-Церкви. И я опасаясь, что мой успешный шаг по пути слияния с нею вызовет новый раскол в церковной жизни эмиграции. Я поэтому постепенно готовлю ее к этому объединению; уже имя Вашего Святейшества по моему распоряжению поминается во всех церквях вверенных мне приходов. Смее надеяться, что с помощью Божией, скоро произойдет полное слияние эмиграции с Матерью-Русской Церковью по мере того, как они убедятся, что идея церковной свободы там стоит крепко, незыблемо.

Предварительно обращения к Вашему Святейшеству нам нужно еще испросить благословения на свое воссоединение с Матерью-Церковью от Вселенского патриарха, во временном каноническом ведении которого мы теперь находимся. Для уяснения нашего канонического положения я посылаю Вам копию грамоты покойного Вселенского патриарха кир Фотия II, на основании которой временно устроена в последние годы наша церковная жизнь.

Позволю в связи с этим повергнуть на благоусмотрение Вашего Святейшества мысль, не признали бы Вы нужным для укрепления православия за границей России учредить экзархат, лучше два экзархата Русской церкви — один в Европе, другой — в Америке (наподобие экзархата Константинопольского). Простите Христа ради за эту смелую и, может быть, дерзновенную мысль, но она диктуется ревностью о славе нашей родной Русской православной церкви.

Испрашивая молитв и первосвятительского благословения Вашего Святейшества, с глубоким уважением и преданностью имею честь быть

Вашего Святейшества нижайший послушник,
Митрополит русских православных церквей в Европе,
экзарх Вселенского патриарха *Евлогий*

№ 8

**Справка заместителя председателя Совета по делам
Русской православной церкви при СНК СССР С.К.Белышева***7 апреля 1945 г.*

Советского посла в Париже т. Богомолова посетила делегация патриаршей православной церкви в Париже во главе с игуменом Стефаном¹².

Из беседы видно, что в 1930 г., когда Ватикан и англичане пытались организовать крестовый поход против СССР, в Париже была созвана конференция православного духовенства, на которой обсуждался вопрос о присоединении зарубежной Французской православной церкви к этому походу. Митрополит Евлогий занял колеблющуюся позицию, и конференция раскололась. Ничтожное меньшинство отказалось от участия в этом походе.

После антисоветских жестов Евлогия, вроде посещения в Англии молебствия католиков о победе над большевиками, Московская патриархия отказалась от эмигрантской церкви во Франции, но оставила в своей юрисдикции 3 прихода, которые не присоединились к антисоветскому походу. Эти приходы возглавляются игуменом Стефаном.

Посетившая т. Богомолова делегация просила передать их приветствия Московской патриархии и просьбу прислать из Москвы в Париж православного епископа, который бы возглавил там православную церковь и собрал вокруг нее верующих. По мнению Стефана, некоторые приходы Евлогия также быстро перейдут на сторону Московской патриархии. В составе этой делегации был также один французский священник — глава небольшой общины православных французов. Таких французов имеется во Франции пока около 300.

Во время беседы Стефан высказал интересную мысль о том, что Русская православная церковь становится вселенской и ей сейчас надо выходить за границы СССР, тем более, что в католической церкви развивается внутренний кризис, и православие не должно проходить мимо этого.

По мнению т. Богомолова, это чувствуют и католики. Из беседы 31 марта с.г. с христианским социалистом Рамом — заместителем мэра города Блида, т. Богомолов выяснил, что недавно один из французских католических священников произнес радиоречь об опасности, которая угрожает католицизму со стороны православия.

Этот епископ, ссылаясь на последний собор Русской православной церкви, говорил о том, что православие становится международной опасностью, т.к. Сталин¹³, поддерживая православие, «завоевывает не только земли и людей, но и человеческие души». «Скоро, — говорил епископ, — мы увидим православных священников рассеянными по всей Европе и сражающихся против католицизма».

Рам добавляет, что католическая церковь поражена глубоким политическим кризисом, т.к. дело идет не только о личных связях папы и отдельных кардиналов с немецкими и итальянскими фашистами, но

шире — католическая церковь в Италии, Польше, Франции, Бельгии, Баварии и Испании составляла и составляет основную силу реакции и одну из опор фашизма. Демократизация Европы становится губительной для католицизма, т.к. окажется несовместимой с его полноправной идеологией. На замечание Раму, что во Франции имеются православные французы, он заявил, что это хороший симптом, т.к. католицизм в таких странах, как Португалия и Испания, временами оказывался еще правее фашизма.

Тов. Богомоллов отмечает, что различные католические ордена по-разному относятся к Ватикану как к политическому центру. Иезуиты поддерживают папу без оговорок, а доминиканцы, например, предпочитают занимать более осторожную позицию. В среде церковников имеется разлад.

Тов. Богомоллов считает, что присутствие экзархов за границей, присланных из СССР, и в частности, во Францию, будет полезным в развитии и укреплении международных позиций СССР и послужило бы ослаблению католицизма.

В современной обстановке, по мнению тов. Богомоллова, православие может вернуть себе и значительно укрепить те международные связи, которые оно имело раньше и утеряло в связи с событиями социалистической революции.

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 84—84об. Подлинник. Машинопись.

№ 9

А.Я.Вышинский¹⁴ — Г.Г.Карпову

№ 557 / 1 Евр.

29 мая 1945 г.

Председателю Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР тов. Карпову Г.Г.

По сообщению нашего посла в Париже т. Богомоллова им были переданы Стефану Светозарову и Лосскому¹⁵ письма патриарха с приглашением приехать в Москву. Оба они готовы ехать в Москву в любой момент. Митрополиту Евлогию также было вручено приглашение посетить Москву, но он еще ответа не дал — колеблется, ссылается на старость и на разногласия в пастве. Обещает дать ответ позднее.

Светозаров просит разрешить ему взять с собой начальника братства святого Фотия Николая Алексеевича Полторацкого¹⁶, который играет наиболее активную роль в здешней патриаршей церкви.

В связи с этим т. Богомоллов просит указаний, можно ли отправить Светозарова и Лосского советским самолетом, т.к. денег на проезд в американском самолете у них нет.

Кроме того, т. Богомоллов сообщил, что 18 мая с.г. его посетили три представителя православной французской общины во главе с иеромонахом Денисом с жалобой на то, что патриархия забыла об их православной общине, которая ведет миссионерскую деятельность среди католиков.

Денис определяет Стефана как боязливого человека, который и свои-то интересы не защищает, а уж о своих французских собратьях наверняка забудет. Денис известен как очень рьяный проповедник православия во Франции среди французов и, по мнению т. Богомолова, его следовало бы пригласить в Москву вместе со Стефаном.

По документам Денис является Люсьеном, родился в Париже в 1899 г. С 1922 г. работал с епископом Винартом, который основал независимую церковь, перешедшую с 1937 года в Московскую патриархию.

Прошу информировать нас по существу затронутых вопросов.

Заместитель Народного комиссара
иностранных дел СССР *А. Вышинский*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 173—173об. Подлинник. Машинопись.

№ 10 Мандат

16 августа 1945 г.

Член Священного Синода при патриархе Московском и всея Руси митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) командировается во Францию для устройства церковных дел Русской православной церкви.

На митрополита Николая возлагается посещение патриарших приходов во Франции; воссоединение с Матерью-Церковью митрополита Евлогия, согласно выраженной им просьбе, и тех приходов, состоящих в его ведении, которые заявят о своем желании воссоединения; обращение от лица Матери-Церкви к карловацким приходам на территории Франции.

Митрополиту Николаю предоставляется право: награждения очередными наградами достойных клириков, с последующим докладом об этом Патриархии; рукоположения в диаконские и пресвитерские степени достойных кандидатов; осуществления всех тех канонических мероприятий, какие окажутся необходимыми для пользы Церкви.

Патриарх Московский и всея Руси *Алексий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 89. Машинописная копия.

№ 11 Акт

Париж

29 августа 1945 г.

1945 года августа 29/16 в покоях Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия митрополит Крутицкий Николай совершил каноническое воссоединение с Матерью-Русской Православной Церковью, по общепринятому церковному чину, Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия и его викариев — Высокопреосвященнейшего архиепи-

скопа Владимира и Преосвященнейшего Иоанна, епископа Херсонесского.

На сие имеется словесное согласие Его Святейшества патриарха Вселенского Вениамина.

Митрополит русских православных церквей в Европе *Евлогий*

Митрополит Крутицкий *Николай*

Архиепископ *Владимир*

Протоиерей *Павел Цветков*

Епископ *Иоанн*

Протоиерей *Петр Филонов*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 97. Машинописная копия.

№ 12

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

29 августа 1945 г.

Его Святейшеству Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси

Сыновне просим, покрыв любовью наше разобщение с Матерью-Русской Церковью, принять нас с нашими приходами под Вашу отеческую руку в каноническое объединение со всею Русской Православною Церковью.

При сем прилагаем проект управления Европейскими приходами на решение Вашего Святейшества и Священного Синода.

Вашего Святейшества нижайшие послушники

Митрополит Русских православных церквей в Европе *Евлогий*

Архиепископ *Владимир*

Епископ *Иоанн*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 95. Машинописная копия.

№ 13

Акт

Париж

31 августа 1945 г.

1945 г. августа 31/18 в кафедральном храме Высокопр[еосвященнейшего] митрополита Серафима (Лукьянова) митрополит Крутицкий Николай совершил воссоединение с Матерью-Церковью, по принятому чину покаяния, Высокопр[еосвященнейшего] митрополита Серафима (Лукьянова).

Митрополит Крутицкий *Николай*

Протоиерей *Павел Цветков*

Митрополит *Серафим*

Протоиерей *Петр Филонов*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 99. Машинописная копия.

№ 14

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

[Между 24 августа — 5 сентября 1945 г.]

Ваше Святейшество.

Смиренно приношу Вам мою глубочайшую благодарность за присланную Вашу фотографию и, особенно, за присылку особой делегации во главе с Высокопреосвященным митрополитом Крутицким. Эта делегация имела свою высокую миссию и Ваше полномочие воссоединить так называемую зарубежную часть св[ятой] Православной Русской церкви с ее Матерью, от которой она была отторгнута по известным печальным недоразумениям. Хотя часть этой зарубежной церкви нашла себе каноническое покровительство у Вселенского патриарха, который покрыл ее своим [...]а, но все же отчужденность от своей родной Матери-Церкви и некоторое как бы [...]а искривляет канонический лик церковной жизни, как-то мучительно чувствовалось. С Божией помощью Ваша делегация успешно исполнила свою миссию. Правда, не без трудностей прошло это дело: осталась непримиренной и невоссоединенной с Матерью-Церковью так называемая карловацкая группа; да и среди моей паствы немало найдется упорствующих; но все же в огромной подавляющей массе народ откликнулся на любящий голос Матери-Церкви, призывающий нас, своих братьев, воедино.

Единственное смиренное наше ходатайство о том, чтобы зарубежной церкви (также приходам) было предоставлено право некоторой автономии, конечно, очень скромной, ни в какой мере не умаляющей прерогативы центральной, т.е. патриаршей власти, и не простирающейся, например, дальше назначения викарных епископов. Умоляю вас, не посылайте этих епископов из Москвы, у нас здесь перепроизводство (до 10) архимандритов, образованных и имеющих значительный служебный стаж от 10 до 15 лет.

Игнорирование их будет, несомненно, истолковано не только как личная обида по отношению к ним, но и как выражение общего недоверия к нам, сущим за границей в рассеянии. Говорю по чистой архиерейской совести, а не по каким-либо личным или вообще сторонним побуждениям, а исключительно во имя блага и пользы церковной. Мне ведь ничего не нужно, я, может, только о мирном skonчании живота своего и уже чувствую близость этого «skonчания». И если бы Вы спросили моего мнения о судьбах церковного чиновничества после моего ухода, то я бы очень хотел иметь своим преемником архиепископа Владимира (святого человека — молитвенника и детски чистого), а при нем викарием архимандрита Никона (Гревс), теперь священствующего при кафедр[альном] храме в Париже (из военных, окончил Богосл[овский] институт, уже 14 лет в монашестве). Кроме того, да позволено будет мне указать следующих достойнейших кандидатов во епископа: 1) ар-

---

^a Пропуск в тексте.

хим[андрита] Мефодия Кульмана (окончил университет в Праге, потом Богосл[овский] институт), способнейшего и усерднейшего организатора церк[овной] жизни, теперь настоятеля прихода в Аньере, близ Парижа; 2) архим[андрита] Иоанна (в мире князя Шаховского) с исключительными дарованиями, тоже после мирской школы окончил Богословский институт; 3) Исаакия, б[ывшего] пом[ощника] настоятеля в Праге, преп[одаватель] Петерб[ургской] духовной академии, потом военный, исключительно разносторонне образованный, правая рука еп[ископа] Сергия; к сожалению, запутался в «Власовском» деле, теперь — в тюрьме (хотя есть надежда на освобождение); 4) Киприан, инспектор Богосл[овского] института, б[ывший] начальник нашей миссии в Иерусалиме, к сожалению, захвачен антисоветским движением; 5) Кассиан, никак не могущий теперь выбраться с Афона, куда уехал перед войной в краткий отпуск; 6) Андроника, миссионерствует с честью в Индии.

Затем идут игумены, [...] ^a (целибаты), протоиереи. Все они с честью могли бы украсить «архиерейское сословие» и теперь, по крылатому выражению покойного м[итрополита] Антония, «засиделись в девицах», т.е. наподобие девиц, которым не удастся выйти замуж, и при таких условиях, посудите сами, можно ли присылать кандидатов со стороны, когда такое перепроизводство. Давно хотел написать об этом Вашему Святейшеству, а теперь [...] ^a. Впрочем, этих кандидатов в епископы я представляю отдельно, на особом листе, так что здесь я невольно вторюсь. Простите Христа ради.

В числе представленных есть достойнейший кандидат во всех отношениях — архим[андрит] Киприан (Керн) из рода близких к А.С.Пушкину. Он очень непримиримо относится к Сов[етской] власти и ко всему, что связано с ней. Конечно, об его посвящении можно говорить только после того, как он смягчит и изменит свое отношение к окружающим событиям.

Еще более я опасаясь линии, занятой карловчанами. М[итрополит] Серафим¹⁷ (карловацкий) — очень хитрый, лукавый и, главное, «лживый человек». Боюсь, что и в нашем деле он хитрит и придумывает какие-либо интриги и козни. Говорю об этом с болью в сердце и по горькому опыту, не лучше ли его взять на кафедру внутри России? Дай Бог, чтобы я ошибся, но у меня нет к нему доверия. Он часто нас обманывал и потом бесстыдно делал невинное лицо. В последний раз он солгал, когда сказал корреспонденту на его вопросы о нашем примирении: «А мы и не воевали». Как не воевали, когда тем только и занимались, что строили нам всякие козни, а на последнем съезде в Вене, организованном Гитлером, всячески поносили Русскую церковь, совершенно отвернулись от нее и себя провозгласили подлинной православной Русской церковью. Теперь я слышу, что м[итрополит] Анастасий переносит карловацкую резиденцию в нейтральную Швейцарию, откуда, конечно, удобнее всего вести борьбу. Повторяю, что я был бы очень рад ошибиться, но у меня дурное предчувствие. И так стар и болен, и так устал

^a Пропуск в тексте.

от этой бесконечной борьбы, что просто ее боюсь. Впрочем, чувствую, что жить мне осталось уже немного, но жаль нашу бедную Церковь. Когда они успокоятся?

Но, во всяком случае, приношу Вашему Святейшеству мою глубочайшую благодарность за присылку благовестников мира — Высокопреосвященного митрополита Николая с его спутниками. Он обаятельный человек и большой оратор. Он создал большой подъем в смысле устремления эмиграции к Матери-Церкви и к Родине. Дай Бог, чтобы это было прочно, ибо одновременно слышу змеиное шипение врагов нашего объединения. Но, может быть, это брюзжание больного старика, на которое не стоит обращать внимание. Наше посольство советское держало себя великолепно, оказывая всякие услуги.

Здоровье мое очень плохо. Небольшие усилия дают страшную усталость: сердце отказывается работать, я отношусь к этому спокойно: мне ведь 78-й год. И хочется повторить слова Петра Великого: мне жизнь не дорога, была бы жива Россия. И теперь я вижу, что она жива и будет жить славной жизнью. Слава и благодарение Господу. Теперь можно спокойно сказать: ныне отпускаеши раба Твоего с миром.

Прошу Ваших святых молитв, с глубоким уважением и преданностью Вашего Святейшества нижайший послушник

Митрополит *Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 131—131об. Машинписанная копия.

№ 15

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

10 сентября 1945 г.

Ваше Святейшество.

Се уже второе пишу Вам. Первое письмо было написано, когда владыко митрополит Николай был еще в Париже; но он так неожиданно уехал, что мы не могли даже проститься с ним, и потому я не успел передать ему своего письма; а теперь пишу второе, дополнительное.

Мне хочется сказать Вам, какое прекрасное, обаятельное впечатление он произвел на всех, так что в шутку я назвал его чародеем. Неожиданный и тайный отъезд его, к сожалению, лишил нас возможности закончить наши откровенные беседы с ним и над всем, как говорится, поставить точку над «i». Не подивитесь, что общий тон и первого письма несколько пессимистичен. Уж очень отравлено мое сердце недоверием за эти пережитые последние годы. [...] ^a не верится мне искренности карловчан после того, как они еще так недавно поносили Мать-Русскую Церковь. Разумеется, я первый буду радоваться, если мои предчувствия и прогнозы окажутся ошибочными. Так истосковалось сердце, оторванное от единства церковного. Поэтому, если Вам угодно со мной согла-

---

^a Пропуск в тексте.

ситься, спокойнее было бы дать м[итрополиту] Серафиму какую-либо епархию внутри России; а здесь, за границей, он не удержится от интриг, уж очень почва подходящая. Впрочем, время покажет. Только, пожалуйста, не думайте, что я говорю [...]а. Увы, мне кажется, скоро придется «в кровех Бога небесного водвориться». После отъезда московских гостей я сразу свалился в постель, и доселе еще меня не выпускают из комнаты. Старческое, больное сердце очень переутомилось. И с чего бы казалось. Но [...]а и такая, которая не поддается медицине. Но это ничего: довольно я нагрешил за свою 77-летнюю жизнь. Пора и честь знать.

В своем первом письме, когда я перечислял достойных кандидатов в епископы, я сознательно пропустил имя декана нашего Богословского института — celibата — протоиерея Зеньковского¹⁸. Это добрейший человек, и если я пропустил его имя, то это исключительно потому, что мне жаль его отрывать от института. Но если бы случилась такая комбинация, что он бы мог соединить свое епископство с ректорой^а, то лучшего кандидата, по моему мнению, трудно найти. Может быть, греховно так мыслить, но все же поведал Вам о своих сокровенных пожеланиях. Ведь владыко Иоанн уже в преклонных летах, на два года старше меня. Скоро и мне, и ему нужно сказать «ныне отпускаещи»; вот на этот случай преемником и по институту, и по всему Сергиевскому подворью был [бы] о[тец] В.Зеньковский; по своим взглядам и по характеру он мягкий, добрый и уживчивый человек.

Ну, теперь, кажется, обо всем сказано, хотя, конечно, жизнь каждый день приносит новые материалы, так что никогда всего не перескажешь. У нас ходят слухи, что месяца через 1 1/2 к нам снова придет м[итрополит] Николай. Что же, мы всегда рады дорогому гостю, да еще такому приятному.

А теперь, Святейший владыко, благословите меня своим первосвященительским благословением и помолитесь о Вашем недостойном послушнике, глубоко Вам преданном

Митрополит *Евлогий*¹⁹

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 132—132об. Машинописная копия.

№ 16

Митрополит Евлогий — Вселенскому патриарху Вениамину

Париж

1 октября 1945 г.

Ваше Святейшество,

считаю своим долгом, как экзарх русских православных церквей в Западной Европе под началом Вашего Святейшества, уведомить Вас о весьма важных событиях, только что совершившихся в нашей церковной жизни. Случилось то, что еще год тому назад было почти немислимо.

---

^а Так в тексте.

В ответ на мои письменные заявления о моем горячем желании восстановить прерванный в 1930 году мир с Московской патриархией, из Москвы к нам в Париж в конце сего августа прибыл полномочный представитель патриарха Московского и всея России Алексия, кир Николай, митрополит Крутицкий. Он объявил нам, что новый Московский патриарх кир Алексей, вместо прежних, тяготевших над нами с 1930 года прещений со стороны Московской патриархии, теперь просто и решительно раскрывает свои отеческие объятия и приглашает, предав забвению бывшие недоразумения и разделения, молитвенно канонически и административно вновь соединиться со своим родным патриархатом. На это великодушное и здоровое предложение мы, иерархи и духовенство всех трех разделенных между собой русских церковных организаций, ответили своим согласием. Быстрые согласительные переговоры увенчаны были совместным совершением всеми нами вместе с митрополитом Николаем торжественной литургии в кафедральном Парижском храме в воскресенье, 2-го сентября. При ликовании множества народа с высоты церковной кафедры полномочный благовестник Московского патриархата кир Николай объявил, что столь давно желанное воссоединение всех Западно-Европейских русских православных церквей с русским патриархатом отныне должно считаться состоявшимся.

Митрополит Николай дополнительно пояснил, что дальнейшее существование Западно-Европейских православных русских приходов мыслится Всероссийской патриархией в том же виде, как они существуют и теперь, т.е. в виде особого экзархата отныне уже Московского патриарха. Таков знаменательный факт, внезапно перевернувший новую историческую страницу в летописи церковного бытия нашей русской эмиграции. Самоочевидно, что это исключительное событие не может не быть следствием больших перемен к лучшему в положении Русской церкви внутри Советского государства. Переписка моя в 1930 году с митрополитом Сергием, тогдашним заместителем местоблюстителя патриаршего престола, теперь при перечитывании оставляет тягостное впечатление сплошного недоразумения двух лиц, живущих в совершенно разных мирах и разно оценивающих одни и те же предметы. Не было общего критерия, не было общего языка. В результате этого недоразумения указом временного патриаршего Синода в Москве от 10 июня 1930 года я был уволен от управления вверенными мне церквами в Западной Европе. Но вместе с тремя другими моими епископами, с Епархиальным советом и Епархиальным съездом 29-го июня 1930 года я не принял к исполнению несправедливого указа. После двух бесплодных ходатайств перед митрополитом Сергием от 26-го июля и 9-го декабря 1930 г. об отмене указа, я на Парижском совещании со своими епископами 28-го января 1931 года решил апеллировать к суду кафедры Вселенского патриарха в лице Вашего предшественника блаженной памяти Фотия II. Я лично отправился к кир Фотию в Истамбул и получил от него достопамятную грамоту 17-го февраля 1931 года, учредившую под моим возглавлением временно «особую экзархию Святейшего патриаршего Вселенского престола на территории Европы, непосредственно от него зависимую, под его покровительством находящуюся и в церковном

отношении, где нужно, им руководимую». Это был воистину благотворительный акт, давший нашим церквям непоколебимую каноническую базу и пятнадцать лет мирного спокойного развития.

Мудрость и широта этого акта состоят в том, что он сохранил нашу самостоятельность в исключительных условиях русской диаспоры: «чтобы, — как значится в этом акте, — все русские православные приходы в Европе, сохраняя неизменной и неумаленной доселе существующую свою самостоятельность, как особой русской православной организации, свободно управляли своими делами». За исключением специального вопроса о новых епископских хиротониях, зависевшего от Вселенского престола, во всем остальном течение нашей церковной жизни мы, под высшим покровительством Вашего Святейшего престола, чувствовали себя совершенно свободными строителями своего родного дома, своей духовной родины — нашей Святой Православной церкви. Это свободное строительство, будучи бесспорным благом само по себе, для нас является сугубым благом еще потому, что мы уже почти три десятилетия лишены своей физической родины, и здесь, в вынужденном изгнании, нам заменяет ее наша Церковь с ее традиционными национальными бытовыми формами. Чуждые окружающему нас иностранному и иноверному миру, мы укрепляемся духовно и сохраняемся национально около наших святых алтарей в наших убогих, но милых нашему сердцу, православных храмах, часто нашими руками построенных. Лишенные гражданства в окружающем мире, «апатриды» и «беженцы», мы здесь в церквях своих полноправные хозяева, мы здесь у себя дома. Так точно эллинский народ в мрачные столетия мусульманского ига сохранил свою христианскую душу и свой гениальный язык в своих бедных храмах. Покойный митрополит Афинский Хрисостом (Попадопуло) сказал греческому протоиерею русского храма на улице Филэллинон о[тцу] И.Карибису: « не вводите греческих порядков, оставьте русским беженцам их свое, привычное, русское, ведь это все, что у них осталось от потерянной родины». И за эту, полную христианской любви и мудрости, отеческой ласки, подлинную заботу о нашей эмигрантской душе, «скорбящей же и озлобленной», мы сохраняем в нашем сердце до гроба и завещаем грядущим поколениям и нашу взаимную благодарную признательность, и теплую молитву о вечном покое души Высокопреосвященнейшего и благородного Эллинского иерарха.

Такой же благодарной признательностью освещаются в наших глазах и протекшие пятнадцать лет канонического протекторства Святейшего Вселенского престола за то же самое благо нашего внутреннего церковного самоуправления. Это были годы благословенного канонического покоя, ничем не нарушаемого со стороны Вашего Святейшества. Когда в 1936 году группа наших братьев, беженских епископов в Югославии, пыталась оторвать нас от связи с Вселенским престолом под предлогом примирения всех разделившихся ветвей заграничной русской церкви в лучшем устройстве объединенного верховного, по существу, автокефального органа управления, то покойный Вселенский патриарх Фотий великодушно благословил меня, своего экзарха, поехать в Югославию на Собор русских епископов и попытаться достигнуть правед-

ного примирения и братского канонического единства между нами, и даже сам от себя направил к ним увещательное послание. Но это великодушное не привело к миру. Задние мысли, положенные в основу проекта централистического и канонически незаконного верховного (автокефального) органа церковной власти не приняты были мной, по единодушному суждению моего епископского совещания и епархиального собрания, которые усмотрели для себя единую верную опору для ограждения дорогих им прав свободного местного самоуправления в лоне экзархата Вселенского Престола, что Вы лично, Ваше Святейшество, как преемник в Бозе почившего кир Фотия II и одобрили, и вновь подтвердили Вашей благословенной грамотой от 23-го января 1937 года. Вы писали тогда нам: «И пусть будут все убеждены, что это решение от лица экзархата, с должным охранением прав, данных ему Матерью-Русской Церковью, а затем подтвержденных авторитетом нашей Матери-Великой Христовой Церкви, доказывает вообще мудрость взгляда и решения совокупности благочестивого народа патриаршего экзархата, как в отношении к чтимому каноническому порядку Святой Православной Церкви, так и в отношении к настоящему общему бедствию Святой Русской Церкви, и это решение когда-нибудь заслужит особое одобрение его Церковью».

Последние процитированные слова грамоты Вашего Святейшества мы готовы признать, в свете опыта переживаемого момента, положительно прозорливыми. Оглядываясь на прожитое пятнадцатилетие нашего экзархата, мы убеждаемся по каждому новому поводу, какой надежной оградой от анархии и утраты мирного порядка и духовной свободы служит нам канонически безупречное основание покровительства Вселенского Архипастыря. От всех опасностей мы всегда были ограждены отеческим омофором Вашего Святейшества.

Горький опыт изгнания и церковного устройства за пределами нашего отечества открыл нам глаза и на мудрый смысл распространительного Эллинского толкования 28 правила Халкидонского собора о правах Вселенской кафедры опекать всех чад православной церкви, по тем или иным причинам длительно обитающим вне пределов своих автокефальных церквей на территориях, исторически обладаемых иными вероисповеданиями. Мы, живя на территории Западной Европы, исконно принадлежащей патриарху Древнего Рима, но не принадлежа к последнему церковно, тем самым оказываемся в расширенном круге присущих Вам, как Архиепископу Нового Рима, прав — иметь попечение о всем православии на этой территории. В сем смысле, пребывая в Западной Европе, мы оказываемся объективно гостями Вашего Вселенского патриархата, а потому должны и субъективно признать эти Ваши права и гармонически сочетать их с естественной принадлежностью к нашей национальной автокефальной церкви. Подобным же образом наши русские эмигрантские приходы в Северной Африке (Тунисе, Алжире и Марокко) являются гостями на традиционных территориях Александрийского патриарха и посему испрашивают у него благословения на свое устройство. Таким образом, в нашем статуте, как временной русской

экзархии Вселенского патриархата, есть кроме временного и постоянный, пребывающий и неотменяемый канонический элемент. Это неотчуждаемость отеческого и иерархического права Вселенского Престола почитать всех православных вообще и нас, русских членов особого экзархата, в частности, всегда своими духовными чадами, пока мы обитаем на территории Западной Европы. Из сего вытекает наше нижеследующее практическое ходатайство перед Вашим Святейшеством.

Наше воссоединение с административным организмом Московского патриархата и каноническое подчинение ему отныне предreshено. Но формы нашего подчинения, управления и дальнейших при этом взаимоотношений со вселенским Престолом еще не выяснены. Само собой разумеется, что патриарх Московский кир Алексей не замедлит вести по сему предмету с Вашим Святейшеством надлежащие переговоры. Всем этим указывается срок окончания действия статута нашего экзархата, во всей его настоящей полноте, особыми актами Вселенского Престола и Московского патриархата.

Не смея как бы то ни было предreshать условий этого радостного воссоединения, мы питаем надежду, что Мать-Вселенская Церковь отпустит нас на новый путь с той же попечительной любовью, с какой она некогда приняла нас под свой омофор. В своем обращении к Матери-Русской Церкви мы также не считали возможным писать о каких-либо условиях нашего воссоединения, как это видно из прилагаемого обращения:

«Сыновне просим покрыть любовью наше разобщение с Матерью Русской Церковью, принять нас с нашими приходами под Вашу отеческую руку в каноническое объединение со всей Русской Церковью. При сем прилагаем краткий проект управления европейскими приходами на решение Вашего Святейшества:

I. Зарубежная Русская Церковь, находящаяся в управлении митрополита Евлогия и в высшем каноническом ведении Вселенского патриарха, с благословения его, снова входит в непосредственное управление патриарха Московского и всея России, составляя нераздельную часть Единой Православной Русской Церкви.

II. Зарубежные приходы, составляющие нераздельную часть Единой Русской Церкви, составляют особое объединение или экзархат Московского патриархата, который, с его благословения, пользуется некоторой самостоятельностью в своих внутренних церковных делах.

III. Экзарх представляет патриарху кандидатов для назначения викариальных епископов в пределах своего экзархата и с его благословения рукополагает их.

IV. По окончании каждого года экзарх обязуется представлять патриарху подробный отчет по всем сторонам церковной жизни своего экзархата».

И в том, и в другом случае не на букву статута мы возлагаем свои упования, а на силу животворной любви, которая едина все творит и созидает.

Призывая на себя, весь свой клир и паству благословение Вселенского Престола, остаемся со всем своим клиром и паствой смиренные послушники Вашего Святейшества.

Митрополит православных русских церквей
в Западной Европе *Евлогий*

Экзарх Вселенского патриарха Архиепископ *Владимир*
Епископ *Иоанн*

Копия верна:

П[атриарх] *Алексий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 133—136. Машинописная копия.

№ 17

Митрополит Евлогий — митрополиту Сергию²⁰

№ 616

14 декабря 1945 г.

*Его Преосвященству Преосвященнейшему епископу Сергию,
Управляющему русскими православными церквами
в Чехословакии, Австрии и Венгрии*

Ввиду возможных затруднений и неожиданных вопросов, которые могут возникнуть в связи с воссоединением Западно-Европейского русского экзархата с Матерью-Русской Церковью, считаю необходимым сделать следующее разъяснение. Окончательным днем нашего воссоединения надо считать 7-е сентября. День заседания Священного Синода Московской патриархии, когда Синод под председательством патриарха Алексия постановил: «Сохранить на будущее время экзархат Западно-европейских церквей в существующих его границах во главе с митрополитом Евлогием как экзарха Московской патриархии, на основаниях, изложенных в соответствующем Положении об управлении этими церквами».

Хотя в Указе Святейшего патриарха Московского и всея Руси от 7-го сентября с/г за № 1171 ничего не говорится о Вашем Преосвященстве и о управляемых Вами приходах, но, как мой викарий, Вы, естественно, вместе со всеми управляемыми Вами церквами продолжаете входить в экзархат после его соединения с Московской патриархией.

Что касается «Положения о Западно-Европейском экзархате», посланным из Москвы 29-го сентября 1945 года за № 1252 (само Положение не имело ни номера, ни даты), [то в нем] прямо говорится: «Пункт 2. Зарубежные русские приходы (в границах нынешнего управления митрополита Евлогия) составляют особое объединение или экзархат Московской патриархии». Пункт 5: «При митрополите Западно-Европейских церквей Евлогие в качестве викариев в настоящее время состоят: преосвященные архиепископы Владимир и Александр и преосвященные епископы Сергей и Иоанн».

Из всего вышеизложенного следует, что еще 7-го сентября произошло соединение всего Западно-Европейского экзархата, не исключая и церквей, Вами управляемых, с Московской патриархией, а потому все

русские приходы, бывшие раньше в управлении Вашем, как моего викарія, и впредь должны оставаться в Вашем же управлении, а, следовательно, всякое назначение в эти приходы должно производиться не иначе, как с Вашего разрешения, и за Вами сохраняется высшее наблюдение и руководство этими приходами.

Копия сего разъяснения одновременно с сим посылается с соответствующим объяснением Святейшему патриарху Московскому и всея Руси.

Подлинное подписал:

Митрополит *Евлогий*

С подлинным верно:

Секретарь Епархиального
управления игумен^а

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 208. Машинописная копия.

№ 18

В.Г.Деканозов — Г.Г.Карпову

№ 1570 /1 Евр.

25 декабря 1945 г.

*Председателю Совета по делам Русской православной
церкви при СНК СССР тов. Г.Г.Карпову*

По сообщению нашего посла в Париже тов. Богомолова А.Е., ближайшей почтой он направит Вам письмо митрополита Серафима к патриарху Алексию по поводу карловацкого архиепископа Анастасия, который организовал свой Синод в Швейцарии и занимается сколачиванием православных приходов в Европе на платформе борьбы с советской властью и Московской патриархией. Серафим прилагает при своем письме антисоветское обращение Анастасия к заграничным православным.

Тов. Богомолов отмечает при этом, что деятельность Анастасия опирается на поддержку англичан и американцев и, следовательно, имеет прочную материальную базу.

Далее тов. Богомолов сообщает, что Евлогий тяжело болен. В эмигрантской церкви массы верующих самостоятельны. Успехи митрополита Николая Крутицкого вовсе не закреплены и могут быть легко разрушены. Тов. Богомолов считает, что следует поспешить с присылкой в Париж постоянных представителей Московской патриархии и закрепить первоначальные успехи Николая, иначе англо-американцы захватят заграничные православные организации в свои руки и обратят их в орудие борьбы против нас.

Сообщается для Вашего сведения.

Заместитель Народного комиссара
иностраннх дел СССР *В.Деканозов*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 65. Л. 452. Подлинник. Машинопись.

^а Подпись неразборчива.

№ 19

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

*Париж**26 декабря 1945 г.**Его Святейшеству Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси*

Ваше Святейшество,

от всей души приветствую Вас с наступающим праздником Рождества Христова и с Новолетием. Да воссияет свет Христов разума, да озарит этим светом Великую страну нашу Российскую и да научит все народы Российского Союза кланяться солнцу Правды на спасение не только земли Российской, но и всему миру.

Обстоятельства побуждают меня обратиться к Вашему Святейшеству с нижеследующим. Я уже долгое время серьезно болен и уже четыре месяца, как не могу служить. Мое здоровье сразу сломалось после отъезда из Парижа делегации Вашего Святейшества. Слава Богу, что успел совершить то святое дело, ради которого я столько трудился, но, к сожалению, не могу должным образом руководить этим делом и направлять его. Самым естественным кандидатом явился бы для продолжения этого святого дела Высокопреосвященнейший архиепископ Владимир. Другой кандидат — митрополит Серафим (Лукиянов), но мы его мало знаем, теперь он воссоединен с нами, но это произошло недавно, а раньше он был в враждебном лагере. Других кандидатов я не знаю.

Конечно, болезнь моя мешает в организации этого великого дела и возможны вокруг него разные кривотолки, с которыми я не в силах бороться. Однако, я совещался об этом с моими викариями, и они пришли к единогласному мнению, что мне не следует уходить. Может быть, Господь даст мне выздоровление. Моя болезнь называется «аритмия», т.е. нарушение правильного сердцебиения, это очень длительно.

Я знаю, как трудно переживается всякая перемена, особенно на таком высоком посту, который я занимаю. Однако, оставаясь на своем посту, я все-таки настолько обладаю силами, что могу следить за общим направлением церковной жизни, а, может быть, Господь пошлет мне излечение или исцеление от этого недуга. В настоящее время меня беспокоит положение приходов моего экзархата в Бельгии и Германии.

Преосвященнейший архиепископ Александр, не имея возможности выехать из Германии, желает оставить за собой управление в той и другой стране, что, очевидно, очень неудобно и бесполезно для церкви, поэтому я полагаю, что архиепископ Александр должен остаться Управляющим германскими приходами, а об управлении приходами в Бельгии надо иметь особую заботу. В этом отношении для управления этими приходами наиболее подходящим может явиться член Епархиального совета архимандрит Никон (Гревс)²¹, 18 лет состоящий в священном сане (с 1927 года) в моем экзархате и 10 лет в сане архимандрита; и столько же лет членом Епархиального совета по выборам. Он несколько раз исполнял разные трудные мои церковные поручения с пользой для Церкви. Недавно я посылал его для устройства церковных дел в Бель-

гию, что он исполнял с большой распорядительностью, а потому и назначаю его управляющим приходами в Бельгии, находящимися в моем экзархате, и вместе с сим почтительнейше ходатайствую пред Вашим Святейшеством о возведении его в сан епископа, чего он вполне заслуживает по своим нравственным качествам и по своей разнообразной церковной деятельности. Это было бы достойнейшей наградой за все его труды на благо Св[ятой] церкви.

С другой стороны, это нужно и для блага Церкви. Бельгийская паства уже привыкла, чтобы во главе ее стоял священнослужитель в сане епископа, и в настоящее время со стороны митрополита Анастасия (карловацкого) туда направляется епископ Серафим (Иванов). Для соблюдения нравственного достоинства нужно, чтобы во главе нашей паствы стоял епископ. Если последует на это согласие Вашего Святейшества, я просил бы дать новому епископу титул «Сергиевский» по имени города Сергиева (около Сергиевской Лавры), с которой он духовно связан. В виду особой важности и спешности этого дела, покорнейше прошу о своем согласии ответить телеграммой.

В остальных приходах экзархата, по-видимому, церковная жизнь протекает спокойно, и церковное объединение все укрепляется.

Испрашивая первосвятительских молитв и благословения, имею честь быть Вашего Святейшества смиренный послушник

Митрополит, экзарх патриарха
Московского и всея Руси *Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 17—18. Машинописная копия.

№ 20

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

№ 4 / МП

4 января 1946 г.

*Его Святейшеству Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси Ваше Святейшество*

Я получил Указ из Московской патриархии о назначении Преосвященного архиепископа Александра (Брюссельского и Бельгийского)²² управляющим вверенными мне православными приходами в Германии на правах моего викария, и одновременно за ним оставлено управление приходами в Бельгии.

Простите Христа ради, но я нахожу такое совмещение неполезным для Церкви Божией, о чем я и писал архиепископу Александру, что Бельгия требует самостоятельного управляющего-настоятеля, живущего на месте и притом в сане епископа, которого она так долго не имела со времени ареста архиепископа Александра. Владыка Александр не в состоянии справиться с приходами этих двух областей, потому что он не отличается большим административным опытом и потому что это дело очень трудное.

Из Указа я усмотрел, что и в одной Германии он недостаточно справляется с указанными приходами. Я увидел там множество неизвестного мне духовенства, приписанного к этим приходам. Очевидно, Вашему Святейшеству представлены не совсем ясные сведения. Берлинский клир, к счастью, остался на месте, убежал только один архимандрит Иоанн (Шаховской)²³, а два других священнослужителя: протоиерей Сергей Положенский и священник Михаил Радзюк — мужественно остались на своих местах. Теперь же к Берлинским церквям приписаны какие-то неведомые мне священнослужители, о которых ничего мне не писал архиепископ Александр, что он должен был сделать по долгу службы и по существу. Я не знаю, что мы будем делать с этими священнослужителями. Я нарочито не давал им официального положения, чтобы не брать на себя за их судьбу ответственности. Пока они были в таком положении, они не имели права претендовать на него и должны были искать себе работу. Теперь мы взяли за них на себя нравственное обязательство. Как мы будем исполнять это обязательство? В Россию, вероятно, их не пустят, так как они бежали от Красной Армии, а здесь, за границей, у нас нет ни одного свободного прихода. Преосвященный Александр, допустив их в состав своего клира, не подумал, как их устроить. Таким образом, ему трудно управлять одними германскими приходами, и если к ним присоединить еще Бельгию, то положение окажется еще более затруднительным. Вот почему я очень просил для бельгийских приходов иметь особого настоятеля в епископском сане, к которому привыкла бельгийская паства и это, тем более, что по достоверным слухам митрополит Анастасий назначает в Бельгию особого настоятеля епископа Серафима (Иванова)²⁴, человека довольно фанатичного, и наша паства лишена будет епископа-настоятеля, которого она имела много лет во все время, до заключения архиепископа Александра.

Это очень печально отразится на психологии народа и вообще на положении церковных дел, поэтому я вновь усиленно прошу Ваше Святейшество исполнить мое ходатайство и оставить архиепископа Александра только с одними германскими приходами, а в Бельгию назначить архимандрита Никона, о чем я ходатайствовал перед Вашим Святейшеством 26-го декабря 1945 года. Это мое ходатайство диктуется нуждами нашей церкви в Бельгии. Если туда не приедет епископ-настоятель, это внесет большое разочарование в настроения прихожан. По долгу архипастыря я изложил свою точку зрения на положение церковных дел в Бельгии и Германии, предоставляя окончательное решение на суд Вашего Святейшества.

Испрашивая первосвятительских молитв Ваших и благословения, имею честь быть Вашего Святейшества смиренный послушник

Экзарх патриарха Московского и всея Руси,
управляющий православными
русскими церквями в Европе *Евлогий*

№ 21

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

№ 7 / МП

4 января 1946 г.

*Его Святейшеству Святейшему Алексию,
патриарху Московскому и всея Руси*

Я получил Указ Вашего Святейшества от 31-го октября 1945 года, из которого узнал о воссоединении с Матерью-Церковью русских приходов в Финляндии. Радуюсь нашею общею радостью, особенно за наши славные обители Валаамскую и Коневецкую, которые в любви Христовой объединились в лоне Матери нашей Русской православной церкви.

Долгом считаю донести вашему Святейшеству, что 21-го ноября 1945 года мною послана Высокопреосвященнейшему митрополиту Григорию Ленинградскому и Новгородскому обращение с просьбой взять находящиеся в моем ведении финляндские приходы в его непосредственное управление, так как дальность расстояния и трудность сообщения затрудняют управление этими приходами из Парижа, и, может быть, даже дает неверное представление о положении там церковных дел. Так, например, с удивлением узнал о награждении протоиерея Виктора Крохина митрою, хотя он много беспокойства причинил приходу своим индифферентным и довольно небрежным отношением к делу. Не входя в обсуждение этих дел по существу, я просил митрополита Григория испросить благословения Вашего Святейшества об освобождении меня от этих приходов, и теперь повторяю это ходатайство непосредственно пред Вашим Святейшеством.

Испрашивая первосвятительских молитв Ваших и благословения, имею честь быть Вашего Святейшества смиренный послушник

*Экзарх патриарха Московского и всея Руси,
управляющий православными русскими
приходами в Европе Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 15. Машинописная копия.

№ 22

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

13 марта 1946 г.

*Его Святейшеству Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси*

Ваше Святейшество

Дни Святой Четыредесятницы в Православной церкви являются по преимуществу днями молитвы и покаяния, и я обращаюсь к Вашему

Святейшеству с этими чувствами и не только в общехристианском смысле, но и в особенном смысле. Как-то случилось, что я оказался как бы в некотором противлении Вашему Святейшеству, чего у меня никогда, конечно, и в мыслях не было. Дело касается пресловутых приходов в Германии и Бельгии. Я уже давно неоднократно высказывал Преосвященному Александру, что я не сочувствую тому, чтобы управление этими приходами в двух странах было сосредоточено в одном лице, чтобы управляющий этими приходами сидел на двух стульях, но он, не внимая моим указаниям, поступил как раз наоборот. Через Ваших представителей из Москвы, он закрепил свое положение и стал распоряжаться довольно самостоятельно. Я был болен и для бельгийских приходов назначил архимандрита Никона, посвятив его, с Вашего благословения, во епископа.

Таким образом, получилось, что на этих приходах оказалось два епископа — архиепископ Александр, которого я утвердил как епископа для германских приходов, и епископ Никон, которого я назначил управлять бельгийскими приходами. Получилось какое-то вредное для дела двоевластие. Два епископа оказались на одном и том же месте.

Мне непонятно, почему архиепископ Александр не хочет воспользоваться моим предложением и занять одно из двух предложенных ему викариатств — или в Бельгии, где он был до войны, или в Германии, где он обосновался во время войны. Почему он домогается «сидеть на двух стульях»? Я повторяю, что я лично не заинтересован в этом деле. Но меня возмущает, что в этом деле скрывается интрига некоего близкого к архиепископу Александру нехорошего человека К.Н. Думбадзе, который пользуется очень дурной репутацией, но очень близок к архиепископу Александру и очень влияет на церковные дела. Я устранил его от дела, зная отрицательное отношение к нему бельгийской паствы. Теперь он снова старается вернуть свое вредное влияние. Может быть, мне надо совсем уйти от управления. Я уже стар и, может быть, мне пора уйти за штат и этим распутать все дело, но мне жаль бросать приходы, над которыми я так много трудился и которые я привел, могу сказать, в надлежащий порядок.

Я думаю, может быть, подождать до праздника Пасхи-Воскресения Христова, если я не поправлюсь до того времени, то можно будет думать об отставке, продолжать так долго бездеятельное состояние считаю вредным и невозможным.

Предоставляю это дело на мудрое усмотрение Вашего Святейшества. Если признаете нужным и полезным для Церкви мое увольнение, я не буду возражать, тем более, что болезненное состояние моего здоровья очень затянулось. Если же считаете нужным оставить меня на некоторое время на действительной службе, я буду Вам очень благодарен. Представляю все это на Ваше мудрое усмотрение.

Должен сказать, что мой уход произведет очень удручающее впечатление на мою паству, с которой я четверть века трудился по мере моих сил и с которой у меня сложились прочные и очень добрые взаимные отношения. Но, да будет во всем воля Господня. Я полагал бы, если я

останусь на службе, уничтожить это двоевластие. Я предлагал архиепископу Александру на выбор: или остаться в Бельгии, или взять приходы в Германии, а бельгийские передать другому лицу, но, к сожалению, он ничего на это не отвечает. Я думаю, что неясность и неопределенность создавшегося положения будет распутана тем или другим образом Вашим мудрым решением. Если позволите сказать мое скромное мнение, я полагал бы не делать большой ломки в приходах, а оставить так, что архиепископ Александр будет управлять германскими приходами, а епископ Никон — бельгийскими или наоборот.

В ожидании Вашего мудрого решения остаюсь с глубоким уважением и преданностью

Евлогий

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 47—48. Машинописная копия.

№ 23

Митрополит Евлогий — патриарху Алексию

Париж

25 марта 1946 г.

*Его Святейшеству Святейшему Алексию,
патриарху Московскому и всея Руси*

Ваше Святейшество

Мне кажется, что мое предыдущее письмо, касающееся вопросов о двух епископах в приходах Бельгии и Германии, возглавляемых архиепископом Александром, должно было оставить у Вас неприятное впечатление, но вот сегодня я получил письмо от новопоставленного епископа Никона, которое я считаю долгом представить Вашему Святейшеству. Из него видно, что дело это опутано разными интригами, направленными к тому, чтобы отторгнуть от моего ведения приходы в Бельгии и Германии. Сначала думал, что эту интригу ведет сам архиепископ Александр, теперь же я убедился, что он сам является жертвой этой интриги и что в центре ее стоит недостойный человек К.Н.Думбадзе, а сам архиепископ Александр является не более как жертвой или, вернее, орудием этой интриги.

Я лично не заинтересован в этом вопросе, потому что считаю себя настолько больным и старым, что мне пора уходить на покой. Но мне больно видеть, как на почве церковной развиваются интриги недостойных людей.

К сожалению, посланные Вами делегаты в Германию не были ознакомлены с этим делом, а потому сами невольно сделались жертвами той же интриги. Если дать возможность развиваться им, то это ничего доброго не предвещает, особенно, если агитаторами будут являться такие недостойные люди, как Думбадзе, от которых нельзя ожидать ничего хорошего. Вот почему я хотел всячески отстранить Думбадзе от участия в церковных делах. К сожалению, не успел довести этого до конца. Те-

перь, с расширением деятельности архиепископа Александра, ему открываются широкие перспективы, и было бы очень печально видеть часть епархии во власти такого человека, как Думбадзе. Поэтому единственный выход из создавшегося положения, по моему крайнему разумению, заключается в том, чтобы вернуться к прежнему состоянию, то есть для германских приходов можно оставить архиепископа Александра, а для Бельгии должен быть свой особый епископ, не связанный с Думбадзе. Это требует моральный авторитет церкви, чтобы она не находилась ни в каком смысле под влиянием этого недостойного человека. Но едва ли архиепископу Александру удастся освободиться от его влияния, о чем можно всячески только пожалеть.

При сем прилагаю в подлиннике письмо епископа Никона, который пред этим был послан мною в Бельгию для исследования там всех церковных дел и которому я имею основание всецело доверять. Все изложенное представляю на милостивое и мудрое решение Вашего Святейшества.

Испрашивая первосвятительских молитв и благословения, имею честь быть вашего Святейшества смиренный послушник

Митрополит, экзарх патриарха
Московского и всея Руси *Евлогий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 54—54об. Машинописная копия.

№ 24

Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского Григория патриарху Алексию о поездке во Францию

26 августа 1946 г.

Имею честь почтительнейше донести Вашему Святейшеству о результатах поездки в Париж командированной Вами делегации Московской патриархии на похороны скончавшегося 8 сего августа митрополита Евлогия, экзарха Зап[адно]-Европейских православных русских приходов.

Делегация в составе митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, архиепископа Орловского и Брянского Фотия, секретаря патриархии Л.Н.Парийского и секретаря иностранного отдела патриархии С.И.Филиппова была в Париже с 10 по 22 августа с.г., после чего митрополит Григорий и Л.Н.Парийский возвратились обратно, а архиепископ Фотий и С.И.Филиппов остались в Париже.

Отпевание м[итрополита] Евлогия было совершено 12 августа в Александро-Невском соборе г. Парижа шестью архиереями при участии многочисленного духовенства (до 40 чел[овек]). Погребение совершено на русском кладбище св[ятой] Женевьевы в окрестностях Парижа.

По приезде в Париж делегация застала такое положение: исполнение обязанностей экзарха принял на себя архиеп[ископ] Владимир (Тихоницкий), ссылаясь на завещание митр[ополита] Евлогия, написанное,

как выяснилось, еще в 1943 году, т.е. до воссоединения м[итрополита] Евлогия с Моск[овской] патриархией²⁵. В то же время в церковных кругах все время широко шли разговоры о наличии двойной юрисдикции в отношении Вселенского патриарха и Московского.

После 2 сентября 1945 г., когда совершилось воссоединение м[итрополита] Евлогия и зап[адно-]европ[ейских] приходов с Моск[овской] патриархией, все время ожидалось получение отпускной грамоты от Вселенского патриарха, т.к. при воссоединении говорилось о состоявшейся будто бы договоренности об этом между патриархами Вселенским и Московским. Однако грамоты этой не получалось. Некоторые же лица, главным образом из недр Правосл[авного] Серг[иевского] Богосл[овского] института в Париже, по мотивам совсем не церковного характера, сначала скрытного, а потом все более открытого, высказывали свои симпатии к юрисдикции Вселенского патриарха, отдаленность которого и ничем не проявленная заинтересованность положением давала им полный простор для проявления своеволия.

12 августа я вручил Указ Вашего Святейшества митрополиту Серафиму (Лукиянову) о назначении его экзархом на место почившего м[итрополита] Евлогия. 14 августа я вручил копию этого Указа архиеп[ископу] Владимиру. В тот же день текст Указа и телеграммы Вашего Святейшества патриарху Максиму появились и в местной прессе: «Русские новости» (№ 66) и в «Советском патриоте» (№ 95).

Принимая от меня копию Указа, архиеп[ископ] Владимир заявил, что может принять его только к сведению, но не к исполнению, поскольку нет еще отпускной грамоты от Вселенск[ого] патриарха.

Созванный архиеп[ископом] Владимиром Епархиальный совет (в состав которого входят лица, настроенные оппозиционно в отношении воссоединения с Моск[овской] патриархией — проф[ессор] Карташев²⁶, ген[ерал] Тихменев, архимандрит Савва Шимкевич, прот[оиерей] Гр. Ломако) сразу принял энергичные меры к оповещению всех настоятелей приходов относительно принятой (под их настойчивым влиянием) архиеп[ископом] Владимиром линии поведения, разослал указы об этом, и созвал пастырское собрание 15 августа, на котором, впрочем, не удалось провести единодушного решения, т.к. около половины собрания решительно высказалось за подчинение Московскому патриарху.

По взаимному совещанию с делегацией м[итрополит] Серафим со своей стороны издал послание к пастве и указ о своем вступлении в управление экзархатом. Верные Моск[овскому] патриарху священники выразили свое подчинение м[итрополиту] Серафиму. Предположен был по просьбам духовенства созыв пастырского собрания с участием делегации, но архиеп[ископ] Владимир не разрешил воспользоваться для этого собором, заявив, что только он вправе созвать пастырское собрание.

Смушение, вызванное упорной линией поведения архиеп[ископа] Владимира и его окружения, отразилось в большом числе посещений меня и архиеп[ископа] Фотия разными лицами духовенства и мирян, выражавшими полное подчинение Вашему Святейшеству.

Газеты «Русские новости» и «Советский патриот» поместили ряд статей и заметок, правдиво освещавших создавшееся положение и разо-

блажавших пристрастное освещение этого противной стороной. Редакторы этих газет заявили мне, что и в дальнейшем они твердо будут стоять за наше правое дело. Совет общества «Сов[етский] патриот» заявил о намерении принять меры к правильному освещению положения по приходам всей Франции, где у него имеется до 70 отделов.

В таком положении осталось дело при нашем отъезде из Парижа 23 августа.

17 августа в Париж прибыл из Берлина архиеп[ископ] Александр (Немоловский) и сразу примкнул к архиеп[ископу] Владимиру и его группе. При посещении меня он все время старался оправдать свое поведение психологическими причинами — прежним покровительственным к нему отношением Константинопольских патриархов, и потому высказывался за необходимость ожидать отпусковой грамоты от Вселенского патриарха.

К этому необходимо добавить, что от патриарха Максима за все это время не было получено в Париже никаких сведений, хотя оппозиционной группой и принимались меры к переговорам по телефону.

Во время пребывания в Париже мной с архиепископом Фотием были совершены служения, кроме Александро-Невского собора, еще в церкви Трех Святителей и в Знаменской, где неоднократно я беседовал с паствой по текущим церковным событиям. О положении Русской церкви я дал интервью сотруднику «Русские новости» (см. № 66). Делегация также посетила православные церкви западного обряда у о[тца] Е.Ковалевского и о[тца] Д.Шамбо и небольшой храм о[тца] М.Бельского. О положении и нуждах церковью запад[ного] обряда мной представляются от них особые ходатайства, удовлетворение которых было бы весьма желательно.

22 августа со мной имели беседу два представителя Англиканской церкви — заведующий иностранным отделом Англиканск[ой] церкви свящ[енник] Водемс и секретарь братства св[ятых] Албания и Сергия в Лондоне свящ[енник] Дж. Финлоу. М.Водемс сообщил: 1) что Англиканская церковь через своего епископа посылала живущим в Иерусалиме русским голодающим монахиням денежную помощь без различия их ориентации; 2) что в виду трудности сбора средств в Англии Англиканская ц[ерков]ь может продолжать давать пособие Сергиев[скому] Богосл[овскому] Ин[ститу]ту в Париже только до конца 1947 года; 3) что Англиканская ц[ерков]ь не имеет никакого отношения к англ[ийской] прессе и сама возмущается некоторыми ее статьями в отношении церковных вопросов; 4) что для укрепления дружественных отношений с Русской православной церковью было бы желательно возможно более частое взаимообщение делегациями (даже неофициальными); 5) что в 1948 г. в Лондоне состоится очередной Ламбетский всеанглийский собор епископов всего мира (чел[овек] 300—400), на который будут приглашены представители и всех православных церквей, и, наконец, 6) не официально, а лично Водемс сообщил, что в британской и американской зонах мало сведений о положении православных в Германии, что было бы желательно, чтобы экзарх давал такие сведения находящимся в

британской зоне английским уполномоченным офицерам; что арх[иепископу] Александру трудно ездить самому везде; что было бы лучше, если бы организовалась там самостоятельная православная община (он указал на наличие в Мюнхене свящ[енника] Киселева); что он дал совет английскому уполномоченному иметь контакт с экзархом и (особенно осторожно) не давать митр[ополиту] Анастасию широко распространять свое влияние по всей Германии; что вообще «надо осторожно сделать экзамен в отношении зон, особенно американской». Наконец, Водемс выразил восторг по поводу намерения Вашего Святейшества послать м[итрополиту] Анастасию своих представителей.

По вопросу о положении церковных дел в Германии и особенно в Швейцарии считаю долгом доложить сведения, полученные мной от посетившей меня г[оспо]жи Волконской К.Г. (урожд[енной] Петкевич), только что приехавшей из Женевы. По ее сообщениям м[итрополит] Анастасий настроен непримиримо. Слухи об его желании примирения, по-видимому, исходят от г[осподи]на Андерса, связанного с экуменическим движением, работающего в Париже в ИНКИ, действующего вместе с американцами, лично очень примирительно настроенного. Главное значение там имеет еп[ископ] Серафим (Иванов), за ним стоит политическая организация Лига Обер'а (сотрудника Ладыженского). Когда м[итрополит] Серафим²⁷ соединился с Моск[овской] патриархией, то его Кресто-Воздв[иженская] церковь отошла от него и соединилась с еп[ископом] Виталием (в Америке — анастасиевцем), наст[оятель] храма в Женеве о[тец] Леонтий Варташевич (молодой, 35 лет, малокультурный, получивший образование в Югославии), человек слабый, хотел примириться с Моск[овской] патриархией, но м[итрополит] Анастасий возвел его в сан архимандрита и этим удержал его у себя.

В Женеве имеется небольшая патриаршеская группа, но она не смеет высказываться, т.к. на стороне м[итрополита] Анастасия даже полиция: глава полиции заявил, что за публичные высказывания против м[итрополита] Анастасия можно получить месячное заключение в тюрьме. Православная группа там лишена храма. Было бы желательно, если бы там создалось патриаршее представительство.

Экуменический совет хотел бы, чтобы православную группу в Женеве возглавлял игумен Серафим Родионов, но группа православных предпочитала бы иметь непосредственного представителя из Москвы. В экумен[ическом] совете имеются разные течения, но есть и патриаршее: г. Александр Федорович Вейнмари (прибалтиец) неоднократно делал доклады среди иностранцев с разъяснениями о положении Русской церкви в связи с выступлениями швейцарской прессы против Моск[овской] патриархии. М[итрополит] Анастасий хотел было вступить в экуменический совет, но ему категорически было отказано в этом, потому что во главе совета стоит голландец Фиссертуфт²⁸, который идет против м[итрополита] Анастасия за его поведение во время войны.

В заключение прилагаю № 2 журнала «Церковная летопись» март—май за 1946 г., где помещено определение Архиерейского собора Рус-

ской православной церкви за границей от 26 апреля — 9 мая 1946 г. по поводу послания Вашего Святейшества к клиру и мирянам т.н. «карловацкой ориентации».

Вашего Святейшества покорный слуга и богомолец,
митрополит Ленинградский и Новгородский *Григорий*
ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 151—153. Машинописная копия.

№ 25

Послание патриарха Московского и всея Руси Алексия к архипастырям, пастырям и чадам православной церкви в Париже и Западно-Европейском экзархате

17 сентября 1946 г.

*«Благодать вам и мир от Бога Отца
и Господа Нашего Иисуса Христа»*

Возлюбленные отцы и братие.

Кончина Высокопреосвященного митрополита Евлогия, нашего экзарха в Западной Европе, побуждает нас обратиться к вам с настоящим посланием, чтобы утешить печаль вашу об утрате этого благостного Святителя, много лет окормлявшего вас духовно и неразрывно связанного с Русской землей и с нашим великим народом. Вместе с вами мы скорбим о кончине выдающегося иерарха, с юных лет посвятившего себя служению Святой Церкви; но, уповая на милость Божию, веруем и не сомневаемся, что Господь восполнит понесенную потерю и пошлет нам благодатную помощь Свою к дальнейшему благоустроению церковному и к духовной пользе верных чад Св[ятой] Церкви.

Почивший архипастырь, Высокопреосвященнейший митрополит Евлогий ясно указал тот путь, по которому должна идти жизнь нашей зарубежной церкви. Это — путь самого тесного единения с Матерью-Русской Православной Церковью. На этот путь твердо стал почивший владыка с осени 1945 г. И с этого времени он подчинялся всем каноническим и церковно-административным распоряжениям Московского патриаршего престола. Посему, мы признали каноническим долгом своим назначить после кончины митрополита Евлогия, вместо него, нового экзарха.

Ныне доходят до нас сведения, что некоторые из священноначалия, видимо, по своим личным побуждениям, вопреки желанию паствы, сеют среди вас раздоры и хотят не подчиняться нашему руководству, в явное нарушение воли почившего экзарха митрополита Евлогия и вопреки установившейся практике.

Призывая зачинщиков новой смуты к благоразумию и предупреждая их о грозящей им канонической ответственности — мы, вместе с тем, обращаемся ко всем архипастырям, пастырям и русским православным людям, проживающим в экзархате, с увещанием соблюдать взаимное единение между собой, а также хранить верность и послуша-

ние Русской православной церкви, во главе коей Промыслом Божиим мы поставлены.

Мы объявляем упраздненным старое Епархиальное управление, находящееся при архиепископе Владимире, а все распоряжения этого Епархиального управления — неподлежащими исполнению.

В виду полученных нами сведений о намерении архиепископа Владимира и окружающих его лиц в октябре месяце сего года созвать Епархиальный съезд, предупреждаем, что если таковой будет созван без нашего благословения и помимо нашего экзарха, тем более, без участия верных Московскому патриаршему престолу священнослужителей, то съезд этот будет явно незаконным, и постановления его недействительными и неподлежащими выполнению. Мы уже известили Его Святейшество, Константинопольского патриарха 9 августа с.г. о возвращении в нашу юрисдикцию русских православных церквей в Зап[адной] Европе, и, таким образом, о прекращении Его юрисдикции над экзархатом.

Благословляем всех вас, пастырей и чад Церкви нашей, за рубежом проживающих, в мире и спокойствии духа делать дело Божие, в молитвенно-каноническом единении с Русской православной церковью.

Да пребудет бесконечная милость Божия со всеми вами, и да будет по слову Христову «едино стадо и един пастырь». Аминь.

Патриарх Московский и всея Руси *Алексий*

ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп.1. Д. 135. Л. 183—184. Машинописная копия.

Примечания

¹ *Тихон (Белавин)* (1865—1925) — патриарх Московский и всея России в 1917—1925 гг.

² *Антоний (Храповицкий)* (1863—1936) — митрополит Киевский и Галицкий. С 1920 г. в эмиграции. Председатель Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей.

³ *Сергий (Страгородский)* (1867—1944) — патриарх Московский и всея Руси в 1943—1944 гг.

⁴ *Анастасий (Грибановский)* (1873—1965) — митрополит Кишиневский. В годы Гражданской войны выехал из Советской России. Один из активных участников «карловацкого раскола». С 1936 г. председатель Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей.

⁵ ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 82—83.

⁶ См. о нем примеч. № 19.

⁷ *Кандидов Б.П.* (1902—1953) — один из известных деятелей «антирелигиозного движения» 20—30-х гг. в СССР, автор многочисленных работ по истории русского православия в первой половине XX в.

⁸ См. об обстоятельствах плена: Евлогий (Георгиевский), митрополит. *Путь моей жизни*. М., 1994. С. 291—317.

⁹ 20 декабря 1944 г. митрополит Алексий отправил митрополиту Евлогию приглашение на Поместный собор следующего содержания: «30 января 1945 г. открывается в Москве Поместный Собор Русской православной церкви для избрания патриарха Московского и всея Руси на место в Бозе почившего патриарха Сергия. Священный Синод предлагает Вашему Преосвященству прибыть в Москву с 30 января для участия в занятиях Собора» (ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 23).

¹⁰ *Деканозов В.Г.* — заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР.

¹¹ Опубликовано в журнале западно-европейского экзархата «Вестник церковной жизни» (ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 78—81).

¹² *Стефан (Светозаров)* — игумен, благочинный патриарших приходов во Франции, сторонник скорейшего воссоединения с Московской патриархией.

¹³ *Сталин И.В.* (1879—1953) — председатель СНК и ГКО СССР, Верховный Главнокомандующий.

¹⁴ *Вышинский А.Я.* (1883—1954) — заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду *Лосский В.Н.* (1903—1958) — православный богослов и философ, один из активистов воссоединения «евлогянцев» с Московской патриархией.

¹⁶ *Полторацкий Н.А.* — начальник братства св. Фотия.

¹⁷ Имеется в виду митрополит Серафим (Лукьянов).

¹⁸ *Зеньковский В.В.* (1881—1962) — религиозный философ и историк философии. В 1920 г. покинул Советскую Россию, проживал в Белграде, Праге, в США. С 1926 г. обосновался в Париже. В 1942 г. принял священство, протоиерей. Преподавал в Сергиевском богословском институте.

¹⁹ Информация с характеристикой православного епископата, как поддерживавшего митрополита Евлогия, так и ориентирующегося на «карловацкую группировку», поступала патриарху Алексию (а, значит, и в Совет по делам Русской православной церкви) не только непосредственно от Евлогия, но и от различных иных церковно-общественных объединений, действовавших среди русских эмигрантов во Франции. В частности, в одном из отчетов парижского братства св. Фотия мы читаем: «Митр[ополит] Евлогий известен и без нас Московской патриархии как один из выдающихся иерархов старой формации. С большим общественным опытом, сумевший завоевать себе уважение здесь и среди православных, и среди внешних.

За время войны он воздерживался от всякой коллаборации с врагом. В последнее время произнес ряд проповедей, призывая русских покаяться перед Родиной. Но, имея в виду его неустойчивость и компромиссный характер, поддающийся влиянию среды (окружение его, и старое поколение эмиграции, вымирающей сейчас почти поголовно, втягивали его в политические выступления, либеральная интеллигенция толкает его на пути неоправославия: поддержка софианства), если принять его покаяние и оставить при управлении, то он должен быть поддержан викарием с твердой догматической и канонической церковной установкой, показавшим свою верность патриархии.

Его викарии:

Архиепископ Александр Брюссельский, бывший Американский. Талантливый оратор, но митингового характера, низкой моральной репутации (растрата церковного имущества в Америке, содомия), сумел в Бельгии добиться признания Православной церкви. Во время войны произнес несколько зажигательных проповедей против «Атиллы-Гитлера», за что немцами был арестован и посажен в кандалы и год томился в тюрьме. Был выпущен по просьбе м[итрополита] Серафима Лядз; проживает в Берлине без права служения. Один из виновников евлогянского раскола; за последнее время проявлял себя пламенным патриотом Родины и стремился вернуться в лоно Матери-Церкви. Как представитель Русской церкви нежелателен — нравственная репутация, политическая неустойчивость. Знает английский и греческие языки, европейскими не обладает.

Архиепископ Владимир (бывш[ий] Белостокский) — Нишский. Проповедник, молитвенник, любим народом, отсутствие организаторских способностей,

личного мнения, инициативы и знаний; никакого ответственного поста занимать не способен.

Епископ Сергей — Пражский. Любим народом за добрый, ласковый, гостеприимный характер; ум ограниченный, проявлял малодушие, полное отсутствие организаторских способностей. Еще менее способен занимать ответственные посты.

Епископ Матфей. Из Польши — ныне настоятельствует в Париже, в пригороде Парижа, характера авантюрного, принят митр[ополитом] Евлогием из милости.

Епископ Иоанн (Херсонесский) — бывш[ий] протоиерей Гавриил Леончуков, из Одессы, был хорошим администратором свечного завода, человек малокультурный, глубокий старец, не без житейской мудрости.

Митр[ополит] Серафим (Лядэ), известный Московской патриархии, перешедший до войны 1914 г. в православие, поставленный во священники в России, был живоцерковником, ими поставлен в епископы. Уехал из России несколько лет тому назад как немецкий подданный в Германию. Не принят был ни м[итрополитом] Елевферием, ни м[итрополитом] Евлогием, но принят в своем сане карловацкой юрисдикцией.

Надо отдать должное, во время нацистского режима и войны много помогал не только своим, но и всем православным, имея большие возможности перед властями, будучи немцем. Так, защищал русскую патриархию общину до смерти ее настоятеля. Ее немецкие власти грозили неоднократно закрыть. Равным образом по его хлопотам был выпущен из тюрьмы архиеп[ископ] Александр.

Епископ Филипп, Потсдамский, его викарий, хороший литургист, как епископ — неудачный, невзрачный, неспособный управлять даже приходом, был прежде архимандритом в Иерусалиме» (ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 37об.—38об.).

²⁰ *Сергий* — митрополит, управляющий русскими православными приходами в Чехословакии, Австрии и Венгрии.

²¹ *Никон (Гревс)* (?—1983) — архимандрит. В феврале 1946 г. хиротонисан во епископа Сергиевского. После смерти митрополита Евлогия вышел из юрисдикции Московской патриархии.

²² *Александр (Немоловский)* (1880—1960) — с 1921 г. в эмиграции. С 1936 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский Константинопольского патриархата. В 1945 г. вернулся в Московскую патриархию, назначен архиепископом (позднее митрополитом) Брюссельским и Бельгийским.

²³ *Иоанн (Шаховской)* — архимандрит.

²⁴ *Серафим (Иванов)* — епископ.

²⁵ 20 августа 1946 г. патриарх Алексей направил митрополиту Владимиру телеграмму следующего содержания: «Завещательное распоряжение митрополита Евлогия в отношении Вашего Преосвященства, если таковое распоряжение существует, не имеет канонической силы, тем более, что покойный экзарх Евлогий признал над собой юрисдикцию Московской патриархии. Предлагаю Вашему Преосвященству оказать послушание Матери-Церкви, вступить под руководство нами назначенного экзарха и сообщить нам об этом» (ГА РФ. Ф.Р.-6991. Оп. 1. Д. 135. Л. 128).

²⁶ *Карташев А.В.* (1875—1960) — церковный и общественный деятель. В 1919 г. выехал из Советской России. Проживал во Франции. Деятельно участвовал в жизни западно-европейского экзархата. Яростный противник воссоединения с Московской патриархией.

²⁷ Имеется в виду митрополит Серафим (Лукиянов).

²⁸ Очевидно, имеется в виду один из активистов экуменического движения, доктор В.А.Виссерт-Хуфт — генеральный секретарь Всемирного совета церквей.

«В ВАС Я ВЕРЮ.

НО ИНОГДА ВАМ НЕ ВЕРЮ...»

Письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой.
1922—1936 гг.

В 1958 г. автор статьи, посвященной памяти Е.Д.Кусковой, писал в газете «Новое русское слово»: «Я знаю только еще одного человека с такой последовательно цельной, чуждой отступничества верностью своим идеалам: это был Павел Николаевич Милюков, и недаром между ним и Кусковой была настоящая духовная близость»¹.

Они вместе боролись с самодержавием: Милюков — бессменный лидер партии кадетов, сторонник представительного, парламентского правления в России; Кускова — публицист, общественный деятель, протестующий против гнета личности, верный социалистическим идеалам, но не связывающий себя принадлежностью к какой-либо партии. В разные периоды своей политической борьбы они то сближались, то расходились. Даже когда сближались, продолжали спорить. Однако в их противоречиях не было той непримиримости, которая часто свойственна цельным натурам. Широка взглядов, глубокая внутренняя симпатия, взаимное восхищение силой ума и аргументацией своего оппонента удерживали их от крайних решений.

Милюков как политик и историк, тактик, всегда сдержанный человек, особенно в спорах с женщиной, проявлял корректность и великодушие, хотя его обращения к Кусковой не были лишены насмешки и язвительности. Кускова, с ее страстным темпераментом, парадоксальностью мышления, была импульсивна, менее терпима к инакомыслию, но умела вовремя остановиться.

Духовная общность этих ярких, талантливых личностей основывалась не только на взаимопонимании, гармонии душевного склада и общности интересов. Опыт совместной борьбы с самодержавием укреплял и закалял их союз, делал взаимное общение приятным, полезным и надежным.

Впоследствии, в связи с юбилейными торжествами в честь 70-летия Милюкова, Кускова вспоминала, что полемика с Милюковым, «на вид таким спокойным, сдержанным, всегда корректным... никогда не выливалась в пустые словопрения: он всегда принуждал противника к более точной идейной формулировке — он заставлял мыслить»².

Политическая судьба Кусковой была сложной. Ее принадлежность к экономизму, участие в «Союзе освобождения», «Союзе союзов», в кооперативном движении свидетельствовали, прежде всего, о поддержке ею оппозиционной демократической интеллигенции, широко понимающей задачи освободительной борьбы в России. Не случайно, когда на I съезде кадетов (октябрь 1906 г.) Кускова была заочно выбрана в ЦК этой партии, она отказалась вступить в нее. Скванность

¹ Памяти Кусковой // Новое русское слово. 1958. 30 декабря.

² Кускова Ек. Трагическое в вожде // П.Н.Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859—1929. Париж, 1929. С. 138.

доктринерством, партийными рамками противоречили ее натуре, свободной от условностей.

Активное участие Кусковой в борьбе против самодержавия за политические свободы, пропаганда нового демократического устройства создавали основу для союза с представителями других оппозиционных течений и партий. В апреле 1916 г., в период думской борьбы, на квартире у Кусковой происходило собрание либеральных партий, где обсуждался состав будущего Временного правительства. В числе претендентов на пост министра иностранных дел значился П.Н.Милоков.

После Февральской революции 1917 г. Кускова издавала в Москве демократическую и социалистическую газету «Власть народа». Газета призывала к укреплению демократической республики, утверждению народовластия в сознании народа, к защите интересов трудящихся и объединению народа на «творческой работе преобразования всего хозяйственного строя на основах социализма»³. Большое внимание в газете уделялось кооперативному движению, которое должно было сыграть значительную роль в создании экономической базы нового строя. Кускова считала, что после окончания Первой мировой войны в России осуществим социализм, но он может утвердиться только через капитализм и «воспитание в народе совершенно новых привычек, новых навыков в хозяйственной и культурной жизни», так как «социализм, насаждаемый на бесплодной почве, не только не привьется к нам, но уничтожит тот капитализм, через который мы неизбежно должны пройти»⁴. Кускова призывала социалистов и кадетов «оставить позади старые ошибки и протянуть «друг другу руки»⁵. «Победившие слои буржуазии, — писала она, — также будут бессильны в России без коалиции с демократией, как бессильны социалисты без коалиции с имущими классами»⁶.

От имени кооператоров Кускова вошла в состав Всероссийского Совета республики (Предпарламента), где занимала оборонческие позиции. Она утверждала, что в реальной политической деятельности необходимо опираться на кооперативы, осторожно проводить экономические преобразования, учитывая уровень сознательности народных масс.

Во время Октябрьской революции Кускова пыталась организовать поддержку Временному правительству. После победы Октября она резко критиковала в печати большевиков и считала своим долгом предотвратить Гражданскую войну.

Ее называли «нинисткой»: «Ни Ленин, ни Колчак» — таков был ее политический лозунг тех дней. Примечательно, что Милоков не разделял этой точки зрения, полагая, что в условиях Гражданской войны, когда был, хотя и незначительный, шанс на успех в вооруженной борьбе, было предосудительным сохранять нейтралитет.

Любовь к Родине, сострадание к народу заставили Кускову после Октября остаться в России. Она активно включилась в работу «Всероссийского Комитета помощи голодающим». В этот Комитет, кроме большевиков Л.Б.Каменева, А.И.Рыкова и А.В.Луначарского, вошли С.Н.Прокопович, кадеты Н.Н.Кутлер, Н.М.Кишкин и др. Однако попытка организовать международное демократическое движение помощи голодающим в России привела к роспуску этого Комитета. Кускова и Прокопович были арестованы, сосланы, а затем, в 1922 г., высланы из России.

Милоков в дореволюционный период боролся за создание политической партии «третьей возможности», способной содействовать обновлению в России пар-

³ Власть народа. 1917. 28 апреля.

⁴ Там же. 25 июля.

⁵ Там же. 29 июля.

⁶ Там же. 31 августа.

ламентского строя. В российских условиях — в противоборстве самодержавной монархии и революционно-демократического лагеря — для сохранения Думы необходима была гибкая тактика, не допускающая перевеса одной из этих сил. В этой тактике, опирающейся на реальную историческую ситуацию и преследующей цель установления баланса противостоящих друг другу сил, была заложена возможность политического компромисса. С самодержавием были возможны соглашения, направленные против стихии революционной борьбы. Союз с левым политическим лагерем в дореволюционный период имел вполне определенные пределы — от неприятия революционных действий как принципа политической борьбы, до введения этой борьбы в конституционное русло и единения в борьбе с самодержавием.

Широта и гибкость политических ориентаций Кусковой и Милюкова, олицетворяющего российский кадетизм, делали возможным заключение коалиций и союзов.

Эмигрантская жизнь, естественно, многое изменила в политических настроениях и Милюкова, и Кусковой, в их отношении к программам и методам борьбы, к России, ее прошлому, настоящему и будущему. Эмигрантскую общественную мысль отличало, прежде всего, стремление осмыслить причины установления в России советского строя, понять, какие объективные и субъективные факторы обусловили поражение монархии, боровшихся с ней либеральных и народнических партий и обеспечили победу большевиков.

Милюков и в эмиграции продолжал быть политическим лидером, во многом определял лицо политической эмиграции. Новая действительность корректировала его взгляды; свойственная ему гибкость ума служила источником мобильности политического поведения в изменившихся условиях. «Новая тактика», с которой выступил Милюков, содержала не только измененную программу будущего государственного устройства России (вместо конституционной монархии — обязательно республику, иное решение аграрного, социального и национальных вопросов), но и новые тактические приемы.

Отрицание вооруженной интервенции как средства освобождения России от большевистского режима (на интервенции настаивали преимущественно военные круги, желавшие восстановления монархии), ставку на внутренние процессы в эволюции советской власти поддерживал, по существу, весь левый сектор эмиграции.

Милюков и руководимая им группа «партии народной свободы» вели переговоры о создании Республиканско-демократического объединения (РДО), в которое должны были войти и представители народнических партий. В этих переговорах, кроме Милюкова и его сторонников, участвовали Кускова, Прокопович, деятели «Крестьянской России», эсеры, объединившиеся вокруг «Современных записок». Однако, парижское совещание, где выработывалась их общая платформа, не завершилось, продолжалось в течение двух лет в Берлине, Париже, Праге.

Милюковская позиция единения эмигрантских сил основывалась на определенных теоретических основаниях. Он поддерживал идею деления социализма на демократический и недемократический. С демократическим социализмом, который должен отделиться от недемократического с его идеей классовой борьбы, несоциалистическая демократия, утверждал Милюков, может идти «рука об руку». «Мы, несоциалистические демократы, — писал он 9 июля 1924 г., — считаем возможным и необходимым работать с социалистами, устранившими свои социалистические ошибки»⁷.

Возможность сотрудничества с левыми силами, представителями народнических партий, Милюков объяснял рядом существенных оснований: переходом демократического либерализма, т.е. несоциалистического демократизма, на республиканские позиции, сохранением собственного демократизма — социальной на-

⁷ Последние новости. 1924. 9 июля.

правленности (признавая в то же время способность воспринимать от социализма — умение смотреть на социальную реформу, как на прямую задачу государства). Истоки эволюции народнических партий он усматривал в коренных основах эсеровской доктрины. История эсеровской партии представлялась ему в большей мере историей мировоззрения, чем историей политической борьбы, т.к. эта борьба не всегда отвечала теоретическим построениям партии. Трагизм этого противоречия проявлялся в несовместимости идеи «массового крестьянского социализма» и идеи «гармонии развития личности», в вопросе о терроре и т.д. Милюков считал, что компромиссы, на которые шла партия, приблизили ее к жизни и позволили ей сохранить свободу от универсальных схем марксизма⁸.

Сближение Милюкова и левых кадетов с бывшими эсерами, энесами, представителями народнических партий, определялось новой эмигрантской обстановкой, желанием объединить усилия для общего взгляда на будущее России. В эмигрантской прессе разных направлений («Воля России», «Последние новости», «Дни», «Руль», «Социалистический вестник», «Современные записки») шли оживленные споры о содержании понятий «демократия» и «социализм», об их эволюции в новых условиях, о позиции политических партий — эсеров, энесов, социал-демократов, прошедших свой исторический путь в России, потерпевших политический крах и оказавшихся в эмиграции.

Ссылаясь на Кускову, в одной из передовых статей «Последних новостей», Милюков подчеркивал: «Действительно, без пересмотра этого взаимоотношения (социализма и демократии. — М.В.) невозможен ни общий фронт демократических элементов с социализмом, ни, тем более, какая-либо органическая связь»⁹.

В свою очередь Кускова писала: «Военные и революционные переживания последнего десятилетия делают и делают социалистов активнейшими борцами за демократию, за ее укрепление, за новые формы выражения народного суверенитета и свободы во всех областях жизни. Идея, что без прочного демократического фундамента не может быть никакой социальной постройки, выстрадана и живой лабораторией грандиозного социального опыта — Россией»¹⁰.

Новая историческая обстановка рождала новые проблемы и новые решения. Лозунг единения эмиграции был чрезвычайно популярен в середине 20-х гг. Однако это вовсе не означало, что в решении этой проблемы существовало единство. Военная часть эмиграции, по своей численности составляющая большинство, являлась по своей сути реставрационно-монархическим течением.

«Левый» сектор эмиграции, к которому принадлежали и Милюков, и Кускова, был неоднороден. Общим для него было понимание того, что на одной «отрицательной задаче» — свержения большевиков — объединение невозможно, а также осуждение тактики «белого движения» (непримиримость к завоеваниям революции, перераспределению земли, национальной независимости и т.д.). «Левый» сектор, как считал Милюков, «научился отличать» творческие процессы, происходившие в большевистской России, от разрушительных. Вместе с тем сложные вопросы — как отделить народ от власти, где провести грань, отделяющую любовь и преданность к народу с ненавистью к правителям, насколько возможно взаимодействие с советской властью, как и в каких формах вести с ней борьбу и др. — являлись предметом оживленных споров в среде всей эмиграции и в ее «левом» лагере¹¹.

Решение этих проблем упиралось в проблему «возвращенства», чрезвычайно болезненную и дискуссионную. Для правой части эмиграции возвращение на Родину

⁸ См. там же. 26 ноября.

⁹ Последние новости. 1922. 4 ноября.

¹⁰ Кускова Е.Д. Гадание // Дни. 1922. 1 ноября.

¹¹ См.: Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.

связывалось с иностранной интервенцией и восстановлением монархии. Для сменовеховцев и евразийцев она сопрягалась в разной мере с известным примиренчеством и сотрудничеством с советской властью. Позиция Милюкова сводилась к формуле: «Я не знаю, как мы придем в Россию, но я знаю, как мы туда не придем», т.е. «не придем» с оружием, иностранцами и вождем¹². Возвращение должно быть мирным, с сохранением революционного отношения к большевистской власти, с поддержкой народа в его оппозиции к этой власти.

Кускова активно включилась в создание специальной программы возвращенства, в организацию «Союзов воссоединения с новой Россией на почве экономических и культурных сношений, делового сотрудничества с населением». Она разделяла идею А.В.Пешехонова и М.А.Осоргина о неизбежности возвращения на Родину и бессмысленности существования эмиграции, призывала «засыпать ров гражданской войны»¹³, надеялась на сотрудничество с интеллигенцией, которая, по ее выражению, не была большевиками «снята с креста», рассчитывала на эволюцию советской власти в сторону примирения с возвращенцами. В позиции Кусковой было много иллюзий по отношению к советской власти, ее суждения отличались противоречивостью и непоследовательностью.

В середине 20-х гг. между Милюковым и Кусковой шла постоянная полемика по вопросам о назначении эмиграции, о допустимых различиях в поведении политической эмиграции в отличие от неполитической, об условиях и способах возвращения в Россию, о выработке «принципиальной линии поведения» по отношению к большевистскому режиму, о допустимости контактов с ним, об отношении советской власти к возвращенцам и т.д. Накал этой полемики был достаточно сильным.

Но, несмотря на разность точек зрения по многим вопросам, Милюков постоянно подчеркивал то единение, которое сопутствовало их спорам, отмечал коррективы, вносимые Кусковой в свою аргументацию, сближение их позиций. Политические противоречия не нарушали их дружеских отношений. Милюков продолжал считать Кускову «своим близким другом»¹⁴.

Публикуемые письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой отражают широкий спектр проблем политической жизни эмиграции 20—30-х гг, показывают глубокое духовное единство, противоречия и споры двух выдающихся личностей, дают дополнительные штрихи к портрету крупного политика России XX века П.Н.Милюкова.

Письма хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), в фондах П.Н.Милюкова (ф. 579) и Е.Д.Кусковой (ф. 5865). Документы публикуются по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей подлинника. Слова подчеркнутые автором, выделены курсивом.

Публикацию подготовила доктор исторических наук М.Г.ВАНДАЛКОВСКАЯ.

№ 1

22 октября 1922 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Только что получил Ваше письмо от 20-го и., как Вам сказать, — тоже чувствую удовлетворение. Что выйдет из «демократов» без социализма, я не знаю и контакта не хочу терять, но, очевидно, и логика

¹² См. там же. С. 72.

¹³ Последние новости. 1925. 25 октября.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 302. Л. 271.

жизни, и логика мысли требует, чтобы мы шли дальше по своему пути и проделали опыт до конца.

Меня предупредили, что в понедельник, т.е. завтра ко мне явятся представители социалистов-революционеров и предложат опубликовать документ за подписями президиума. Я уже писал Вам, что это меня не удовлетворяет и очень рад был телеграмме Вашей и письму. При условиях, которые еще яснее вскрываются из Вашего письма, мы, очевидно, не можем идти на дезавуирование [...] ^a документа после опубликования или после наших попыток толковать его по-своему. Не то, чтобы я думал, что они сделали уступки, а теперь берут их назад: ни они, ни мы уступок принципиальных не сделали; но нет самого *spiritusa*^b — вести дальнейший спор в области *практической* политики, а из желания на всякий случай хранить белоснежность одежды. Так работать вместе нельзя. В последнем заседании группы я рассказал о положении дела и получил санкцию — не печатать документа. Там же я предложил то же, что предложил и Вам, но на что не имею отклика в Вашем письме: пересмотреть документ в том предположении, что он будет исходить от нас самих, раскрыть все скобки, устранить компромиссные обороты, словом, сказать публике, чего мы хотим, и этот документ опубликовать как основу для демократического объединения. Самую мысль об объединении, по-моему, не только не надо бросать, но надо вернуться к Вашей идее «Союза».

В группе эта мысль встретила сочувствие, хотя пока серьезно не обсуждалась. Что Вы об этом думаете? Я все-таки не иду так далеко, как некоторые приехавшие, которые противопоставляют декларации «делу» и клянут все политические партии как таковые. Декларации необходимы для объединения, а объединение необходимо для борьбы: надо знать, с кем идем. Ну, да я знаю, что для Вас это азбука; только и азбука в наше время забывается и ее надо от времени до времени проговаривать. Относительно газеты — это же, они вовсе не будут издавать «Голос России»¹. На каких условиях можно получить от них все оборудование «Голоса России»? Выясните это: надо об этом серьезно подумать.

О перенесении «Последних новостей» в Берлин в данную минуту мне трудно думать. Тут ряд затруднений всякого рода. Думаю, что и с точки зрения безопасности (личной) это требует обсуждения. «Последние новости» сейчас в денежных затруднениях, но финансовая сторона в крепких руках Винавера² и сразу мы не сдадимся. Если сдадимся, тогда вопрос о Берлине не станет сам собой.

Итак, дорогая Екатерина Дмитриевна, поздравляю Вас и себя со счастливым пробуждением! Солнце светит ярко — и на парижском небе. и на нашем политическом; давайте собираться в дальнейший путь, и подумаем, кого взять с собой в дорогу.

Спасибо за обещание доставить ноты. На днях будет в Берлине Демидов³, может быть, он сможет привезти. Суханова⁴ не получил еще:

---

^a Слово неразборчиво.

^b Вдохновение (лат.).

спасибо за него. Публикации книжного магазина большевиков очень соблазнительные — кое-что хочу я оттуда приобрести.

Сердечный привет Вам и Сергею Николаевичу⁵ от нас обоих

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 57—58.

№ 2

1 декабря 1922 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Я виноват в долгом молчании. Накопилась целая куча вопросов для ответа, а писать урывками не хотелось. Пользуюсь первой свободной минутой для обстоятельного обсуждения некоторых Ваших вопросов.

Во-первых, «Дни»⁶. После Ваших объяснений я начал с ними примиряться. Если все так, как Вы пишете, конечно, надо быть решительными и ждать последствий. В некоторых из вопросов, по которым «Дни» молчали, они все же начинают занимать позицию. Но необходимость дать реванш Керенскому⁷ сказывается. Иначе не могу объяснить себе трижды обращенной к «Последним новостям» и ко мне вопрос: республиканцы ли мы? Статья в № 25 (28 ноября)⁸ показывает, что Керенский употребляет крайние усилия, чтобы нас посорить. Тут Осоргин⁹ сдал больше, чем надо было¹⁰. Нельзя было копаться в прошлом, ибо везде и у нас есть счеты с социалистами, и, если дойдет до спора, почему провалилась коалиция и погибла Россия, то мы можем наговорить тоже массу неприятных вещей — Вашим друзьям слева. Зачем же ворошить прошлое. Ведь упорное возвращение к нему показывает, что люди не хотят учиться и менять: ну, а повторять «керенщину» Вы ведь и сами не хотите.

Мой ответ в «Печати»¹¹ на второй вопрос имел целью показать неприличие поставленного вопроса и наметить пределы, в которых мы можем идти вместе. Надеюсь, что на дальнейшую полемику «Дни» меня не вызовут и подожду отвечать на передовицу № 25, пока не увижу, как «Дни» реагировали на «Печать». Если они по этому случаю будут продолжать свои выпады против нашего «оппортунизма», тогда уже придется развернуть споры и ответить целой передовицей. Но этого в интересах единения мне не хотелось бы.

Во-вторых, приезжие из России. Они меня не убеждают. Вы пишете, что они не хотят идти в «Руль»¹². А Кизеветтер¹³ помешает там воспоминание о Ключевском¹⁴. Я уже не решаюсь обращаться к ним за сотрудничеством, чувствуя, что за их молчанием скрывается не простая «трусость» и желание «спрятаться», но несогласие с нами. В лучшем случае, это значит, что, перейдя сразу из советского мрака на большой свет, они еще не сориентировались. В худшем случае — они попали в ту струю, которую не привыкли называть реакционной. Выступления на собрании Религиозно-философского института есть реакция чистой воды, злая, де-Местровская реакция¹⁵. За это надо им не помогать, а бить и бороться с ними.

Спор между крайностями реакции и большевизма есть вещь, к которой мы уже привыкли. Она сказывается я здесь. Не только «Руль», но и «Накануне»¹⁶ кое-кому ближе, чем «Последние новости». Пешехонов¹⁷ не ответил на письмо Рысса¹⁸, пригласившего его к нам, а «Современным запискам»¹⁹ прислал такую статью (это секрет редакции: не выдайте), что ни мы, ни они (я думаю) не решились бы ее напечатать с призывами к признанию советской власти и с покаяниями: мы-де разрушили государство, а они воссоздали. Конечно, если социалисты останутся теми, чем были в 1917 г., то, быть может, окажется прав и Пешехонов. Но нам каяться не в чем и строить на покаянных чувствах своей политики мы тоже не собираемся.

Отвечаю, кстати, Сергею Николаевичу. Крэн²⁰ с месяц тому назад проехал через Париж в Константинополь. Должен вернуться, но когда, не знаю. Мои личные отношения с ним очень хорошие, но именно поэтому ему легче отказать мне, чем другому, а мне неприятнее получить этот отказ. Его щедроты распространяются скорее на отдельных лиц, ему знакомых, чем на учреждения. Должен признаться, что относительно Религиозно-философского института, после его первого выступления, мое мнение ближе к [...]а, чем к Вашему. Довольно с нас Мережковских²¹, Устряловых²² и т.д. Но возможно, что как раз в этом случае Крэн будет ближе к Вам, чем ко мне.

В-третьих, Ваши произведения. За статьи благодарю. Письмо Ваше в «Будущее» не имело бы смысла отправлять туда: неизвестно, поместили мы бы, и, неизвестно, когда выйдет следующий номер — и даже выйдет ли. Я поэтому напечатал его в «Последних новостях». Но оно вызвало неожиданное последствие. В редакцию явился Пасманик²³ и заявил Рыссу, что так как его никто до сих пор внуком не называл, то он не может пережить такого афронта и надеется, что я помешу его ответ. Посылаю его ответ Вам. Боюсь, что Вам в самом деле память немножко изменила. Ведь в августе—сентябре 1917, действительно, Ваши друзья нас всех вместе с Корниловым²⁴ сделали «контрреволюционерами». Зачеркнутого конца статьи Пасманика я, во всяком случае, не помешу. Но вообще трудно отказаться от его помещения, и я хотел бы напечатать его вместе с Вашим ответом на его ответ.

Вашу статью о «Руле» я было сопроводил второй передовицей, но она затерялась при пересылке в типографию, а возвращаться к ней через день было уже неловко. Вернусь при другом случае.

В-четвертых, студенты. Они молоды и нас опередили. Здесь тоже образуется республиканско-демократическая группа. Защита их в Париже мне показалась недостаточной. «Уважение к историческому прошлому»²⁵, видимо, у Вас разделяет не один Стратонов²⁶, а и другие члены «Института». Кизеветтер, видимо, осторожно обошел этот деликатный вопрос, распространившись о деловом профессиональном объединении. Я об этом тоже говорил в своих статьях, но раз раскол был неизбежен и совершился, нужно было определенно стать на ту или другую сторону. Что «Национальный блок»²⁷ прислуживается к «Рулю» и готов поступить в «роялисты», это я понимаю.

---

^a Слово неразборчиво.

Что меня там ненавидят, а поклоняются Набокову²⁸, который мертв и ничем на «жирные поцелуи» гессеновские ответить не может, — это тоже в порядке вещей: драки. Но что люди, которые в этой драке должны быть нашими, принимают всех нейтральных, это, признаюсь, меня огорчает. А я, чего я желаю нашим студентам, это не подпасть под влияние Струве²⁹, Новгородцева³⁰ и членов Вашего Института.

В-пятых, республиканско-демократические клубы. Вы ничего мне не ответили на вопрос, что у Вас делается по этому вопросу. У нас, хотя и медленно, но дело идет вперед. Определен начальный состав клуба и одобрена моя программа политических докладов. В декабре будет окончательное заседание, в котором определится срок открытия клуба. «Республика» здесь очень многих заставляет прятаться в кусты³¹. Но мы этого флага не спускаем и поплывем под ним. Надеюсь, что «Дни» не обвинят нас по этому поводу в лицемерии.

Новыми книгами Вы меня только соблазните издали. По усам течет, в рот не попадает. За Суханова спасибо. Хотел бы еще — многого. Но Вы еще не написали, что я Вам должен за книги и ноты. Должно быть, нужно впредь как-нибудь нагряться к Вам в Берлин на несколько дней, и провести самоличную ревизию Ваших богатств.

Если отношение старых друзей к «Последним новостям» определится, как дружественное, то это ускорит мою поездку, а ехать, чтобы браниться, не хочу; лучше издали, по мере доказательств.

Анна Сергеевна³² обоим кланяется.

Наш сердечный привет.

Ваш П. Миллюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 50—53.

№ 3

12 декабря 1922 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна

Вы пишете, что «Дни» подходят к нам. Это не [...] ^а им (т.е. Керенскому) устроить мне две новости: во-первых, с экзаменом из «республики», во-вторых, с предложением примириться с гессенским либерализмом³³, Узнаю старую манеру Керенского, с которой приходилось бороться еще в Государственной думе: интрига и подвох. Ваш Осоргин, видимо, ослабел, и Ваше письмо мне объяснило, почему; донял его Александр Федорович³⁴ ... В остальных отношениях «Дни», несомненно, выправляются; в них много интересных статей и Вы видите, что я на все эти статьи откликаюсь. Но ко мне в «Последние новости» новоприбывшие сотрудники, видимо, идти не хотят. Кизеветтер оказался в «Руле», а Пешехонов не ответил на письмо Рысса. Очевидно причина — разногласие по существу. Иначе понять не могу. Огорчает это меня очень — но ничего не поделаешь.

Ваш оптимизм насчет бердяевской и К^о мистики и чертовщины мне кажется преувеличенным. Новое поколение к ним идет, и до меня до-

^а Слово неразборчиво.

ходят слухи об успехе лекций в Берлине³⁵. Пишут даже, что «по четверо сидят на одном стуле», чтобы их послушать. Кто лучше, или, точнее, кто хуже: «просто Евлогий»³⁶ или эти богоискатели, это еще вопрос. Мне кажется, что в последние годы это наваждение 90-х годов немножко рассеялось. По-видимому, я ошибаюсь. Желал бы, чтобы не ошибались Вы, и, чтобы, действительно, в России это течение не имело сторонников. Я считал и считаю их вредными.

Очень рад успеху Кабинета Сергея Николаевича³⁷. Может быть, от туда что-нибудь мне перейдет.

Мои мечты о приезде в Берлин пока еще не приняли материальной формы. Трудно очень отсюда отлучиться, да и формального «дела» пока в Берлине нет. Спасибо Вам за предложение временно приютить меня у себя. Это облегчает состояние, надвигающийся голод, и ужас войны и отсюда — я об этом давно твержу: недавно обругал Эррио³⁸ по этому поводу в одном собрании, где дали нам с Маклаковым³⁹ ответить на его доклад. Но Ваш вывод, что приближается насильственный конец, им еще не ясен. Чего только не потерпели, и все-таки не могли от него отделаться. Вот результаты выборов меня радуют и оправдывают Ваши прогнозы.

Еще одна покорнейшая просьба к Вам. Нельзя ли для больного ребенка в Петрограде выслать от Вас снадобье, которое там рекомендовано, а там его нет, потому что немецкое. Адрес, по которому надо послать: Николай Николаевич Луговской, Угол Каменно-Островского проспекта, на Песочной улице, д. № 54, квартира 26 (Пошлите от какого-нибудь неизвестного имени, не от Вашего, но от реального. Чтобы приняли расписки), надо четыре баночки.

Привет от нас Вам обоим.

П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 128—129.

№ 4

27 августа 1923 г.

Дорогие Екатерина Дмитриевна и Сергей Николаевич.

Я перед Вами обоими в огромном долгу, накопилось у меня изрядно Ваших писем из Зальцилрда: от 5, 14, 15, 22 и 23. Письма обширные и важны по содержанию. Отчасти задержка объясняется тем, что мне сразу же пришлось перенести мои ответы в газету. Я вижу, что один — о Красной армии — Вас больше удовлетворил, чем другой (об аграрном вопросе)⁴⁰. Но и помимо того, что пошло в публику, на многое необходимо ответить обстоятельно: а времени на обстоятельный ответ все не хватало. Теперь начну в хронологическом порядке.

Письмо Екатерины Дмитриевны от 5-го меня очень огорчило. Из него я усмотрел, почему Ваша группа в Берлине, если она будет создана, не сможет пойти в ногу с другими республиканско-демократическими группами. Вы ставите вопрос, прямо говоря, о переходе от революционной

тактики относительно большевиков к оппозиционной или даже к сотрудничеству. Так далеко, при всей своей «свободе» и смелости, я пойти не могу. И не потому только, что необходимо менажировать настроение эмигрантской публики. Нет, я считаю, что эмиграция выполняет миссию, от которой не может отказаться и которая несовместима с легальным возвращением в Россию. А Ваша публика тоже выполняет миссию, связанную с невозможностью открыто и гласно выступить против советской власти. Если даже на меня не могли прийти — хотя и желали, то ясно, что об организационном участии в Республиканско-демократическом объединении — с эмиграцией им нечего и думать. Одной тактики тут быть не может. Надо прямо сказать, что тут, как я в свое время писал Вам, две разные тактики, из которых каждая на своем месте диктуется обстоятельствами борьбы. Они исключают друг друга. А это склонна делать Ваша тактика всякий раз, как сталкивается с заграничной революционной.

Я позицию Кишкина⁴¹ понимаю, а он, вероятно, не понимает моей. И в старое время легальные люди эмиграции боялись и говорили, что она «вмешивается и вредит». А она только называет вещи своими словами. И не может отказаться от этого. «Классические линии» нужны, Екатерина Дмитриевна: это не просто «прямолинейность»; иначе сами себя понимать перестанут, сами того не чувствуя⁴². Вы и сами со времени выезда переменили позицию. Экономический кабинет вовсе не занимается одними объективно-научными исследованиями; он обличает и борется. И тот Комитет, который Вы мне рекомендуете создать — еще в большей степени будет делать то же самое. Когда заходит речь о возможной встрече Радека⁴³, с Вами, Вы сразу чувствуете, что встретиться мирно Вы не можете и что граница Вас испортила. Я подчеркнул в своем ответе Сергею Николаевичу о Красной армии, что он, в сущности, стал на одинаковую со мной позицию революционной борьбы. Есть, конечно, и в этой борьбе оттенки, и тут я сколько угодно готов принимать Ваши указания. Но «классическая линия» — неперехода на мирную оппозицию — должна остаться. Иначе Вы запутаетесь. Посмотрите, как у Вас в двух письмах рядом два критерия: поведение Тихона из «провала» превращается в «завязь серьезного движения»⁴⁴. А когда я сразу приложил к «провалу» Тихона Ваш критерий — Вы пугаетесь: как можно называть вещи своими словами. Если оснуете на этом смешении мнений — не в Москве, а в Берлине — свою группу «еретиков», наверное, провалитесь. Кстати, отчего же Вы и мне не даете возможности прочесть Вашей «Третьей России»⁴⁵. Уж договаривайте до конца: тогда и спорить легче. О Мельникове⁴⁶ я просто не мог Вас понять. Для меня, действительно, недоступно политическое общение — даже с министрами Врангеля⁴⁷. Пусть лучше «пустота»...

Теперь об аграрном вопросе. И тут статья Сергея Николаевича⁴⁸ в направлении уступок пошла дальше, чем его позиция в письмах. Он признал, в сущности, и «регулирующую роль государства», и ограничение собственности. Я очень счастлив, что принципиально тут нет разногласий, значит, соглашение возможно. Он уже слишком спешил при-

нять защищаемые мною — не за страх, а за совесть — позиции за эсеровские и объяснить их моей «капитуляцией». На мой вопрос, почему же при принятии нашей сентябрьской программы 1922 г. такая капитуляция была возможна, Вы оба, по моему, ответили неудовлетворительно. Сергей Николаевич шел на компромисс, чтобы сохранить мне Авксентьева⁴⁹, а теперь, когда мне Авксентьев больше не нужен, он не согласен идти на компромисс? Прежде всего, это не компромисс, а подлинное мое мнение. Затем, почему же, когда было труднее сговориться, Вы шли на сговор, а когда фронт сократился и добиться соглашения для более тесного общения стало легче, Вы стали непримиримыми? Из моей статьи Сергей Николаевич мог усмотреть, что спор наш слишком далеко вышел за естественные пределы; надо ввести его в эти пределы, чтобы он перестал быть хаотичным. Главное, не надо искать непременно задних мыслей. Нет надобности полемизировать против регулировки промышленности, когда речь идет о земле, нельзя ставить эти вопросы в одну плоскость.

Нельзя говорить об отказе от права частной собственности, когда речь идет об охране этой самой собственности. Недурно условиться, о каком крупном землевладении мы говорим. Что крестьянин готов воспользоваться свободой продажи земли, чтобы округлить собственный участок, охотно верю. «Стихию» политик, конечно, должен учитывать: но надо определить, куда стремится эта стихия. Определенность взгляда на это, Екатерина Дмитриевна, мне кажется чрезмерной и рискованной.

Какое преступление я совершил в статье Лутохина⁵⁰, не могу понять без справок, во всяком случае, это вышло невольно, — и не думаю, чтобы читательская масса это заметила.

Написав это письмо, получил последнее письмо Екатерины Дмитриевны со статьей «К катастрофе». Распоряжусь о подписке на «Голос России», о посылке экземпляра со статьей Сергея Николаевича. Ссылка на «студентов» в подкрепление мнения о «стихийности» крестьянских требований меня немножко удивила. Кажется, «студенты» ближе к землевладельцам, чем к земледельцам, и притом — бывшие офицеры. Я считаю опасным заражаться от них ненавистью к социализму (всякому). Впрочем, я и сам не за Орлова и Фундаминского⁵¹. Зачем только отождествлять их взгляды с моими и полемизировать не против того, что я говорю, а против предполагаемого моего источника. Уже старое кадетство постепенно освободило аграрный вопрос от народнических увлечений и «утопий». Но оно же заняло ту социальную позицию — защиты мелкого и среднего крестьянства, которую я считаю необходимым сохранить, ибо только она соответствует демократическим тенденциям старой партии и ее нового продолжения — нашей группы. Демидов идет дальше меня, и он, действительно, согласен с Фундаминским. Напротив, Гронский⁵² — наш другой специалист — по-видимому, склоняется скорее в сторону Тхоржевского⁵³. Я иду между этими двумя крайностями разумной середины — не для «компромисса», а, повторяю, по существу дела.

«Правды» не получаем, так что не знаю, что они там наговорили о Монзи⁵⁴.

Сердечный привет Вам обоим.

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 110—112.

(Окончание следует)

Примечания

¹ «Голос России» — ежедневный орган русской демократической мысли. В 1921 г. редактор В.П.Крымов; с 5 августа 1921 г. издавался при ближайшем участии П.Н.Милюкова, под редакцией С.А.Полякова-Литовцева и Л.М.Неманова, с начала 1922 г. — при ближайшем участии В.М.Зензинова, С.П.Постникова, В.М.Чернова, Н.С.Русанова и др.

² *Винавер М.М.* (1863—1926) — адвокат, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК, депутат I Государственной думы. Эмигрант.

³ *Демидов И.П.* (1873—1946) — внук В.Даля. Член ЦК партии кадетов, член IV Государственной думы. В эмиграции — помощник редактора газеты «Последние новости».

⁴ Речь идет о «Записках о революции» Н.Н.Суханова (М., 1922. Кн. 1—11).

Суханов (наст. фам. Гиммер) Н.Н. (1882—1940) — публицист, с 1903 г. эсер, с 1917 г. меньшевик. После гражданской войны работал в советских учреждениях. В 1930 г. арестован, в 1940 г. расстрелян.

⁵ Имеется в виду *Прокопович С.Н.* (1871—1955) — муж Е.Д.Кусковой, экономист, кадет. Выслан из России в 1922 г.

⁶ «Дни» — ежедневная газета (далее — еженедельник), выходила в Берлине в 1922—1924 гг. под редакцией А.Ф.Керенского.

⁷ *Керенский А.Ф.* (1881—1970) — адвокат, в 1917 г. министр, председатель Временного правительства, с 1918 г. эмигрант.

⁸ В статье «Предварительный вопрос» (Дни. 1922. 28 ноября) «буржуазная демократия», в основном партия кадетов, обвинялась в оппортунизме в период революционной борьбы 1917—1919 гг., в том, что для нее демократия и республика являлись лишь тактическими лозунгами. Создатели новых коалиций, говорилось в этой статье, после неудачного опыта Февральской революции, должны учитывать и психологические предпосылки всякой совместной работы.

⁹ *Осоргин М.А.* (1878—1942) — писатель, публицист. В 1922 г. выслан из России.

¹⁰ В газете «Дни» (22, 29 октября, 5, 6, 7 ноября) М.А.Осоргин опубликовал статьи, характеризующие его отношение к советской власти. Наиболее четко свою позицию он выразил в статье «Приятие России» (Дни. 1923. 4 февраля): «Всякое унижение России, — писал Осоргин, — есть наше унижение. Всякий ее успех — наш успех. Этим мы резко отграничиваем себя от тех, кто воображает, что Россия спасется внутренним крахом и кто готов купить гибель большевиков ценою гибели страны. Наоборот — в выздоровлении страны мы видим залог гибели элементов ее разложения. И мы не только верим в ее выздоровление: мы его видим, жадно ловим его симптомы...»

¹¹ Имеется в виду рубрика газеты «Последние новости» «Печать» (См.: Последние новости. 1922. 28 ноября).

¹² «Руль» — ежедневная газета, выходила в 1920—1931 гг. Редакторы-издатели И.В.Гессен, А.И.Каминка, В.Д.Набоков. Газета выражала взгляды Берлинской группы кадетов.

¹³ *Кизеветтер А.А.* (1866—1933) — историк, профессор Московского университета, член ЦК партии кадетов; выслан в 1922 г. из России, жил в Праге.

¹⁴ См.: Руль. 1922. № 214.

¹⁵ *Жозеф де Местр* — французский философ и историк. Главная тема его научного творчества — французская революция, в сущности которой он искал религиозный смысл.

¹⁶ «Накануне» — ежедневная газета, выходила под редакцией Б.В.Дюшен, Г.Л.Кирдецова. С.Лукьянова в 1922—1924 гг. в Берлине.

¹⁷ *Пешихонов А.В.* (1867—1933) — публицист, общественный деятель, один из лидеров партии народных социалистов (энесов). В 1917 г. — министр земледелия в составе Временного правительства; товарищ председателя Совета Республики (Предпарламента); депутат Учредительного собрания. В 1922 г. выслан из России. Автор брошюры «Почему я не эмигрировал?» (Берлин, 1923). С 1927 г. — консультант Торгпредства СССР в Латвии.

¹⁸ *Рыс П.Я.* — публицист, кадет. В эмиграции — член Парижской группы кадетов, секретарь редакции газеты «Последние новости».

¹⁹ «Современные записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал (1920—1937 гг., Париж). Под редакцией Н.Д.Авксентьева, М.И.Бунакова, М.В.Вешнякова, А.И.Гуковского и В.В.Руднева. Очевидно, речь идет о статье Е.Кусковой «Слишком много «Руля» (Последние новости. 1922. 29 ноября).

²⁰ *Крэн (Крейн Ч.)* — американский предприниматель, общественный деятель, профессор языкознания, посол США в Китае.

²¹ *Мережковский Д.С.* (1866—1941) — писатель. С 1920 г. эмигрант.

²² *Устрялов Н.В.* (1890—1938) — политический деятель, кадет (с 1917 г.), публицист. С 1920 г. в эмиграции (Харбин). В 1935 г. вернулся в СССР.

²³ *Пасманик Д.С.* (1869—1930) — профессор, кадет. В эмиграции — член Парижского комитета кадетов, член бюро Временного русского комитета Национального объединения.

²⁴ *Корнилов Л.Г.* (1870—1918) — генерал, один из руководителей белого движения. Убит в бою.

²⁵ Речь идет о политической позиции берлинской группы кадетов, ставших членами Русского института в Берлине. В создании политических прогнозов они выступали с идеей «бережного отношения к историческому прошлому». Милюков неоднократно отмечал, что политический смысл «уважение к прошлому» равносильно попытке сохранить антидемократические формы государственности, что в утрированной форме означало отрицание прогресса (Последние новости. 1922. 5 декабря).

²⁶ *Стратонов В.В.* (1869—1938) — математик и астроном. Профессор Московского университета; выслан из России в 1922 г.

²⁷ Под «Национальным блоком» подразумевается объединение религиозного оттенка, группировавшееся вокруг Н.А.Бердяева и Л.П.Карсавина.

²⁸ *Набоков В.Д.* (1869—1922) — один из основателей партии кадетов, товарищ председателя ее ЦК, депутат I Государственной думы, управляющий делами Временного правительства. В эмиграции член Берлинской группы кадетов. Убит в 1922 г., заслонив от выстрела Милюкова.

²⁹ *Струве П.Б.* (1870—1944) — экономист, теоретик легального марксизма, редактор журнала «Освобождение», член ЦК партии кадетов. В эмиграции редактор изданий «Возрождение», «Русская мысль» и др.

³⁰ *Новгородцев П.И.* (1866—1924) — профессор истории, философии права Московского университета, депутат I Государственной думы; в эмиграции — профессор Русского народного университета. Русского юридического института, Карлова университета.

³¹ В политической программе кадетской группы П.Н.Милюкова установление республики являлось непрременным условием.

³² Имеется в виду жена П.Н.Милюкова.

³³ Многие газеты, в том числе и «Дни», писали о том, что они сомневаются в искренней приверженности П.Н.Милюкова и других представителей «буржуазной» демократии к республиканской форме государственного устройства в России. Одновременно А.Ф.Керенский предлагал примириться с позицией «Руля», выходившего под редакцией И.В.Гессена, не признававшего перспективным создание единого демократического фронта социалистических и несоциалистических сил в борьбе с большевизмом.

³⁴ Имеется в виду А.Ф.Керенский.

³⁵ 26 ноября 1922 г. состоялось открытие Религиозно-философской академии в Берлине. На ее открытии присутствовали митрополит Евлогий, академик Н.А.Котляревский, А.А.Кизеветтер, Н.О.Лосский, В.Э.Сеземанн, Л.П.Карсавин. Н.А.Бердяев сделал доклад «О духовном возрождении России и задачах религиозно-философской академии».

³⁶ *Евлогий (Георгиевский) В.С.* (1866—1946) — митрополит западноевропейских русских церквей.

³⁷ Экономический кабинет С.Н.Прокоповича был создан в Берлине в 1922 г. для изучения проблем экономической истории России.

³⁸ Лионский мэр Э.Эррио, побывав в Советской России в 1922 г., неоднократно выступал во французской печати и перед многочисленными аудиториями с хвалебными отзывами в адрес большевиков; голод в России в 1921 г. он объяснял только засухой, П.Н.Милюков выступил против Эррио с рядом статей: «Чего не знает г. Эррио», «Голод и Эррио» (Последние новости. 1922 г., 3 и 7 ноября). «Голод в России, — писал Милюков, — сделался хроническим, ибо действие климатических причин, во-первых, перестало предупреждаться заранее принятыми мерами, а во-вторых, осложнилось полной разрухой самых основ сельского хозяйства, отсутствием скота, машин и удобрений» (Последние новости. 1922. 7 ноября). Милюков, как и многие эмигранты, считал, что Эррио сделался орудием в руках большевиков.

³⁹ *Маклаков В.А.* (1869—1957) — адвокат, один из лидеров кадетов. В 1917 г. посол во Франции, затем эмигрант.

⁴⁰ В газете «Последние новости» в разделе «Печать», где помешались отклики на освещение политических событий в других эмигрантских газетах, П.Н.Милюков сообщал о полемике между С.Н.Прокоповичем (газета «Дни») и газетой «Руль» по вопросу о том, «можно ли за границей разоблачать секреты Красной армии». Прокопович утверждал, что при всей непримиримости к советскому строю, зарубежная пресса должна относиться к Красной армии как к национальной армии (См.: Последние новости. 1923. 27 июля, 14 августа). В статье «Пределы лояльности и революционности» Милюков солидаризировался с позицией С.Н.Прокоповича. Однако, замечал, что «принципиального решения на все случаи жизни быть не может» и что лояльное отношение определяется не

тем, что Красная армия служит советской власти, а тем, что она служит России» (Последние новости. 1923. 23 августа).

⁴¹ *Кишкин Н.М.* (1864—1930) — врач, член ЦК партии кадетов, принимал участие в «Тактическом центре». В 1921 г. вместе с С.Н.Прокоповичем и Е.Д.Кусковой работал во Всероссийском Комитете помощи голодающим. С 1923 г. — в Наркомздраве РСФСР. Споры Е.Д.Кусковой и П.Н.Милюкова о позиции Кишкина — споры о пределах допустимости сотрудничества с советской властью.

⁴² Фразы П.Н.Милюкова о «классических линиях» в известной мере являются ответом на утверждения Е.Д.Кусковой о том, что за шесть лет после 1917 г. в России шло постоянное «черчение линий» — основных и боковых, смысл которых состоял в уничтожении инакомыслия, в постоянных переменах, отступлениях и т.д. И поэтому, утверждала Кускова, эмигранты должны менять свою тактику и «отдать России свою гордость и свободу», как это сделал Пешехонов (См. его брошюру «Почему я не эмигрировал») (Кускова Е. Кто же запутался? // Дни. 1923. 22 августа).

⁴³ *Радек (наст. фам. Собельсон) К.Б.* (1885—1939) — участник революционного движения, член РСДРП, публицист. После Октябрьской революции на партийной работе. Репрессирован.

⁴⁴ См. передовые статьи «Последних новостей» за 1923 г. 5, 19, 20 июля. См. также статью П.Н.Милюкова «Падение патриарха Тихона» (Там же. 26 июля).

⁴⁵ Статья Е.Д.Кусковой о «Третьей России» под названием «Или-или» была опубликована в газете «Последние новости» в 1923 г. 19, 22 сентября и 13 октября.

⁴⁶ *Мельников Н.М.* (1882—1956) — юрист, мировой судья г. Калач, председатель Новочеркасской судебной палаты, председатель Донского правительства, председатель Южнорусского правительства. Эмигрант.

⁴⁷ *Врангель П.Н.* (1878—1928) — генерал, один из руководителей белого движения. С 1920 г. эмигрант.

⁴⁸ См. статью С.Н.Прокоповича «Пора» (Последние новости. 1923. 17 августа).

⁴⁹ *Авксентьев Н.Д.* (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров, участвовал во Всероссийском демократическом совещании. Предпарламенте, в создании «Союза возрождения России». В эмиграции один из редакторов «Современных записок».

⁵⁰ О какой статье идет речь выяснить не удалось. См.: Последние новости. 1923. 13 августа.

⁵¹ Имеются в виду споры по аграрному вопросу по поводу статей А.С.Орлова (Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1923, январь—июнь) и И.И.Бунакова-Фундаминского, занимающегося аграрными программами эмиграции (См.: Милюков П.Н. Сдвиги и лазейки в аграрном вопросе // Последние новости. 1923. 12 августа).

⁵² *Гронский П.П.* (1883—1937) — юрист, профессор, член ЦК партии кадетов. В эмиграции — член Парижского комитета партии кадетов.

⁵³ См.: Тхоржевский «Земля и скифы» (Вестник Русского Национального комитета. 1923. № 4).

⁵⁴ Де Монзи — французский сенатор, адвокат. После поездки в Россию опубликовал ряд статей во французской печати с восторженными отзывами о советской действительности; в одной из статей он настаивал на том, чтобы французские суды защищали покупателя, приобретшего у большевиков краденое имущество (См.: П.Н.Милюков. После Эррио г. де Монзи // Последние новости. 1922. 17 октября).

«ЦЕЛЮ ИНСТИТУТА ЯВЛЯЕТСЯ...»

Документы об организации и деятельности
Института исследования Сибири. 1919—1920 гг.

Публикуемые документы — уникальные источники по истории российской науки в годы революции и гражданской войны. В них нашло отражение стремление ученых России продолжать научную работу на благо Отечества в условиях распада государства и экономической разрухи. При этом ими двигала, прежде всего, ответственность за судьбы страны и понимание того, что их работа необходима народу.

Идея создания Института исследования Сибири возникла осенью 1917 г. в ходе работы 1-го Общесибирского метеорологического съезда в Иркутске. На съезде было избрано исполнительное бюро по организации института. Оно начало работу после свержения большевиков в июне 1918 г. К участию в работе по созданию института удалось привлечь ряд правительственных учреждений и общественных организаций.

В январе 1919 г. состоялся съезд учредителей Института исследования Сибири, на котором присутствовали представители всех заинтересованных ведомств. Подготовительную работу по созданию института взяло на себя Общество «Институт исследования Сибири», устав которого был зарегистрирован 11 февраля. В Совет Общества вошли ученые, намеченные съездом в качестве членов Совета будущего института. Его председателем стал профессор В.В.Сапожников, выдающийся русский ботаник, ученик К.А.Тимирязева. Совет провел 44 заседания, на которых были рассмотрены 428 вопросов.

Благодаря энтузиазму и трудолюбию ученых Обществу удалось сделать достаточно много. Проводились работы по земному магнетизму и исследованию фауны, флоры и климата Сибири. Для нужд будущего института был создан музей, началось комплектование библиотеки. Общество приступило к формированию статистико-экономического архива Сибири. Летом 1919 г. с группой слушательниц Томского университета были проведены краткосрочные курсы по архивоведению.

Параллельно с Советом Общества работала комиссия по выполнению решений съезда. Комиссия подготовила и передала в Совет министров Российского правительства проект Положения об Институте исследования Сибири и смету института на 1919 г.

Однако подготовительный период затянулся. Проекты документов проходили утверждение на межведомственном и государственном экономическом совещаниях. В процессе работы Общества «Институт исследования Сибири» и обсуждения Положения об институте возникли противоречия среди его организаторов. Представители колчаковской администрации были недовольны тем, что ведущим учреждением по исследованию Сибири становится общественная организация. Ученые различных сибирских регионов считали, что при планировании работы института не учитываются их интересы (см. док. № 1).

Уставные документы Института исследования Сибири были приняты Советом министров 28 июня, а утверждены А.В.Колчаком лишь в октябре 1919 г. Институт начал свою работу с 25 октября, когда в газете «Правительственный вестник» было опубликовано постановление Совета министров о его создании и Положение об институте¹. В соответствии с ним целью института являлось исследование природы,

¹ См.: Правительственный вестник. 1919. 25 октября.

жизни и населения Сибири «в видах наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития». Для достижения этого институт должен был стать координирующим центром научного исследования Сибири.

Институт создавался в то время, когда положение колчаковского режима было катастрофическим. Красная Армия громила в Сибири белые войска. В такой ситуации институт не смог в полной мере развернуть свою деятельность, хотя и провел определенную работу (см. док. №№ 2, 3). С приходом советской власти деятельность института замерла. Большевицкое руководство Сибири рассматривало институт как учреждение, где сосредоточивалась интеллигенция, враждебно настроенная к советской власти. Постановлением Сибревкома летом 1920 г. институт был закрыт. Однако практически институт действовал до конца этого года, когда вернулись экспедиции, организованные весной и летом.

О деятельности Института исследования Сибири говорилось в монографиях и статьях, посвященных культуре и науке этого региона в 1917—1922 гг. Однако его история освещалась фрагментарно и в рамках идеологической доктрины, господствовавшей в советском обществе². Данная публикация позволяет увидеть работу института глазами его организаторов и сотрудников, по достоинству оценить их самоотверженный труд.

Публикуемые документы хранятся в фондах Министерства народного просвещения Российского правительства Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 320). Ряд имен, названий административных должностей и населенных пунктов воспроизводятся по документам. О части лиц и организаций, упоминаемых в тексте, сведений не обнаружено. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Орфография и стилистика сохранены.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Л.А.МОЛЧАНОВ.

№ 1

Докладная записка директора Среднесибирского отделения Института исследования Сибири В.Б.Шостаковича¹ в министерство просвещения Российского правительства

№ 838

19 июня 1919 г.

В октябре—ноябре 1917 года Иркутская магнитно-метеорологическая обсерватория организовала в Иркутске Первый Общесибирский метеорологический съезд, на котором, между прочим, возник вопрос о необходимости создания особого института, всецело посвященного всестороннему исследованию Сибири.

На съезде было избрано бюро в составе председателя иркутской городской думы, председателя Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества², директора Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории и трех лиц по назначению съезда; задачей этого бюро было организовать в Иркутске Институт исследования Сибири.

---

² См.: Соскин В.А. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 — начало 1921 гг.). Новосибирск, 1921; его же. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны (К вопросу о классовом подходе и целесообразности деятельности) // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 3—12 и др.

В силу различных обстоятельств бюро пришлось начать работу только в июне 1918 года.

Исполнительному иркутскому бюро удалось привлечь к участию в работах ряд правительственных и общественных организаций, собрать некоторые средства. В сентябре 1918 года иркутское бюро вошло в переговоры с г[осподином] министром народного просвещения В.В.Сапожниковым³, который поддержал начинания бюро, признал необходимость устройства особого съезда для выработки проекта института. В.В.Сапожников, считая, что этот съезд должен быть при Министерстве народного просвещения, поставил необходимым условием созыв съезда в Томске, который, по его мнению, является средоточием в настоящее время научных сил Сибири.

Иркутское бюро согласилось с указанным условием и продолжало работать дальше уже в контакте с министерством.

После зрелого обсуждения важности предстоящего съезда, бюро приняло к замечанию, что съезд должен быть междуведомственным с обязательным участием различных ведомств.

Соответственное представление министру народного просвещения было признано правильным, и в результате в декабре 1918 года состоялось постановление Совета министров о созыве междуведомственного съезда в Томске.

Только после этого хлопоты по дальнейшей организации съезда были переданы томской группе.

Таким образом, участие иркутского бюро в осуществлении идеи института весьма значительно — без всякого преувеличения бюро вынесло на своих плечах всю работу до созыва съезда; при этом все было сделано частной инициативой и на частные средства.

Бескорыстно жертвуя свой мозг и силы, иркутское бюро верило, что оно работает для всей Сибири, а, в частности, и для Восточной Сибири.

Уступая настоянию В.В.Сапожникова о перенесении съезда из Иркутска в Томск, бюро, признавая известный научный авторитет Томска, было убеждено, что съезд, имея в виду интересы всей территории Сибири, выработает такую конструкцию института, при которой части его без ущерба, а наоборот, с пользой для общего дела, будут организованы в различных местах Сибири.

Съезд, созданный по постановлению Совета министров в 1919 году в январе в г. Томске⁴, не обманул ожиданий иркутского бюро и пришел к заключению, что для более целесообразной деятельности Института исследования Сибири не следует сосредоточивать все отделы института в одном месте.

После детального и всестороннего обсуждения съезд решил, что центральный институт и большинство его отделов должны быть организованы в Томске, местопребыванием геодезического отдела намечен Омск, геофизического — Иркутск.

Кроме того, предусматривалось учреждение двух отделений: Среднесибирского — в Иркутске и Дальневосточного — в Благовещенске и Владивостоке.

Целый ряд естественных, экономических и исторических условий властно диктовали необходимость известной децентрализации.

Громадная территория, обслуживать которую призван будущий институт, разноплеменное население, разнородные естественно-исторические и климатические условия, совершенно различные интересы сельскохозяйственного Запада и горнопромышленного Востока, различная, наконец, степень обследованности — все это было учтено съездом и привело съезд к заключению, что такая обширная по площади и разнородная по условиям территория не может правильно обслуживаться одним центром.

В этом отношении можно привести целый ряд примеров, когда централизация дорого обходилась государству. Укажем хотя бы на летучие, произведенные помимо местных центров, исследования Байкала, результатом которых явилась постройка слишком слабых для байкальского льда ледоколов; укажем на ряд крупных ошибок при постройке Забайкальской и Амурской жел[езных] дор[ог], явившихся результатом полного игнорирования центром (Петроградом) местных знаний, накопленных долготлетним опытом знакомства с краем.

Неожиданные для строителей сюрпризы в виде вечной мерзлоты, затруднения и невозможности пользоваться практикующимся в других местностях типами водоснабжения, капризные летние разливы рек Забайкалья — все это привело к размыву и разрушению больших участков насыпей и многих сооружений дороги и вызвало, в конечном результате, крупные убытки для государства.

Одним словом, долготлетняя практика давно уже показала, что всякие работы по изучению края, организуемые и ведущиеся из отдаленного центра, далеко не оправдывают тех результатов, на которые можно рассчитывать.

И вот два отделения института исследования Сибири — Среднесибирское и Дальневосточное — должны были, по мнению съезда, являться местными центрами, которые, находясь в постоянном контакте с центральным институтом, обслуживали бы интересы края. При отделениях должны были быть организованы областные библиотеки, музеи и справочные бюро. Отделения же намечают и вырабатывают план исследований своего района, они же следят за выполнением исследовательских работ, намеченных институтом в их районе.

Съезд определенно стал на точку зрения, что плодотворность работ института в очень большой степени будет зависеть от того обстоятельства, насколько тесно будет связан руководящий состав со своим изучаемым районом.

Между тем, при обсуждении в междуправительственном совещании в Омске 1—18 мая 1919 года⁵ вопроса об учреждении Института исследования Сибири решено совершенно исключить из положения об институте пункты, касающиеся двух отделений — Среднесибирского и Дальневосточного, и все отделы института сосредоточить в Томске.

Принимая во внимание все вышеизложенное, учитывая колоссальный вред, наносимый Восточной Сибири решением совещания, Сред-

несибирское отделение Института исследования Сибири ходатайствует перед Советом министров о сохранении отделений института в том виде, в котором они были определены положением, выработанным на съезде, и оставить за институтом право организовать отделы не только в Томске, но и в других городах Сибири.

Незначительные в сравнении с общим бюджетом института расходы на отделения несомненно окупятся той пользой, которую принесут отделения краю.

Для иллюстрации той односторонности, которая невольно получается при последовательной централизации, как доказательство, насколько будут при этом обеспечены интересы всей территории, мы позволим себе остановиться несколько на выработанной томской смете на 1919 год.

Предположены по смете ассигнования:

по отделу геофизики: устройство временной вариационной станции в Обдорске.....	1500 р.
Устройство постоянной магнитной станции в Томске.....	10650 р.
Устройство сейсмической станции в Томске	6700 р.
Подготовительные работы в Томской и Алтайской губерниях по расширению метеорологической сети.....	19300 р.
Отдел бальнеологии: обследование Алтая в целях отыскания местностей для горно-климатической станции и солнцелечения	6000 р.
Обследование группы озер в Челябинском уезде, где теперь устраиваются курорты без достаточных обследований	4000 р.
Отдел ботаники: три экспедиции в район Оби, изучение торфяных болот Томской губ.	35000 р.
Отдел зоологии: обследование фауны и «мора» рыб на Оби	43950 р.

Во всей значительной, достигающей свыше полмиллиона смете на научные предприятия нет ни слова о Сибири восточнее меридиана Томска.

Изучается Алтай в целях найти подходящие места для курортов, обследуется ряд озер Челябинского уезда, и забывается классическая страна минеральных источников — Забайкалье, где насчитывается около 400 минеральных источников самого разнообразного состава. Изучаются рыбные богатства Оби, и ждут очереди Енисей, Лена, Амур, Камчатка и побережье Тихого океана, колоссы международного значения по количеству доставляемых рыбных богатств по сравнению с Обью.

Одним словом, вся смета настолько проникнута местными, томскими интересами, что остальной «незначительной» части Сибири остается только махнуть на все рукой. И это в первый год существования института, когда еще свежи решения и постановления съезда, когда институт должен до известной степени выдержать экзамен, доказать свою важность для всей Сибири, привлечь все симпатии всех сибиряков.

Кончая свою записку, отделение не может не обратить внимание Совета министров на то обстоятельство, что в междуведомственном совещании не было представителей от отделений института, а равным образом отделение даже не было поставлено в известность представителем института пр[оф]. Б.П.Вейнбергом⁶ о возникшем в совещании предположении об уничтожении отделений, вследствие чего оно лишено было возможности представить в междуведомственное совещание свои соображения.

Директор Среднесибирского отделения
Института исследования Сибири
В.Б.Шостакович

ГА РФ. Ф. 320. Оп. 2. Д. 129е. Л. 25—26об. Копия. Машинопись.

№ 2

Отчет Совета Общества «Институт исследования Сибири» о деятельности Общества

Томск

[Не ранее 2 ноября 1919 г.]

Общество «Институт исследования Сибири» было учреждено группой членов съезда по организации Института исследования Сибири с целью выполнять задачи этого института впредь до его организации как правительственного учреждения. Устав его был зарегистрирован 11 февраля 1919 г. 12 февраля т.г. состоялось организационное собрание членов общества, избравшее в Совет Общества лиц, намеченных съездом в качестве членов Совета института: В.В.Сапожникова (председатель), Б.П.Вейнберга (товарищ председателя), Я.И.Николина, М.А.Великанова, В.И.Баумана, В.Я.Нагнибеда (казначей)⁷, В.Д.Дудецкого, П.Г.Любомирова⁸, М.Г.Курлова, Н.В.Гутовского (секретарь), П.П.Гудкова, П.Н.Крылова, М.Д.Рузского⁹, Б.Е.Будде¹⁰ и И.И.Бобарыкова.

Параллельно с Советом общества работала комиссия по проведению в исполнение постановлений съезда, состоявшая из президиума съезда и его секций во главе с председателем проф[ессором] Б.П.Вейнбергом. Комиссия имела с 31 января по 18 марта 1919 г. 8 заседаний, составила и размножила в достаточном количестве проекты положения об Институте исследования Сибири и штатов института, а также и смету института на 1919 г. с подробною объяснительною запискою к ним, каковые и были препровождены тогда же в Совет министров.

Существование общества, которое должно было быть лишь сравнительно кратковременной переходной стадией от съезда к Институту исследования Сибири, оказалось более длительным, чем предполагали его учредители, так как несмотря на двухкратные поездки — по месяцу каждая — председателя съезда проф[ессора] Б.П.Вейнберга в Омск — первый раз для проведения положения, штатов и сметы института через особое междуведомственное совещание, другой раз в июле — для проведения их через Государственное экономическое совещание¹¹ — положение об институте, расписание должностей и окладов служащих в инсти-

туте и смета на 1919 г. были приняты Советом министров лишь 28 июля и утверждены Верховным Правителем в октябре. Положение об институте опубликовано в «Правительственном вестнике» 25 ноября, № 266, с какого числа и надо считать институт действующим в качестве правительственного учреждения.

Задержка в принятии положения об институте значительно тормозила развитие деятельности общества, не располагавшего притом почти никакими средствами до мая, когда по представлению междуправительственного совещания обществу было отпущено — по расчету на два месяца неотложных работ — 230000 рублей, на которые обществу и пришлось существовать в течение шести месяцев вместо двух. Это обстоятельство, равно как и общее состояние Сибири, во многих местах которой происходили волнения, препятствовавшие спокойной исследовательской работе, — не позволили развернуть деятельность общества даже в тех скромных размерах, какие определялись междуправительственным совещанием в качестве наиболее неотложных работ.

Поэтому главное внимание Совета общества и советов отделов общества было обращено на выработку планов работы института в ближайшем будущем и на организационную работу, представляющую весьма трудную задачу в учреждении с такими широкими целями, какие поставлены институту. Для характеристики этой работы достаточно сказать, что Совет общества имел за это время 44 заседания, на которых были рассмотрены 428 дел и вопросов, преимущественно организационного характера, причем с сентября обязанности ученого секретаря исполнял Я.И.Николин.

Точно также, главным образом, организационный характер носила работа отделов.

Геодезический отдел состоял из проф[ессора] Томского технологического института В.И.Баумана, начальника Омского военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба проф[ессора] Н.Д.Павлова, старш[его] заведующего технической частью Томского переселенческого района П.К.Соболевского, межевого инженера, старшего производителя работ Томского переселенческого района И.Д.Андросова, дир[ектора] Томского политехнического училища, межевого инженера Д.Н.Невского.

Кроме общей организационной работы, отдел был занят подготовкой съезда деятелей по геодезии и картографии, каковой должен был быть созван осенью 1919 г., подготовкой, состоявшей в разработке и рассылке программы съезда, на созыве специальных совещаний из представителей различных учреждений г. Томска для обсуждения тем докладов и в поручении отдельным лицам представить доклады на определенные темы.

Из других мероприятий была намечена организация вычислительного бюро для перечисления географических координат в систему координат Зольднера-Гауса. Для выполнения этой задачи П.К.Соболевским при содействии переселенческого управления вычислены необходимые для перехода от одной системы координат к другой таблицы, а проф[ессором] Бауманом разработаны формулы для контрольного вы-

числения по этим таблицам. Кроме того, отдел принимал участие в рассмотрении проекта инструкции с новой стороны, объединяющей основные и съемочные работы переселенческого управления, отдела земельных улучшений и лесного отдела.

Н.К.Соболевский во время командировки в Омск возбудил вопрос об объединении съемочных и геодезических работ различных ведомств и учреждений и о тех требованиях, которым должны удовлетворять эти работы, чтобы доставленный ими плановый материал имел бы общее картографическое значение. По инициативе его в г. Омске созвана междоуведомственная комиссия для рассмотрения этих вопросов. Протоколы заседаний этой комиссии и разработанные ею инструкции поступают на рассмотрение отдела.

Всего со времени с 1 февраля по 1 ноября отдел имел 10 заседаний. За последнее время член совета П.К.Соболевский приступил к организации службы времени для намеченной отделом геофизики сейсмической станции и др. учреждений г. Томска.

В состав отдела геофизики входили: директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории В.Б.Шостакович, заведующий магнитной станцией в Зуе В.К.Абольд и старший ассист[ент] Томского технологического института В.Д.Дудецкий, но работы отдела, главным образом, сосредоточились в Томске.

По отношению к изучению земного магнетизма: а) были оборудованы восемь приборов для пригодных определений элементов земного магнетизма; б) организована магнитная экспедиция в Обскую губу С.И.Шубина, сделавшего определения в ряде пунктов по Оби и Обской губе; в) были снабжены магнитными приборами некоторые другие экспедиции, дооборудована и подготовлена к правильной работе сейсмическая станция при Томском технологическом институте.

Начата работа по собиранию и классификации материалов по климату Сибири. Последняя работа велась под руководством Г.К.Тюменцева, который при поддержке отдела продолжал свою работу о климате Западной Сибири. Кроме того, отдел давал поправки к метеорологическим приборам по просьбам экспедиций, отправляющихся весной и летом, различные справки и т.п.

Отдел гидрологии состоял из начальника исследований р. Томи М.А.Великанова (председатель), проф[ессора] Томского технологического института Я.И.Николина (секретарь), директора маяков и лоций Северного морского пути¹² Д.Ф.Котельникова, начальника управления по устройству дорог и водных сообщений Ленско-Байкальского района А.Н.Лагутина, начальника Обского участка Томского округа путей сообщения И.М.Гаккеля и начальника главного управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Н.Н.Соколова. Но ввиду отсутствия из Томска в течение всего или почти всего времени последних четырех лиц, работа велась почти исключительно М.А.Великановым и Я.И.Николиным при участии приглашенных инженеров-гидрологов.

За время по 1 ноября в отделе составлялся проект гидрологической лаборатории, который близок к окончанию; собирались документальные и картографические данные по гидрологии морских, речных, почвенных

и грунтовых вод путем сношений с разными учреждениями, которые производили гидрологические исследования в Сибири с различными целями: было организовано собирание и систематизация по карточной системе библиографических материалов из технических журналов как собственно по гидрологии, так и по другим отделам техники в отношении Сибири; организация экспедиций для исследования и изучения белого угля по алтайским рекам не могла быть выполнена истекшим летом ввиду событий момента; точно также организованное В.Семеновским на субсидию от института обследования озер Зауралья было прервано в самом начале приближением театра военных действий.

Экспедиция Д.Ф.Котельникова в устье Оби должна дать в распоряжение отдела материал по гидрологии указанного района.

За отчетное время М.А.Великанов закончил для печати работу «Распределение скоростей по вертикали» и собирал данные для решения вопроса о зависимости между количеством атмосферных осадков и стоком в реки по материалам, относящимся к бассейну р.Томи. Я.И.Николин занимался дополнением новыми данными своей работы по исследованию грунтовых вод по западной части Омской железной дороги. О гидрологических работах, предпринятых А.Н.Логутиным в Ленско-Байкальском районе, сведений пока не получено.

Отдел бальнеологии и курортоведения, состоящий из профессоров Томского университета М.Г.Курлова¹³ и П.П.Орлова¹⁴ и доцента Томского университета Н.С.Спасского¹⁵, наметил на прошлое лето три экспедиции: М.Г.Курлова — для исследования курортов северного Алтая, П.П.Орлова — для исследования Борового и близлежащих озер, Н.С.Спасского — для осмотра озер близ Челябинска. Из этих экскурсий вторая и третья не могли состояться по обстоятельствам военного времени; экскурсия проф. Курлова была выполнена лишь отчасти, так как намеченные к поездке с ним лица были задержаны в Томске по обстоятельствам военного времени. Во время этой экскурсии были осмотрены курорты для легочных больных — Чемал и Черга и, частично, Ново-Белокурихинские источники. Отчет об этой экскурсии постановлено напечатать в «Известиях» института.

Было положено основание библиографическому каталогу отдела, и уже составлено до 1000 карточек, из которых образован алфавитный указатель по авторам и по отдельным курортам Сибири.

Выработаны и одобрены Советом воззвания к разным ученым обществам Сибири, к редакциям газет и администрации отдельных курортов Сибири с целью привлечь представителей обществ в качестве работников отдела и собрать имеющуюся у них литературу о сибирских источниках.

Приступлено к выработке инструкций для планомерного изучения сибирских лечебных местностей.

Отдел давал советы и сведения по различным вопросам бальнеологии Сибири, как например, соображения об исследовании озера около деревни Усть-Ага и озера Провалища Балаганского уезда, сведения учредителям О[бществ]ва сибирских курортов о климатических условиях

Баян-Аула, Борового и Ката-Карагая, где означенное общество предполагает построить свои санатории для туберкулезных больных.

Кроме того, отделом производится исследование соли, присланной Павлодарским военно-промышленным комитетом.

В состав отдела ботаники входили: ботаник Российской академии наук, проф. П.Н.Крылов¹⁶ (председатель с 25 июня), проф. Томского университета В.В.Сапожников (председатель до 25 июня), ассистент Петроградского лесного института Б.Н.Городков, секретарь Докучаевского почвенного комитета С.С.Неуструев и член того же комитета, почвовед Оренбургского земства и войска М.И.Рожанец (секретарь).

Наиболее крупным предприятием отдела была организация экспедиции В.В.Сапожникова и асс. Е.В.Никитиной в Обскую губу для изучения растительности тундры. Кроме того, в окрестностях Томска асс. В.И.Баранов вел под наблюдением проф. П.Н.Крылова экологические наблюдения; член отдела С.С.Неуструев разработал вопрос об организации при Институте исследования Сибири бюро по составлению карты естественных районов Сибири; член отдела Б.Н.Городков находился с конца мая в ученой командировке от Академии наук для изучения тобольского Севера; член отдела М.И.Рожанец во время командировки в Семипалатинскую область от переселенческого управления имел поручение от отдела собрать коллекцию почвенных типов для музея отдела, что и выполнил лишь отчасти (также вследствие обстоятельств военного времени).

Отдел приступил к собиранию и систематизации различных материалов и обсуждению вопроса о составлении определителей растений Сибири.

Отдел зоологии. В состав отдела зоологии входили проф. Томского университета М.Д.Рузский (председатель), прив[ат]-доцент Томского университета Г.Э.Иоганзен (секретарь)¹⁷ и консерватор Минусинского музея В.Д.Кожачников, но последний, не имея возможности приехать в Томск ранее начала ноября, занимался разработкой программы работ отдела в области энтомологии и не принимал участия в текущей работе отдела. Проектировавшиеся отделом экспедиции членов отдела М.Д.Рузского и Г.Э.Иоганзена в бассейн Оби для исследования мора рыб не состоялись по независящим от них обстоятельствам, а состоялась лишь экспедиция ассистента Е.Ф.Киселевой в Тобольск, а оттуда вниз по Иртышу и Оби до Обдорска для сбора ихтиологических коллекций, которые в настоящее время и разрабатываются при содействии члена отдела М.Д.Рузского.

Член отдела М.Д.Рузский производил биологические наблюдения над некоторыми обскими рыбами и руководил занятиями асс[истентки] М.И.Хлебниковой над исследованием икры Обских рыб и наблюдением времени их икрометания. Член отдела Г.Э.Иоганзен занимался собиранием местных животных и пополнением коллекций зоологического отдела. Кроме того, персоналом отдела производится обработка зоологических коллекций, доставленных членом отдела ботаники В.В.Сапожниковым из низовьев Оби и Обской губы.

Отдел лесоведения состоял, за отказом проф. П.Н.Крылова и отсутствием хранителя Ботанического музея Академии наук В.Н.Сукачева, из инспектора лесов при министерстве земледелия и колонизации П.Ю.Армандта, который, находясь в Омске, лишь разработал план работ и смету отдела и выполнял некоторые поручения Совета института в области этого отдела.

Отдел промышленно-технический состоял из профессоров Томского технологического института Е.В.Бирона (председатель до половины мая); И.И.Бобарыкова (председателя с половины мая); В.Я.Мостовича¹⁸, В.И.Минаева¹⁹, С.В.Лебедева²⁰, Г.Г.Поварнина и Н.С.Пенна (секретарь). План работ был предложен И.И.Бобарыковым с представлением сметы в размере 97000 руб. для производства ряда исследований. Причем, ввиду отсутствия у отдела собственных лабораторий было получено согласие на использование лабораторий университета и Технологического института от профессоров: Бирона, Бобарыкова, Вейнберга, Гудкова, Курбатова, Лаврского, Михайленко, Мостовича, Пенца, Усова²¹ и Чижевского²².

Кроме рассмотрения очередных вопросов организационного характера, на заседаниях отдела было сделано поручение следующим лицам: 1) проф[ессору] Н.П.Чижевскому — химическое исследование Суджинских углей; 2) члену отдела И.И.Бобарыкову: а) определение в механической лаборатории Технологического института механических свойств сосны из Обско-Чулынской дачи, согласно представленного плана. (Выяснение химических свойств того же леса будет произведено в химической лаборатории органических веществ членами отдела Г.Г.Поварниным и В.И.Минаевым, а анализ почв — в лаборатории проф[ессора] С.В.Лебедева), б) определение степени пригодности кедр, березы, осины и ветлы для изготовления из этого леса клепки (для этих исследований кооперативная организация Закупсбыта обещала свое содействие, в) исследование механических свойств кожи на определение сопротивления, на разрыв, стирание и изгибы; 3) члену отдела В.И.Минаеву — исследование свойств льняного волокна; 4) инженеру Л.Н.Богоявленскому — анализы радиоактивных веществ; 5) члену отдела Г.Г.Поварнину — изучение способов разгонки древесной смолы; б) инженеру Пономареву — 21 исследование охры и других полезных ископаемых, доставленных из Енисейской губ. К сожалению, вследствие трудных обстоятельств, переживаемых страной, нельзя было произвести некоторые другие намеченные работы, например, исследование медных руд Риддерского рудника, порученное члену отдела В.А.Мостовичу, вследствие невозможности проехать туда ввиду военных действий. Кроме того, член отдела Г.Г.Поварнин работал над химическим исследованием кожи, определяя константы влажности, содержание жиров; количество веществ, вымываемых водой и спиртом, содержание азота и вымываемых таннинов. Член отдела Н.С.Пенн в течение лета собрал материал по обследованию золотопромышленных предприятий Сев[еро]-Енис[ейского] горного округа и приступил к обработке его. Член отдела С.В.Лебедев был почти все время вне Томска и почти не принимал поэтому участия в работах отдела.

В составе историко-этнологического отдела были избраны съездом проф. Томского университета П.Г.Любомиров, директор департамента земледелия Н.Н.Козьмин и лектор Иркутского университета В.Ж.Жамцарано, но за отсутствием в Томске последних двух лиц всю работу по отделу нес П.Г.Любомиров, исполнявший разнообразные обязанности и по составлению сметы, и по участию в заседаниях Совета, и по составлению ответов на запросы Совета. Кроме того, П.Г.Любомиров вел письменные сношения и переговоры об организации экспедиции в Тобольск и др. места (с Б.П.Денике), на Алтай (с А.Г.Смешеком), об организации раскопок [с В.Ф.Смолиным] и т.д.; состоя членом библиографической комиссии, участвовал в выработке правил для составления карточек, в инструктировании первоначального состава работников и частью в надзоре за работой их. Позже принимал участие в текущей работе библиографической комиссии, а также в выработке проектов взаимоотношения Совета, отделов и отделений института; летом провел краткосрочные занятия по архивоведению (с небольшой группой слушательниц Томского университета). С 12 октября в работе стали принимать участие сотрудники: проф. В.М.Грибовский (присутствовал лишь в одном заседании), проф. А.Д.Григорьев и К.И.Томашинская. Помимо ученых вопросов общеинститутских — об изданиях института, о лекциях и докладах, о комиссии по составлению этнографической карты Сибири, отдел приступил к внутренней организационной работе и к выработке плана работ на ближайшие зимние месяцы.

Состав статистико-экономического отдела был следующий: 1. Статистическое отделение — проф. Академии Генерального штаба А.И.Медведев, проф. Томского университета П.Н.Лашенков²³, заведующий статистическим отделом Томского переселенческого района прив[ат]-доцент Томского университета Б.Я.Нагнибеда, председатель Акмолинской областной земской управы П.Н.Дорохов; 2. Экономическое отделение: проф. Томского университета С.П.Никонов²⁴, главноуправляющий копей и рудников Кузнецкого металлургического общества А.А.Перлов, заведующий распределительным отделом Западно-Сибирского районного комитета по топливу А.А.Скворцов, прив[ат]-доцент Томского университета А.И.Улинский, профессор Томского университета Б.Е.Будде и бывший правитель дел Дальневосточно-Сибирского отдела Русского географического общества и министр снабжения И.И.Серебреников.

Основным заданием статистического отделения на текущий год является систематизация всех статистических материалов по экономике Сибири и издание справочника «К познанию Сибири». С этой целью отделением предприняты шаги к привлечению сотрудников организации редакционной комиссии и т.д.

Кроме издания сборника, часть кредитов по статистико-экономическому отделу советом постановлено использовать на производство экспедиционного исследования по санитарной и экономической статистике. Объектом такого обследования могло бы послужить положение рабочего класса горной промышленности в Западной Сибири.

На совместном заседании советов статистико-экономического и историко-этнологического отделов при участии проф. Томского университета С.И.Руденко²⁵ рассмотрен вопрос об издании карты племен Сибири. В виду того, что подобная работа в Академии наук в отношении Сибири не произведена, решено произвести ее в Институте исследования Сибири по плану и в соответствии с инструкцией, составленной Академией наук, на что и ассигнованы были отделом нужные средства.

Со стороны совета отдела были предприняты также шаги по созданию статистико-экономического архива. Во все статистические отделы сибирских организаций и учреждений, как общественные, так и государственные, посланы извещения о создании при Институте истории Сибири статистико-экономического архива с просьбой о присылке для него статистических материалов, результатов исследований разработочных листов, планов, сметных исчислений, отчетов, печатных трудов и т.д. Поступившие материалы заносятся на библиографические карточки, выработанные для этого советом отдела.

Кроме того, отдельные члены отдела выполняют следующие монографические работы на разные темы по статистике и экономике Сибири: 1) С.П.Никонов «Кооперация Сибири»; 2) Б.Е.Будде «Экономическая роль Сибири в конструкции русского народного хозяйства»; 3) П.Н.Дорохов «О ярмарках Семипалатинской области»; 4) А.И.Улинский «Характеристика податного обложения в Сибири»; 5) И.И.Серебренников «Промышленность в Восточной Сибири»; 6) Б.Я.Нагнибеда «Экономическое положение населения Нарымского края»; 7) А.А.Скворцов «Современное состояние железнодорожного транспорта»; 8) П.Н.Лашценков «Основы общественной медицины и санитарии в Сибири» и «Туберкулез и труд» (часть работы на тему «Условия труда в Сибири и санитарно-гигиеническом отношении»).

Музей при Институте исследования Сибири составил из предметов, которые находились в музее О[бществ]а «Народное образование» в г. Томске и в областном музее. Коллекции этих двух музеев целиком были переданы в музей Института исследования Сибири и помещены временно в горном корпусе Технологического института.

Библиотека. При организации библиотеки были сделаны от имени Института исследования Сибири к разным учреждениям и лицам обращения о присылке печатных трудов Институту исследования Сибири.

На приглашение отозвались разные лица и учреждения, причем получено от жертвователей по 1 ноября с.г. 1136 названий книг, брошюр и каталогов, в том числе 794 от Томской бесплатной народной библиотеки, а также 50 различных повременных изданий.

Кроме того, сделано сношение со всеми значительными библиотеками г. Томска о пользовании книгами этих библиотек на началах взаимности. В виду этого приступлено к составлению для института общих карточных каталогов книг по Сибиреведению и всех русских повременных изданий в библиотеках г. Томска, для чего разрабатываются порядки и правила исполнения этой работы.

Библиотечное бюро. Для пленарной работы по библиографии Сибири была составлена библиографическая комиссия из следующих лиц:

А.И.Улиńskiego, П.Г.Любомирова, Б.П.Вейнберга, М.Г.Курлова, М.П.Рожанец, А.И.Милютина, В.Д.Кузнецова²⁶, Э.В.Диля²⁷ и М.К.Азадовского²⁸. Выработав основные положения для библиографических занятий, бюро приступило к составлению библиографий периодической прессы после Межова²⁹. Просмотрены почти все научные и периодические издания Сибири (по материалам университетской библиотеки). В настоящее время рассматриваются центральные издания и журналы общего характера.

ГА РФ. Ф. 320. Оп. 2. Д. 129з. Л. 12—17. Копия. Машинопись.

№ 3

Отчет дирекции Института исследования Сибири комиссариату по народному образованию при Сибирском ревкоме³⁰ об организации и деятельности института

Томск

[Не позднее 1 мая 1920 г.]

Мысль о необходимости объединения исследования Сибири, отчетливо высказанная на первом Сибирском метеорологическом съезде в октябре 1917 г., вылилась в организацию исполнительного бюро по учреждению Института исследования Сибири. На последовавшем в январе 1919 г. многолюдном «съезде по организации Института по исследованию Сибири» в ряде докладов были выяснены вопиющая недостаточность исследований Сибири в разнообразных отношениях (особенно наглядная на прилагаемых картах); неосведомленность исследователей о сделанных и предполагаемых исследованиях; отсутствие в большинстве случаев общего плана исследований и вызываемое этим зачастую отсутствие соответствия этих исследований общегосударственным задачам.

Из совокупности этих докладов отчетливо вырисовывалась непроизводительная затрата энергии и народных средств на исследования Сибири и вытекающая отсюда невозможность рационально использовать ресурсы этого края, которому суждено играть основную роль в экономической жизни России. В виду этого была единодушно признана необходимость учреждения Института исследования Сибири, существование которого устранило бы эти проблемы.

Часть участников съезда желала видеть в этом институте вторую — Сибирскую — Академию наук, но большинство определенно высказалось за то, что «целью института является планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития».

В соответствии с этой общею целью съезд, всесторонне обсудив вопросы, выработал «Положение об Институте исследования Сибири», по которому институт являлся самостоятельным государственным учреждением (находящимся в ведении непосредственно Совета министров), и не только ведущим исследования и собирающим их результаты, но и вырабатывающим общий план их и принимающим меры к их объединению и к соответствию их этому общему плану.

Для того, чтобы иметь возможность использовать предстоящий летний период, представляющий наиболее удобное время для ряда исследу-

дований, было вскоре учреждено общество «Институт исследования Сибири» с теми же задачами, что и намеченный правительственный институт. Комиссия же по проведению в исполнение постановлений съезда, разработав детальную смету на 1919 г., представила Положение об институте и смету на 1919 г. в марте в Совет министров. После рассмотрения в ряде инстанций Положение и смета были окончательно утверждены лишь в октябре, причем в Положении было исключено даже упоминание о том, что институт «принимает меры к объединению исследований и к соответствию их общему выработанному плану»; число отделов было уменьшено с 11 до 6 путем соединения нескольких отделов вместе; институт был включен в состав учреждений Министерства народного просвещения.

Еще более значительным изменениям в смысле сокращения ассигнований подверглась смета на 1919 г., которая с 8 миллионов, по довольно общим предположениям съезда, и 4 миллионов соответственно детально разработанным предположениям комиссии по проведению в исполнение постановлений съезда, была доведена до 1230000 руб., причем еще существеннее была задержка в отпуске средств: лишь в мае обществу «Институт исследования Сибири» были отпущены 230000 р. на наиболее неотложные работы в течение двух ближайших месяцев в расчете, что в июле будет уже учрежден институт, но вследствие задержки в утверждении Положения, на эту сумму пришлось существовать до начала ноября, когда институту были открыты кредиты по всей, хотя и сокращенной, смете.

Все это в связи с военными действиями в ряде местностей Сибири не позволило Институту исследования Сибири развернуть свою деятельность даже в том скромном масштабе, какой намечался сметой, принятой междудеятельным совещанием, так что по литерам «Научные предприятия» и «Хозяйственные и операционные расходы» у института получились значительные остатки, тогда как по литере «Личный состав», вследствие повышения ставок почти в 3 раза, получился перерасход.

За короткое время своего существования институт организовал — экспедицию профессора В.В.Сапожникова и ассистентки Е.В.Никитиной (ботаника), и ассистента С.В.Шубина (земной магнетизм) в Обскую губу, и ассистентки Е.Ф.Киселевой (зоология) по Оби и Иртышу; проф[ессора] Б.П.Денике (история архитектуры) в Тобольск, А.Н.Липского (этнография) в Якутскую область и др.; оказал поддержку двум учреждениям Академии наук — геофизической станции в Томске и гидробиологической станции на Байкале, оставшимся без средств; положил начало областной библиотеки и областного музея при институте; организовал библиографическое бюро, просмотревшее и зарегистрировавшее уже на карточках значительное число периодических изданий; ведет ряд исследований по различным своим отделам, в частности, исследование копей, коксование каменного угля, продуктов перегонки дерева, руд, содержащих редкие металлы в промышленно-техническом отделе; произвел вырубку в определенных условиях и местах образцов леса для последующего изучения механических их свойств; учредил комиссии по изучению племенного состава Сибири и по составлению археологиче-

ской карты; собирает материалы проведенных исследований по различным вопросам, в частности, для разработки плана использования в Сибири белого угля и общего плана развития промышленности в Сибири; завязал сношения с целым рядом учреждений, ведущих дело исследования Сибири; произвел и производит организационную работу внутри самого себя, что особенно важно сделать с самого начала ввиду обширности задач института.

Немалым препятствием явился также недостаток персонала, так как весьма значительное число работников по исследованию Сибири, которые могли бы войти в состав института в качестве его членов, специалистов, ассистентов и так далее, было отрезано от Сибири фронтом, и только теперь открывается возможность путем вызова таких лиц объединить в Институте исследования Сибири не только самое ее исследование, но и персонально ее исследователей — шаги в этом направлении будут сделаны институтом, как только Областной Сибирский революционный комитет признает институт в качестве необходимого государственного аппарата и ассигнует средства на его содержание по смете, которая в настоящее время заканчивается составлением и будет в неопределяемом будущем представлена дополнительно.

В общих чертах эта смета представляет некоторое расширение и изменение первоначальной сметы, составленной комиссией по проведению в исполнение постановлений съезда, выражается в сумме около 19 миллионов рублей. Наиболее крупными статьями расходов являются устройство трех экспедиций для обследования запасов белого угля; постройка части гидрологической лаборатории (а именно тарировочного бассейна); организация ряда экспедиций; печатание «Известий» института, для которых имеется в готовом или почти готовом для печати виде более 160 печатных листов ценных научных работ и материалов, в том числе ряд числовых таблиц для сборника «К познанию Сибири» и обширная работа М.К.Азадовского по библиографии Сибири, являющаяся продолжением библиографии Межова.

Для более детального ознакомления с историей возникновения и характером деятельности института Совет института прилагает особо к настоящему представлению:

1. Доклад на первом сибирском метеорологическом съезде проф[ессора] Б.П.Вайнберга «Об учреждении Института исследования Сибири» с последовавшими затем прениями³¹.
2. «Труды съезда по организации Института исследования Сибири».
3. Смету Института исследования Сибири на 1919 г. и объяснительную записку к Положению об институте и к этой смете, составленные комиссией по проведению в исполнение постановлений съезда³².
4. Отчет Об[щест]ва «Институт исследования Сибири» за время его существования (февраль—октябрь 1919 г.)³³.
5. Постановление об учреждении Института исследования Сибири и Положении об институте.

Будучи твердо убежденным, что Областной Сибирский революционный комитет разделяет точку зрения обоих съездов и нынешнего состава Института исследования Сибири на необходимость существования института как государственного учреждения и на его задачи, Совет ин-

ститута продолжает намечавшееся расширение деятельности института, усиленно разрабатывает план работ и смету на 1920 г.; готовится к использованию предстоящего летнего периода и к съезду института, который, согласно Положению об институте, должен быть созван не позднее 1 мая этого года, приступил к организации курсов для подготовки исследователей, контингент которых облегчит возможность проведения программы работ этого лета.

В виду необходимости иметь полную уверенность в возможности привлечения новых работников и обеспечения положения прежних, Совет института просит Сибирский Областной революционный комитет утвердить — с изменениями, соответствующими общей конструкции учреждений советской России, — Положение об институте. Вместе с тем Совет института обращает внимание комитета на желательность, с точки зрения экономии народных средств и продуктивности работы при происходящих теперь перегруппировках и преобразованиях различных учреждений, передать Институту исследования Сибири многие из исследовательских функций, принадлежавших прежде ряду ведомственных учреждений, причем зачастую исследования велись ими не только с узковедомственной точки зрения, но и одновременно и параллельно несколькими учреждениями различных ведомств.

И.о. директора института проф.

В. Сапожников

Ученый секретарь

Н. Бакай

С подлинным верно

Делопроизводитель

Л. Молчанов

ГА РФ. Ф. 320. Оп. 2. Д. 129з. Л. 32—34. Заверенная копия. Машинопись.

Примечания

¹ *Шостакович В.Б.* — член Русского географического общества. Внес большой вклад в изучение климата и сейсмологии Сибири.

² Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества был открыт в Иркутске в 1851 г. под названием Сибирский отдел Русского географического общества. В 1877 г. переименован в Восточно-Сибирский. Имел Красноярский подотдел. Проводил исследования в области картографии, экономики, этнографии, климата, фауны и флоры Сибири. Организовывал съемочные и маршрутные экспедиции.

³ *Сапожников В.В.* (1861—1924) — в 1917—1918 гг. ректор Томского университета, профессор кафедры ботаники. С ноября 1918 г. по май 1919 г. — министр просвещения Российского правительства.

⁴ Съезд по организации Института исследования Сибири работал с 15 по 25 января 1919 г. в Томске. Ряд заседаний съезда проходил совместно с сибирскими Обществом естествоиспытателей и врачей и Физико-техническим обществом. На съезде были приняты проект Положения института и проект постановления об его открытии.

⁵ Межведомственное совещание работало с 1 по 18 мая 1919 г. в составе представителей министерств — народного просвещения, военного, финансов, земледелия, торговли и промышленности — Государственного контроля и Главного управления по делам вероисповеданий. Совещание было посвящено созданию Института исследования Сибири. На нем были приняты проекты Положения об Институте исследования Сибири, сметы и расписания должностей и окладов института. Была одобрена редакция законопроекта об его учреждении.

⁶ *Вейнберг Б.П.* (1871—1941) — выдающийся физик, автор более 200 работ по земному магнетизму, теории вероятности и математической статистике. Ординарный профессор по кафедре физики Томского технологического института. После окончания гражданской войны переехал в Ленинград в связи с назначением его директором Главной геофизической обсерватории. Во время Великой Отечественной войны консультировал строителей «Дороги жизни».

⁷ *Нагибеда В.Я.* (1878 — не ранее 1957) — профессор Томского университета по кафедре теории и техники статистики. Занимался разработкой теоретических вопросов организации и проведения статистических исследований. Его перу принадлежат работы, посвященные статистическому изучению экономики и переселенческого населения Томской губернии.

⁸ *Любомиров П.Г.* (1885—1935) — и.д. ординарного профессора по кафедре русской истории Томского университета. Ученик А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова. Автор труда «Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв.».

⁹ *Русский М.Д.* (1864—1948) — экстраординарный профессор по кафедре зоологии и сравнительной анатомии Томского университета. Его перу принадлежат более 120 печатных работ по зоогеографии, систематике и биологии животных.

¹⁰ *Будде Б.Е.* (1889—?) — в сентябре 1918 г. с частью профессорско-преподавательского состава был эвакуирован из Казани в Томск. Профессор Томского университета по кафедре финансового права. В мае 1919 г. указом А.В.Колчака назначен членом Государственного экономического совещания. Специализировался в области имущественного права.

¹¹ Государственное экономическое совещание было создано в 1919 г. В его состав входили представители различных ведомств колчаковской администрации, а также выборные представители от торгово-промышленных кругов, земств, кооперации и профсоюзов. Функционировало как постоянно действующее учреждение. Во главе его стоял Г.К.Гинс.

¹² Северный морской путь (СМП) — судоходная морская магистраль, проходящая вдоль северных берегов России по морям Северного Ледовитого океана. Первое сквозное плавание по СМП было совершено в 1878—1879 гг. шведской экспедицией Н.А.Э.Норденшельда.

¹³ *Курлов М.Г.* (1859—1932) — один из основателей сибирской бальнеологии, внес большой вклад в развитие гематологии. С 1903 по 1906 г. был первым выборным ректором Томского университета, заслуженный ординарный профессор по кафедре врачебной диагностики и терапевтической факультетской клиники. Прославился как талантливый лектор и выдающийся педагог. В 1928 г. вышла его книга «Бальнеология Сибири», над которой автор трудился более 20 лет.

¹⁴ *Орлов П.П.* (1859—1937) — и.д. ординарного профессора по кафедре общей химии Томского университета; внес большой вклад в изучение минеральных богатств Сибири. Одним из первых начал исследовать радиактивность природных объектов края. В 1917 г. возглавлял кафедру неорганической химии.

¹⁵ *Спасский Н.С.* (1867—?) — первый физиолог, получивший степень доктора медицины в Томском университете. Занимался исследованиями в области фармакологии. Профессор Томского университета по кафедре бальнеологии.

¹⁶ *Крылов П.Н.* (1850—1931) — член-корреспондент АН СССР, ординарный профессор по кафедре фармации и фармакогнозии Томского университета, Один из организаторов Томского ботанического сада. Автор ряда фундаментальных работ по сибирской флоре.

¹⁷ *Иогансен Г.Э.* (1866—1930) — известный сибирский зоолог, профессор по кафедре сравнительной анатомии и зоологии Томского университета. Его перу принадлежат около 140 печатных работ по фауне и фенологии Сибири. Его именем названо несколько новых форм животных.

¹⁸ *Мостович В.А.* (1880—1935) — профессор Томского университета по кафедре металлографии. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1934 г.). Занимался разработкой технологии обогащения руд благородных и цветных металлов.

¹⁹ *Минаев В.И.* (1877—1937?) — профессор Томского университета по кафедре химии. В 1919—1920 гг. являлся проректором Томского технологического института. Занимался органической частью технической химии, волокнистыми и красящими веществами. Во 2-й половине 30-х гг. был репрессирован.

²⁰ *Лебедев С.В.* (1876—1938) — профессор Томского университета по кафедре технической химии. В гражданскую войну возглавлял отдел промышленности в министерстве торговли и промышленности Российского правительства. В 1926—1930 гг. являлся деканом химического факультета Томского университета. В 20-е гг. принимал участие в разработке плана создания сахарного производства в Сибири. Его перу принадлежат труды по химической технологии питательных веществ.

²¹ *Усов М.А.* (1883—1939) — выдающийся геолог, член-корреспондент АН СССР (1932 г.), действительный член АН СССР (1939 г.). Ученик академика В.А.Обручева. И.д. ординарного профессора по кафедре палеонтологии и исторической геологии Томского технологического института, профессор по кафедре динамической геологии Томского университета. Один из основоположников учения о геологических формациях и учения о фациях магматических пород.

²² *Чижевский Н.П.* (1873—1952) — выдающийся химик, академик АН СССР (1939 г.), лауреат Сталинской премии (1943 г.), профессор Томского университета по кафедре технической химии. Окончил Горную академию в Леобене (Австрия). Участник революционного движения в России. Ему принадлежат труды по проблемам металлургии стали и железа, расширению топливной базы металлургии. Один из разработчиков теоретических основ конструирования коксовых печей с рециркуляцией газов.

²³ *Лашенков П.Н.* (1864—1925) — ординарный профессор по кафедре гигиены Томского университета. Сделал ряд выдающихся открытий в бактериологии. После гражданской войны возглавлял санитарно-эпидемиологический отдел Томского университета.

²⁴ *Никонов С.П.* (1868 — не ранее 1928) — профессор кафедры торгового права Томского университета. Входил в состав Сибирской областной думы. После окончания гражданской войны работал в Дальневосточном университете. Автор работ по гражданскому и торговому праву.

²⁵ *Руденко С.И.* (1885—1969) — географ, этнограф, археолог и антрополог. Возглавлял отделение этнографии Географического общества СССР. Являлся профессором по кафедре географии и антропологии Томского университета.

²⁶ *Кузнецов В.Д.* (1887—1963) — выдающийся физик, создатель томской школы физики твердого тела. Член-корреспондент АН СССР (1946), действительный член АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1957). Профессор Томского университета по кафедре металлофизики.

²⁷ *Диль Э.В.* (1890—1930) — и.д. экстраординарного профессора по кафедре классической филологии Томского университета. В 1918 г. участвовал в следст-

венной комиссии, учрежденной по делу об убийстве Николая II. Один из организаторов скаутского движения в Томске в годы гражданской войны.

²⁸ *Азадовский М.К.* (1888—1954) — фольклорист, литературовед, этнограф. Преподавал в Томском, Иркутском и Ленинградском университетах. Автор трудов об устном народном творчестве, о связи литературы и фольклора, о писателях-декабристах.

²⁹ *Межов В.И.* (1830—1894) — библиограф. Составитель многочисленных отраслевых (крупнейший — «Русская историческая библиография»), краеведческих библиографических указателей.

³⁰ Сибирский революционный комитет (ревком) (1919—1925) был организован постановлением ВЦИК от 27 августа 1917 г. в Челябинске. 7 октября 1919 г. СНК принял временное положение о Сибревкоме, который являлся высшим органом центральной власти РСФСР в Сибири.

³¹ Доклад не найден.

³² ГА РФ. Ф. 320. Оп. 2. Д. 129д. Л. 83—108; Д. 129з. Л. 57—59.

³³ См. док. № 2.

«ПОПРОБУЮ ЗАНЯТЬСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ»

Д.И.Рихтер о встречах с Л.Н.Толстым в 1881—1894 гг.

90 лет назад, на исходе первой недели ноября 1910 г., телеграфные агентства разнесли по всему миру первые сообщения о том, что случилось на маленькой, доселе никому неизвестной, станции Астапово Рязанско-Уральской железной дороги (ныне станция «Лев Толстой» в Липецкой области), затерявшейся в центральной России. Здесь 7 (20) ноября 1910 г., в скромном доме начальника станции, скончался Лев Николаевич Толстой — великий русский писатель, гений мировой культуры.

Многогранное творчество Л.Н.Толстого продолжалось почти шестьдесят лет. Он создал великолепные шедевры почти во всех жанрах литературного труда. В его произведениях — будь то «Севастопольские рассказы» или автобиографическая повесть «Детство», эпопея «Война и мир», романы «Анна Каренина» и «Воскресенье», драматические произведения, философские эссе, яркие публицистические статьи, обличающие произвол власть имущих, видно страстное стремление мастера показать правду окружающей жизни.

Для понимания творчества гениального художника слова, его жизненного пути большое значение имеют воспоминания современников, свидетельства мемуаристов. Ниже публикуются выявленные в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (Ф. 218) воспоминания о Толстом Д.И.Рихтера. Это — часть «Дневника» Дмитрия Ивановича Рихтера (1848—1919), крупного русского статистика, экономиста, географа, публициста, деятеля освободительного движения. Его биография изучена слабо. А между тем она представляет несомненный интерес.

Родился Д.И.Рихтер в Москве 13 (25) октября 1848 г. Закончив здесь гимназию, поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, где проучился три года. Участвовал в деятельности народнических кружков. В 1869 г., оставив учебу, уезжает в Америку. В 1870—1871 гг. он — студент Гейдельбергского университета. Осенью 1871 г. переезжает в Цюрих, где продолжает учебу, а также вступает в секцию I Интернационала. Позже вернулся в Россию. Тесно сотрудничал с нелегальными кружками народников, занимаясь главным образом пропагандистской работой. К террору Рихтер относился отрицательно. «...Насилие, а тем более убийство, — писал он впоследствии в “Дневнике”, — хотя бы затеянное с «благой» целью, всегда отталкивало меня. Я всегда был в этом отношении, что теперь принято называть «толстовцем», говорю всегда, потому что это объяснение относится ко времени, когда Л.Н.Толстой, как проповедник «непротивления злу», еще не выступал и был известен только как талантливый писатель-беллетрист...».

В 1874 г. Рихтер уезжает в Лондон, где работает наборщиком в типографии народнического журнала «Вперед!», издаваемого П.Л.Лавровым. Позже он стал сотрудником редакции этого журнала. Хорошо знал П.Л.Лаврова, Г.А.Лопатина, Н.К.Михайловского, П.Н.Ткачева, В.Н.Фигнер и других крупнейших деятелей народничества. В 1875 г. в журнале «Вперед!» напечатана первая крупная работа Рихтера — «Нечто о русском промышленном оазисе», затем он опубликовал здесь серию статей под общим названием «Письма из Саксонии» посвященную изучению положения, труда, условий жизни германских горнорабочих. Проявлял большой ин-

терес к рабочему движению в Западной Европе. Известно, что Рихтер стал членом социал-демократической партии Германии. Он был знаком с А.Бебелем, В.Либкнехтом, К.Марксом, Ф.Энгельсом¹. Печатался на страницах немецкой социал-демократической прессы.

В 1876 г. Д.И.Рихтер снова в России. Он отходит от революционного движения. Поступает на службу в Тверское земство, сначала по страхованию, потом статистиком. Эта работа позволяла ему часто бывать в Москве и Петербурге. У Рихтера завязываются новые знакомства — с писателем Г.И.Успенским, академиком и публицистом В.П.Безобразовым, ученым и либеральным деятелем А.И.Чупровым и другими. С 1888 г. в Петербурге работает статистиком в Государственном, а затем в Дворянском и Крестьянском банках, печатается в «Русском богатстве», «Новом слове», «Сыне Отечества», «Вестнике Европы» и др. В 1898 г. появляется его крупный труд «Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам» («Труды Вольного экономического общества»). В 1900—1903 гг. Рихтер — секретарь Вольного экономического общества и редактор его трудов. Составил также «Географический словарь России» (СПб., 1909—1911, вып. 1—6). Был редактором географического отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (с 1897), где напечатал множество статей по географии и статистике. В августе 1917 г. Рихтер — участник Государственного совещания в Москве, созданного Временным правительством. Октябрьскую революцию не принял. Умер он 2 июля 1919 г. в Царском Селе.

Воспоминания Рихтера о встречах с Л.Н.Толстым, записанные в дневнике летом 1918 г., охватывают 1881—1894 гг. В биографии писателя это период (особенно начало 80-х годов), когда идеалом для него становится простой народ, крестьянство. Толстой стремится постичь его жизнь, быт, религиозные верования. Отсюда интерес его к крестьянину—проповеднику В.К.Сютаеву, о котором упоминает Рихтер. Круг знакомых Толстого в это время расширяется. В него входят, кроме земских деятелей и либералов, крестьяне, сектанты, народники — А.Г.Орфано, А.С.Пругавин, В.И.Покровский, Д.И.Рихтер. Нелегально встречался писатель и с народовольцем С.А.Ивановым². Все эти обстоятельства, несомненно, привели к значительным сдвигам как в мировоззрении, так и в художественном мышлении Л.Н.Толстого. «Жизненная правда, гневные обличения, подлинный гуманизм, широкая опора на народные представления о земле, труде, справедливости... — отмечает исследователь его жизни и творчества Г.Н.Ищук, — вот что питало творчество Толстого» в эти годы³.

Публикуемые воспоминания содержат ряд новых, неизвестных до сих пор фактов из жизни писателя. В последнее время появление в печати документальных материалов, расширяющих наши знания «пути жизни» Л.Н.Толстого, чрезвычайно редки. В этом отношении «Дневник» Д.И.Рихтера представляет счастливое исключение. Так, до публикации статьи Н.М.Пирумовой «Толстой и семья Бакуниных»⁴ считалось, что Толстой не заезжал в Торжок, а прямо проехал в Прямухино и уже оттуда в деревню Шевелино к Сютаеву⁵. Из статьи Н.М.Пирумовой стало известно о встрече Толстого с А.А.Бакуниным в Торжке, а из приведенных ею воспоминаний

¹ О встречах с ними Д.И.Рихтер оставил воспоминания. См.: Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. М., 1983. Ч. 2. С. 20—21.

² См.: Пругавин А.С. О Льве Толстом и толстовцах. М., 1911. С. 97.

³ Ищук Г.Н. Лев Толстой. Диалог с читателем. М., 1984. С. 142.

⁴ См.: Л.Н.Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979.

⁵ См.: Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1828—1890. М., 1958. С. 541; его же. Л.Н.Толстой. Биография. М., 1970. С. 111.

Е.А.Бакуниной, что свидание обоих «севастопольцев» произошло «в доме Ш.»⁶ Из «Дневника» Д.И.Рихтера становится ясным, что «Ш» — это Т.Н. и О.Н.Повало-Швейковские. Кроме того, становится известным и сам факт пребывания Толстого в Торжке, обстановка, в которой происходила его встреча с А.А.Бакуниным, круг его знакомств, в том числе с Д.И.Рихтером. В итоге открывается новая, доселе неизвестная «торжковская» страница в биографии писателя.

Несомненно, что интересны и другие эпизоды и факты, упоминаемые в дневнике Рихтера, особенно история, рассказанная А.Г.Орфано о заступничестве Л.Н.Толстого на Тверском бульваре в Москве за «несчастливого мальчика», об участии Толстого в работе IX съезда русских естествоиспытателей в Москве и др. Написанные живо и интересно, они содержат целый ряд любопытных подробностей, наблюдений, имен лиц, с которыми писатель общался в Торжке и Москве.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук О.А.САЙКИН.

Д. И. Рихтер

Из дневника

17 августа [1918 г.]

Несмотря на настоящее тяжелое, злое время, личные впечатления как-то не ложатся под перо на листы моего дневника, а потому я попробую заняться воспоминаниями. Начну со своих встреч с Львом Николаевичем Толстым. Я видел Л.Н.Толстого всего три раза, из этого, собственно встреч, было две, третий раз я его видел издали. Опишу все три случая.

Это было в начале 80-х годов истекшего столетия. Жил я в городе Торжке, состоя на службе земства. В Торжке я особенно близко сошелся с семьей Бакуниных и Повало-Швейковских. Бакунины жили у себя в Прямухине¹, Повало-Швейковские — в Торжке. Ольга Николаевна Повало-Швейковская, старшая дочь Николая Александровича Бакунина, смотрела на меня как на родного, и я ежедневно бывал у них дома. Пов[ало]-Шв[ейковский] (сам Тимофей Николаевич, муж О[льги] Н[иколаевны], был предводителем дворянства, кроме того, директором местного общества взаимного кредита и, как человек выдающегося ума, притом состоятельный и деятельный, был в Торжке *persona gratissima*^a, пользовался всеобщим уважением как среди уездных жителей (помещиков, крестьян), так и городских, а среди последних было немало «именитых» купцов, как напр[имер], Цвильевы — крупные хлебные торговцы.

Но дом Т[имофея] Н[иколаевича] был для новоторов² как бы закрыт: кроме официальных визитов почти никто в нем не бывал, да и сами Швейковские ни к кому не ходили, Тим[офей] Ник[олаевич] изредка только посещал местный клуб, т.к. был прекрасным игроком в винт, а среди «именитых» тоже было немало охотников и хороших игроков, хотя последние, обыкновенно, предпочитали скромному «винту»

⁶ См.: Пирумова Н.М. Толстой и семья Бакуниных. С. 180.

^a Приятная особа (лат.).

оживленную «стуколку»... В последнюю Швейковский никогда не играл. Будучи игроком в душе, любя азарт, он смотрел на «стуколку» как на «глупую игру», в которой главная роль принадлежит случаю, а не умению и разуму... Между тем, дом Швейковских, несмотря на их как бы обособленность, постоянно был посещаем друзьями и родственниками, большей частью приезжими из Твери (Петрункевич³), Москвы (Мордвиновы⁴), Петербурга (В.П.Безобразов⁵) и из деревни, особенно из гнезда Бакуниных — Прямухах; Бакунины обыкновенно и останавливались у Швейковских. Из друзей почти ежедневно по вечерам собирались: В.Н.Линд⁶ (муж и жена), Г.В.Николаевский (впоследствии женившийся на сестре Ольги Николаевны — Варваре Николаевне Бакуниной) и я. В.Н.Линд в то время был председателем Новоторжской уездной земской управы, Г.В.Николаевский — мировым судьей г. Торжка, а я, как уже сказал выше, служил в земстве агентом земского страхования. Я, если был в Торжке, а не по делам в уезде, обыкновенно и обедал у Швейковских. По вечерам перед чаем и ужином мы большей частью читали вслух что-либо новое из «толстых» журналов, которые почти все получались Швейковскими; за ужином и чаем делились новостями и обсуждали прочитанное... Этот порядок как-то не нарушался даже приезде гостей извне; последние только оживляли наши беседы рассказами о новостях, как общеполитических, земских и семейных-прямухинских. Последние даже передавались «по-прямухински», т.е. основательно, не пропуская мелочей...

Вот в один из осенних или зимних вечеров 1881 г. в доме Швейковских и появился Лев Николаевич Толстой⁷. Но прежде чем рассказать об этом посещении, необходимо сделать довольно-таки длинное отступление, а именно следующее.

За несколько лет перед тем, как появился на Торж[ковском] горизонте Лев Ник[олаевич], в Новоторжском уезде обратил на себя внимание один из замечательнейших людей нашего времени, крестьянин Василий Кириллович Сютаев⁸, основатель религиозно-нравственного учения, сходного с воззрениями самого Толстого. Сютаев никому не навязывал своего учения, не занимался пропагандой его и, если на него было обращено внимание «начальства», то благодаря доносам местного духовенства. Более широко распространилось известие об этом замечательном человеке в 1880 г., когда одного из сыновей Сютаева взяли на военную службу, а затем судили за отказ присягать и брать оружие. На суде присутствовал В.Н.Линд, который и сообщил об этом факте в издававшемся в то время в Твери «Тверском вестнике» (1880 г., № 26). Заметку Линда перепечатала газета «Молва» (1880 г., № 245), в которой и прочли те немногие русские, интересовавшиеся религиозно-нравственным движением среди русского народа.

Летом 1881 г. был я как-то в Прямухине у Бакуниных. Помню день был на редкость теплый и ясный, мы все сидели после обеда на прекрасной террасе прямухинского дома, все «старики», т.е. братья Бакунины (Николай, Павел, Александр и Алексей Александровичи)⁹, их жены и вообще вся семья была в сборе, из посторонних были

Г.В.Николаевский и я. Помню было весело. Вдруг раздается звонок ямщицкого колокольчика, на что, конечно, никто не обратил особого внимания, так как мимо сада проходит большая проселочная дорога. Но вот экипаж заворачивает во двор дома и останавливается у подъезда. «Кого-то бог даст?», — сказал кто-то. Но так как бог в этом отношении был к Прямухину милостив и посылал частенько кого-нибудь, то и на это было мало обращено внимания. Но каково было удивление наше, когда к нам на балкон, без доклада (что было в обычае в Прямухине) вошел высокий молодой человек, одетый совершенно по-столичному — в серой пиджачной паре, в накрахмаленной рубашке, совершенно не по-деревенски и отрекомендовался: Александр Степанович Пругавин¹⁰.

Мы все знали А[лександр] С[тепанович] по имени, как талантливое исследование движения религиозной мысли среди русского народа и обрадовались случаю познакомиться с ним лично. Оказалось, А[лександр] С[тепанович] разыскивает Сютаяева. Приехал в Торжок, где ему указали на В.Н.Линда и Т.Н.Повало-Швейковского, но ни того, ни другого не было в Торжке. Сказали, чтобы ехал в Прямухину, к Бакуниным, что Сютаяев живет где-то недалеко от них, и во всяком случае, они знают, где именно.

А[лександр] С[тепанович] пробыл в Прямухине всего несколько часов, пока отдыхали лошади, ночевать не остался и укатил в Швелино, к Сютаяеву, которое от Прямухино находится верстах в двадцати. У Сютаяева А[лександр] С[тепанович] пробыл с неделю и результатом этого посещения была интересная статья его в журнале «Русская мысль» (1881 г., №№ 10 и 12; 1882 г., № 1) под названием «Алчущие и жаждущие правды». О результате своей поездки А[лександр] С[тепанович] рассказал Л[ьву] Н[иколаевичу] и познакомил его с воззрениями Сютаяева¹¹. Этот рассказ так заинтересовал Толстого, переживавшего тогда период сильного душевного переворота и тоже алкавшего и жаждавшего правды, что он решил лично посетить Сютаяева и подробно ознакомиться с его воззрениями. Это последнее желание и привело Л[ьва] Н[иколаевича] в Торжок, в котором ему была указана семья Швейковских, могущая его направить к Сютаяеву.

Как я уже указал выше, Л[ев] Н[иколаевич] приехал к Швейковским вечером. Мы все (Швейковские муж и жена, Николаевский и я) сидели в гостиной и разговаривали с приехавшим из Прямухины Александром Александровичем Бакуниным, как раздался в передней звонок. Швейковский, не дожидаясь прихода прислуги, пошел открывать дверь; в это время я ходил по комнате и тоже следом за ним пошел в переднюю. Пришедший оказался пожилым человеком, среднего роста, коренастый, с темными, слегка начинавшими седеть волосами, большой бородой и резко очерченными чертами лица. Одет он был приблизительно как одеваются состоятельные мужики: в пиджак, поверх которого была надетая черная баранья шуба и в высоких, простых сапогах. «Лев Толстой», — отрекомендовался пришедший. «Очень рад, Лев Николаевич, — ответил Швейковский, — разденьтесь и проходите в гостиную...» Каково было удивление всех нас, когда вошедший в гости-

ную Л[ев] Н[иколаевич] и Алекс[андр] Алекс[андрович] Бакунин обнялись и расцеловались как добрые старые знакомые. Оказались они товарищами по севастопольскому сидению и в течение нескольких месяцев вместе пробыли на Малаховом кургане, и с тех пор, т.е. более 25 лет, не видались.

Когда узнали о цели приезда Л[ьва] Н[иколаевича] в Торжок, решено было, что А.А.Бакунин на другой день утром отвезет его в Козицино, имение двоюродной сестры Бакуниных^а, от которого до д. Шевелиной, места жительства Сютаева, всего 6—7 верст, и где Л[ев] Н[иколаевич] может остановиться.

Вечер Л[ев] Н[иколаевич] провел с нами у Швейковских. Он оказался очень веселым и интересным собеседником: немного поспорил на общие темы с А[лександром] А[лексадровичем] (большим спорщиком), много рассказывал, особенно, когда разговор коснулся Севастополя. Между прочим, Л[ев] Н[иколаевич] не без юмора рассказывал следующий случай. «Я ведь, — говорил Л[ев] Н[иколаевич], — был фатом (или что-то в этом роде), любил шегольнуть бесшабашностью; Александр Александрович был очень строгим офицером. Однажды я перешел черту, за которую никому из наших не разрешалось ходить; у меня же было желание шегольнуть своей храбростью. Часовой окликнул меня и строго заметил: “Ваше благородие, вернитесь, иначе буду по Вас стрелять”. Я вспомнил, что дежурным офицером — Бакунин А[лександр] А[лександрович], грешный человек, — струсил и послушался окрика часового, т.к. знал, что Бакунин никогда не шутит, раз дело касается службы, что такой же строгости требует и от всех подчиненных...»^б

Разошлись от Швейковских сравнительно поздно, и я проводил Л[ьва] Н[иколаевича] до Федухинской (Пожарской) гостиницы, где он остановился, и против которой была моя квартира.

У Сютаева Л[ев] Н[иколаевич] пробыл с неделю¹² и на возвратном пути ненадолго снова заходил к Швейковским. От своего знакомства с Сютаевым он был в восторге и сказал нам как бы с гордостью, что Сютаев обещал побывать у него в Москве, где тогда Л[ев] Н[иколаевич] жил в недавно перед тем купленном им доме в Хамовниках.

Второй раз я встретил Л[ьва] Н[иколаевича] летом 1882 г.¹³ в Москве на Тверском бульваре. Я шел с В.И.Покровским¹⁴ и встретил Л[ьва] Н[иколаевича], идущего с Александром Герасимовичем Орфано¹⁵.

Алекс[андр] Гер[асимович] был старый знакомый Вас[илия] Иван[овича] и мой, в то же время он был знаком и со Л[ьвом] Н[иколаевичем], которого, как он сам выражался тогда, старался воз-

---

^а В Козицине доживали тогда три сестры девицы Бакунины: Евдокия Мих[айловна] — художница, бывшая невеста поэта А.Мицкевича, Екатерина М[ихайловна] — известная сестра милосердия, во время Крымской войны при Н.И.Пирогове, и Прасковья М[ихайловна] — писательница 40-х годов. Все они были глубокие старушки (Примеч. автора).

^б Передаю рассказ Л[ьва] Н[иколаевича] своими словами (Примеч. автора).

вратить на лоно православия и довольно-таки безуспешно. Орфано познакомил Л[ева] Н[иколаевича] с Вас[илием] Иван[овичем], меня же Л[ев] Н[иколаевич] припомнил по Торжку, при этом выразился так: «Новоторжский уезд близок моему сердцу — ведь там живет мой учитель, Василий Кириллович Сютаев...»

Толстой куда-то спешил, а потому скоро ушел; Орфано же рассказал нам, как Л[ев] Н[иколаевич] какие-нибудь полчаса тому назад, на Тверском же бульваре, уговорил полицейского отпустить на свободу какого-то несчастного мальчика, пойманного на воровстве. «Ведь нас с вами городской бы не послушал, а Лев Николаевич так убедительно ему доказал, что от того, что мальчик попадет в кутузку, кроме вреда для него никому никакой пользы не будет, и что лучше для самого мальчика будет простить его; и городской послушался и отпустил, да и собравшаяся публика не протестовала против вмешательства Л[ева] Н[иколаевича], хотя никто из них не подозревал, кто этот случайный адвокат-защитник...»

Третий раз, когда я видел Толстого и только видел, было в 1894 г. В Москве был съезд русских естествоиспытателей и врачей¹⁶. Несколько общих собраний съезда, на которых присутствовало 2—3 тысячи человек, обыкновенно собиралось в огромном зале Дворянского собрания. Я был тоже в зале, но стоял за колонной, так что эстрады не мог хорошо видеть. Перед началом заседания вдруг среди собравшихся поднялся необыкновенно восторженный шум, захлопали в ладоши, кричали «браво». Я, ничего не видя, начал спрашивать, кого это так встречают. «Л[ев] Н[иколаевич] пришел», — торопливо ответила мне какая-то незнакомая курсистка (по-моему). Я был так далек от мысли, что это Л.Н.Толстой, что спросил ее: «Какой Л[ев] Н[иколаевич] пришел?» Курсистка удивленно посмотрела на меня, как на какого-нибудь дикаря и укоризненно добавила: «Какой Л[ев] Н[иколаевич]? Толстой Лев Николаевич...» В это время мне удалось как-то продвинуться в бок от мешавшей мне видеть эстраду колонны и на последней я увидел Толстого, сидящего на президентском кресле, рядом с вице-президентом съезда Андреем Николаевичем Бекетовым¹⁷. Оказалось, что Бекетов перед тем был у Толстого и уговорил его поехать на съезд¹⁸. Толстой был в темной блузе и, по-видимому, чувствовал себя очень стесненным тем восторженным приемом, которым встретил его съезд, его, случайного посетителя, никакого, собственно, отношения к работам съезда не имеющего.

Наконец, еще о моих, если можно так выразиться, сношениях с Л.Н.Толстым и притом сношении неудачном.

Работая в Энциклопедическом словаре изд[аваемого] Брокгаузом и Ефроном по отделу географии, я постоянно следил, насколько для меня представляло возможности, и за статьями других отделов; указывал центральной редакции на пропуски, замеченные мной в предварительном списке статей и т.п. Когда в 1899—1900 г. был составлен список статей для словаря на букву С, я заметил, что пропущена статья о Сютаеве. Я заметил об этом пропуске в редакции. Оказалось, нет подходящего со-

трудника для составления таковой; спросили меня, я указал на А.С.Пругавина и Л.Н.Толстого. Пругавина не оказалось в Петербурге, а к Толстому редакция почему-то постеснялась обратиться. В конце концов, мне пришлось самому написать эту статью, что я и сделал крайне неохотно, т.к. вопросами религиозно-нравственного движения никогда не занимался. Я написал, конечно, чисто компилятивную статью (Энциклопедический Слов[арь]. Т. XXXII. СПб., 1901)^а. Составляя статью, я не располагал некоторыми данными, а именно: детали рождения и смерти его, о прежней жизни Сютаяева: слышал я когда-то, что он в молодости работал в Петербурге каменщиком и был пьяницей, и что только в зрелом возрасте, под влиянием пашковцев, стал задумываться над вопросами религиозными и моральными. Не зная к кому обратиться (А.С.Пругавина в Петербурге все еще не было), я припомнил, что Толстой имеет добрую привычку отвечать на все получаемые им письма, написал ему, причем сослался на сказанные мне им слова на Тверском бульваре в Москве. Но ответа не получил. Я объяснил себе это тяжелым временем, переживаемым тогда Толстым, т.к. время это совпало с его неприятностями с духовным миром (Победоносцевым, митрополитом Антонием и проч.)¹⁹, окончившимся отлучением его от церкви. Может быть, оно так и было, но только лица, близко знавшие Толстого (А.С.Бутурлин и И.И.Бочкарев)²⁰, объяснили мне такое отношение с его стороны к моему запросу внутренней «цензурой», установленной в доме Толстого его женою, которая при случае перехватывала получаемые им письма, так что не все доходили до него. Через некоторое время больной Толстой жил в Крыму на даче гр[афини] С.В.Паниной²¹ и познакомился с ним гр. П.А.Гейден²². Гейден с восторгом рассказывал мне об этом знакомстве, и когда я ему рассказал случай с моим письмом, он предлагал мне спросить Толстого, получил ли он мое письмо и, если получил, почему оно осталось без ответа. Я просил Гейдена этого не делать, т.к. статья моя к Сютаяеву была уже отпечатана... Вот и все, что я могу сказать о своих встречах с Л.Н.Толстым.

ОР ГБЛ. Ф. 218. Карт. 1071. Д. 31. Л. 43—48.

Примечания

¹ Прямухино (в Тверской губернии) — родовое поместье семьи Бакуниных.

² Имеется в виду: для жителей Новоторжского уезда и г. Торжка.

---

^а Случайно мне пришлось написать для второго издания «Энциклопедического Слов[аря]» другую подобную же статью, также за неимением специального сотрудника по тому же вопросу, а именно статью о Бондареве (Новый Энциклопедический Слов[арь]. Т. 7). Таким образом, я случайно явился автором статей о двух учителях Л.Н.Толстого, т.к. об этих двух лицах он в одной из своих статей выразился приблизительно следующими словами: «Двум крестьянам я более всего обязан в своих убеждениях — это Сютаяеву и Бондареву: это мои два главных учителя» (Примеч. автора).

³ Речь идет о братьях: *Петрункевич И.И.* (1844—1928) и *Петрункевич М.И.* (1845—1912) — участниках земского движения, позднее кадетов.

⁴ Братья — *Мордвинов Н.А.* (1827—1884) и *С.А.Мордвинов* (даты жизни неизвестны) — общественные деятели.

⁵ *Безобразов В.П.* (1828—1889) — экономист, публицист, географ. Близкий знакомый Л.Н.Толстого.

⁶ *Линд В.Н.* (1844—1916) — принимал участие в общественном движении 1860-х годов. Позже земский деятель, публицист.

⁷ Л.Н.Толстой был в доме Швейковских 28 или 29 сентября 1881 г. (См.: Гусев Н.Н. *Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1828—1890.* М., 1958. С. 541).

⁸ *Сютаев В.К.* (ок. 1820 — ок. 1890) — крестьянин Тверской губернии, основатель нового религиозного учения. Главное, по мнению Сютаева, — взаимная любовь среди людей. В конце сентября (примерно 29—30-го) 1881 г. Сютаева посетил Л.Н.Толстой. Эта беседа с Сютаевым доставила Толстому «утешение» (См.: Гусев Н.Н. *Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1828—1890.* С. 541). Сютаев не раз бывал у Толстого в Москве, в частности, 29 января 1882 г. Н.Н.Гусев писал об этом: «В.К.Сютаев проводит вечер с Т[олстым] в его кабинете. Туда же слушать его «проповедь» перешли светские гости С.А.Толстой» (Там же. С. 544).

⁹ *Николай Александрович* (1818—1901), *Павел Александрович* (1820—1900), *Александр Александрович* (1821—1908), *Алексей Александрович* (1823—1882) — активные деятели земского движения, родные братья М.А.Бакунина (1814—1876). А.А.Бакунин участвовал в освободительной борьбе в Италии под руководством Д.Гарибальди, выполнял также некоторые конспиративные поручения А.И.Герцена (См.: Л.Н.Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 174).

¹⁰ *Пругавин А.С.* (1850—1920) — народник, видный исследователь сектантства и старообрядчества, публицист.

¹¹ Это произошло летом 1881 г. во время первой встречи А.С.Пругавина с Л.Н.Толстым в селе Патровка Бузулукского уезда Самарской губернии. Толстой познакомился здесь с молоканами. Писатель проявил большой интерес к тому, что сообщил ему Пругавин о Сютаеве. В частности, его привлекли попытки Сютаева, «которые он предпринимал у себя в деревне с целью устройства общины-коммуны» (Пругавин А.С. *О Льве Толстом и толстовцах.* М., 1911. С. 37, 59). Пругавин приводит слова Толстого: «Ах, как это важно! Ах, как это верно!» — несколько раз восклицал Толстой, слушая речи Сютаева, записанные мной (Там же. С. 59).

¹² Л.Н.Толстой провел у В.К.Сютаева около двух дней. См.: Гусев Н.Н. *Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1828—1890.* С. 541.

¹³ Встреча состоялась, вероятно, 23—27 мая 1882 г., когда Л.Н.Толстой был в Москве. Лето он провел в Ясной Поляне. См.: Гусев Н.Н. *Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1828—1890.* С. 550—551.

¹⁴ *Покровский В.И.* (1838—1915) — участник народнических кружков 1860—1870 гг. Впоследствии известный земский статистик и экономист.

¹⁵ *Орфано А.Г.* (1834—1902) — народник, публицист. Написал книгу «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека? (Критический разбор книги гр. Толстого "В чем моя вера?")» (М., 1900).

¹⁶ Здесь говорится о IX съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем 3—11 января 1894 г. На общем собрании съезда 11 января присутствовал

Л.Н.Толстой (См.: Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1891—1910. С. 119).

¹⁷ Действительно, 11 января вице-председателем съезда был избран (взамен уехавшего физика Ф.Ф.Петрушевского) *Бекетов А.Н.* (1825—1905) — выдающийся ученый-ботаник, председатель VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Другим вице-председателем был избран ранее его брат *Бекетов Н.Н.* (1827—1911) — видный физико-химик. Председателем съезда был избран *Тимирязев К.А.* (1843—1920) — крупный ученый-естествоиспытатель. Тимирязев представил Л.Н.Толстого съезду. Толстой, по воспоминаниям академика Б.А.Келлера, был «в рабочей блузе, подпоясанной ремешком». Писателю, встреченному громом рукоплесканий, «было предложено место в первом ряду, рядом с А.Н.Бекетовым», о чем сообщала газета «Русские ведомости» 12 января 1894 г. (См.: Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 2. М., 1894. С. 1; Келлер Б. Замечательный русский ученый // Труд. 1943. 3 июня).

¹⁸ Л.Н.Толстого пригласил от имени съезда его участник студент Н.В.Цингер.

¹⁹ *Победоносцев К.П.* (1827—1907) — государственный деятель, обер-прокурор Синода. Митрополит Антоний вместе с другими деятелями Синода подписал решение об отлучении Л.Н.Толстого от церкви.

²⁰ *Бутурлин А.С.* (1845—1916) — деятель народного движения 1870-х гг.; *Бочкарев И.И.* (1842—1915) — народник.

²¹ Графиня *Панина С.В.* (1871—1957) предоставила имение в Гаспре в Крыму в распоряжение семьи Толстого. Осенью 1901 г. Л.Н.Толстой приехал сюда для лечения.

²² *Гейден П.А.* (1840—1907) — крупный помещик, земский деятель, позднее октябрист.

«ТОЛЬКО ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА ОКОНЧИЛА ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Заметка графа С.Д.Шереметева
по истории России XVIII—XIX вв.

Граф С.Д.Шереметев (1844—1918) не был профессиональным историком, но много писал на исторические темы, являлся членом императорского Русского исторического и императорского Русского генеалогического общества, председателем Общества любителей древней письменности и основанного при нем Комитета попечительства о русской иконописи, с 1900 г. — председатель Археографической комиссии (получившей при нем наименование императорской). Им издано за свой счет немало литературы, в том числе три краткие «заметки», посвященные различным проблемам отечественной истории. Сопоставление 2-й «Заметки» (М., 1902. 13 с.) с машинописным вариантом, хранящимся в фонде Шереметевых в Российском государственном архиве древних актов, выявило многочисленные сокращения, на которые пошел автор при подготовке рукописи к печати.

Это — не единственный пример самоцензуры. Возьмем широко известное издание писем академика К.Н.Бестужева-Рюмина С.Д.Шереметеву — «Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени / Под ред. А.О.Круглого» (СПб., 1898). Одно письмо из архивной подборки не попало в публикацию. В первом абзаце речь шла о генеалогических изысканиях относительно предков рода Шереметевых — об Андрее Кобыле и Прокопии Устюжском, выехавших на Русь из Прусской земли, спасаясь от немецкого завоевания. Во втором абзаце Николай I сравнивается с Иваном Грозным. Данное письмо от 14 ноября 1896 г. небольшое, позволим себе воспроизвести его целиком:

«Глубокоуважаемый граф Сергей Димитриевич!

Преподобный Сергей может быть потомок Радонежских князей — от Радонежской; о связи Прокопия Устюжского с Кобылой могут быть сомнения. Любопытно было бы определить, было ли у потомков Кобылы особое почитание этого угодника. Странно, что сведения о родителе не попали в родословие. Сходство Гланда с Гилденем ничего, по-моему, решить не может.

Вашего сравнения императора Николая I с Грозным я бы не повторил. Николай — человек цельный, Грозный — многогранный, впечатлительный, страстный. Зато Грозный не подчинился бы политике европейской реакции. Можно бы, пожалуй, сравнивать войну с Баторием и Севастополь, но здесь огромная разница. Война с Баторием не удалась потому, что наше войско еще не догнало войско Батория и полководцев не было, а под Севастополем мы имели упадок того, что было прежде. Было наше войско прежде сильно, а теперь, занявшись парадами, упустило из виду усовершенствование оружия. Наконец, Грозный был человек вполне русский, а Николай I был немец, маскированный русским. Что Александр III один царь по идеалу Св. Сергия — с этим не спорю.

Душевно преданный Вам К.Бестужев-Рюмин»¹.

¹ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 127. Л. 117—117об.

А.О.Круглый считал возможным напечатать вышеприведенное письмо и 23 февраля 1898 г. обращался по этому поводу к С.Д.Шереметеву. «Препровождаю при сем 3-й лист сверстанных писем К.Н.Бестужева-Рюмина, где начинается печатанием 1894-й год. Не признаете ли Вы, граф, возможным сохранить предлагаемые строки из письма К.Н.Бестужева-Рюмина за исключением фразы: “Наконец, Грозный был человек вполне русский, а Николай I был немец, маскированный русским”. В остальных строках, если строго присмотреться к ним, мне кажется, нет ничего, что бы шло вразрез с цензурными условиями. Наконец, это — издание научное и будет печататься в довольно ограниченном количестве экземпляров»². Однако С.Д.Шереметев предпочел изъять все письмо целиком. По-видимому, трактовка Николая I невольно навевала сравнения с царствующим императором Николаем II.

Основные идеи, высказанные в «Заметке», С.Д.Шереметев искренно исповедовал и многократно выражал в различных формах: и в опубликованных трудах, и в переписке, и в мемуарах. К примеру, он писал 28 августа 1915 г. своему другу, члену Государственного совета, казначею Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III Н.А.Звереву: «12-му году и его успеху мы обязаны закалу Екатерининского царствования, затем от 1796 г. до 1-го марта 81 г. непрерывное немецкое засилье под разными соусами. И затем 13 лет возврата политики Екатерины, но без ее войн»³. Преклонение перед Екатериной II и Александром III сочеталось у С.Д.Шереметева с осуждением «космополитизма», в каких бы формах он ни проявлялся, сверху (Александр I и Александр II), или снизу (декабристы и реформаторы 60-х годов XIX в.).

«Заметка» давно стала библиографической редкостью. Она представляет интерес как памятник исторического самосознания высших слоев русского общества начала XX века. Автор — граф С.Д.Шереметев — один из самых знатных и богатых представителей русской аристократии, обер-егермейстер Императорского двора, член Государственного совета, — писал, разумеется, для людей своего круга; такие издания обычно не поступали в продажу, а рассылались друзьям и знакомым.

Опущенные в опубликованном варианте «Заметки» части текста выделяются курсивом. Не все упомянутые автором имена нуждаются в комментариях: правившие в России императоры и императрицы, от Петра I до Александра III, не комментируются.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Л.И.ШОХИН.

Заметка⁴

2 марта 1900 г.

Мы обыкновенно считаем XVIII век эпохой отчуждения и отречения от всего русского, этот век пудры, париков и красных каблучков, фижм и робронд⁶ или внешнего подражания всему иностранному. Мы действительно подражали, и общество казалось сколком двора и обще-

² Там же. Д. 893. Л. 50—50об.

³ Там же. Д. 3013. Д. 226.

⁴ Зачеркнут первоначальный заголовок: «Отголоски прошлого».

⁶ Фижма — немецкая юбка на китовых усах по моде XVIII в., робронд — французское женское платье.

ства Версальского, которое в то время служило всеобщим образцом для всех государств. Следовательно, в этом подражании не мы одни участвовали, это было явлением общим. Но если мы прислушаемся к голосам иностранцев, говоривших и писавших о России того времени, то мы скоро увидим, что они далеко не признают наше тогдашнее общество за свое и часто указывают на обманчивость этого наружного европейского лоска, за которым все-таки сидит коренная русская основа, и сознают они это с некоторым раздражением. Всматриваясь внимательно в это общество прошлого века, в обычаи и образ жизни света и двора, нетрудно заметить, насколько поверхностен был этот иностранный лоск. За немногими исключениями тех семейств, которые покидали надолго Россию, стремясь превратиться в настоящих иностранцев, остальные крепкими связями держались духом, обычаями и преданиями с древнею Русью. И этому не мешали ни напудренные парики, ни пышные робранды.

Представителями чуть ли не из первых по пути отчуждения от всего русского и поклонения иностранному являлись в прошлом веке Шуваловы¹, не исключая Ивана Ивановича, при всем его доброжелательстве к Ломоносову. Величайшая заслуга Екатерины в том, что эти европействующие русские не пользовались у нее большим значением. Разбирая главных деятелей ее царствования, к которому принято относиться теперь так строго, мы увидим, что большим влиянием пользовались и прославились братья Орловы², Румянцев³, Суворов⁴, Безбородко⁵ и Завадовский⁶, но прежде всего и более всего Потемкин⁷. Разве этот гениальный государственный человек не был воплощением всего русского, неподдельного, коренного, церковного, стихийного? Екатерина могла забавляться французскими остротами Нарышкина⁸, прислушиваться к мнению Н.И.Панина⁹ — поклонника шведских порядков, быть снисходительною к Мамонову¹⁰ и «любить» Ланского¹¹, но особого влияния в государстве они иметь не могли, хотя бы и Зубов¹² — деятель «Эпилога». Екатерининские орлы были люди русские в полном и широком значении этого слова. И только потому они и прославили век Екатерины, сумевшей различить всегда настоящее от подделки. Гениальная женщина оперлась на сильных людей русского закала, высшим представителем которых был «великолепный князь Тавриды».

Взгляните внимательно на обычаи двора того времени, просмотрите камер-фурьерские журналы, путешествия, сообщения иностранцев и дипломатов о нравах того времени, — везде вы увидите, что мы еще во многом живем старым допетровским бытом. Русское имя, русские интересы стояли на первом плане. Нет, Екатерина не заслужила упрека в потворстве иноземному. Она, и как бы ни показалось это странным, и только Великая Екатерина, на мой взгляд, окончила период древней Руси.

Если между Русью XVII и XVIII века ощутительно различие, хотя далеко не в той степени, как это принято почитать, то и переход от XVIII в XIX век представляется достойным большего внимания, как бы оно ни казалось странным. Реформы Петра, конечно, были крупны и глубоки, они имели в виду благо России, иноземщина времен Анны

Иоанновны, бироновщина¹³ и позднее французомания, как и позднейшие «мании», не имели корней. Русское имя, русские чувства, русский ум, русские предания, нравы и обычаи господствовали. Значение Церкви в жизни двора и общества не было поколеблено при Екатерине II, наоборот, царствование Екатерины (*и Потемкина*) — это было унаследованное от Елизаветы, но закрепленное торжество русского начала. Повторяю, «Древняя Русь» закончилась «веком Екатерины».

На рубеже столетий царствование Павла быстро прошло, как удручающий и бурный вихрь. Новая женщина выдвинулась на смену Екатерине. Новое царствование заменило судорожные порывы павловских времен. Оно началось двумя неправильностями. Первая была — вступление на престол, вторая — слова Манифеста: «Буду царствовать по духу и сердцу премудрой бабки моей» и пр. И была это заведомая неточность, потому что император Александр не сочувствовал своей бабке и вовсе не думал следовать ее примеру. *Императрица Мария Феодоровна*¹⁴ заменила Екатерину. *Воспитанник женевагражданина Лагарпа*¹⁵ — Александр Павлович — вступил на престол с титулом «Благочестивейшего». В начале XVIII века Петр Великий, в начале XIX — Александр I. *Две величины, не похожие друг на друга*. Под влиянием нового двора создается новое общество. Теперь мы подошли к концу XIX столетия и вступаем в 20-е; доживает свой век и наше современное светское общество — жалкие остатки когда-то блестящего поколения, порожденного новым направлением времен «Империи». Вот где его начало: отсюда его предания и его безличие, *его ничтожество!* Екатерина тут не причем. Наше светское общество — наследие позднейших времен, оттого на нем и печать вырождения. Это и понятно. Наш современный строй еще живет этими позднейшими преданиями, тогда как бездна уже отделяет его от времен Екатерины!

Значение императрицы Марии Феодоровны вовсе не так поверхностно и незначительно, как полагают иные. В руках императрицы Марии сосредоточился главный нерв, которым живут поколения, то направление, которое дается ему и матерями, и женами, создающими общество. Она взяла в свои руки женское воспитание и нельзя не признать, что последовательность и энергия, с которыми поведено было дело *возникшего «ведомства»*, достойны всякой похвалы. *Но возможно ли было вдохнуть в это новое учреждение ту «душу живу», которой вообще не доставало? Могла ли быть положена основа русская — церковная и православная, когда она столь многим была чужда?* Так положено было начало той «официальной» благотворительности, которая и при достижении хороших результатов чужда истинной благотворительности, *основанной на порывах сердца, благотворительности, являемой в тайне*. В сущности, главная основа женского воспитания так метко схвачена была императрицею Екатериной, когда она писала Гримму¹⁶ о своих внучках: «Мне бы хотелось назвать всех их, хотя бы народилось десять, именем Марии. Тогда, мне кажется, они будут держать себя прямо, заботиться о своем стане и цвете лица, есть за четверых, благоразумно выбирать книги для чтения и, напоследок, из них выйдут отличные гражданки для какой хочешь страны». Вот эта именно «пригодность для какой угодно страны» совместно

с внешнею безукоризненностью приемов не составляет ли существенного отличия известного воспитания? Внешний лоск и безличие на подкладке сентиментальности — вот проявления этого воспитания. Всякий застой и некоторая затхлость естественно вызывает противодействие, и одна крайность приводит нас к другой, не лучшей. Итак, дело воспитания русской женщины, а в том числе и светской, перешло всецело в руки императрицы Марии Феодоровны и ведомства ее. Оно мало интересовало императора Александра, главная деятельность которого направлена была за пределы России. Всеми помышлениями, мечтаниями своими и стремлениями он принадлежал Европе.

В течение XVIII века один Петр Великий перешел границу своего государства и притом как чернорабочий, для изучения и познания всего пригодного в Европе для нужд своей родины. Преемники его уже не покидали России. Екатерина II принимала у себя прусского принца, шведского короля и императора Священной Римской империи, сама же она не появлялась у них. *Роковое* отступление было сделано для графа и графини Северных¹⁷ и принесло несомненный вред.

Император Александр I — первый государь после Петра перешел пределы России и появился в Пруссии¹⁸, *поклонником королевы Луизы*. «Рядом с незатейливой простотой короля Прусского трудно уловить русского императора в сложном разнообразии всего его существа. Великодушный и благородный, мечтательно воодушевляемый всеми обещающими счастье человечеству идеалами XVIII века, и в то же время недоверчивый, недоступный, полный мистических глубин в душевной своей жизни, а еще более в своей фантазии, при этом натура вполне направленная к внешности, преисполненная деловых стремлений, самодовольства, славолюбия, жажды успехов... Императрица Екатерина, давая внуку имя Александра, указала ему на путь господства Востоком. Император Александр в Мемеле, еще быть может и миролюбивый, скоро убедился в призвании своем быть спасителем мира западного, примирительным освободителем могущественной Польщины, а также поработенной Францией Европы, и самой Франции, поработенной Наполеоном! Сам же, увлекаемый и очарованный возвышенностью целей, он не разбирает средств; дипломатических дел мастер, он прикидывается презирающим дипломатию, необдуманно хватаясь за худшее ее орудие — притворство и ложь, хотя бы для того, чтобы потом выражать свое сожаление, ссылаясь на печальную необходимость прибегать к подобным средствам и чувствительно о том горюя...»

Тильзитские увлечения со вчерашним врагом были началом мечтательной политики и усиленного тяготения к Западу, временно задержанного 1812 годом, являющимся как бы посмертным эпилогом царствования Екатерины. Александр бессознательно, но явно предался недоброжелателям России. Бесцельные войны, ради чужих интересов, Священный союз, отречение от Червонной Руси, восстановление Польши, конституционные заигрывания на западный лад, мистицизм, заменивший равнодушие, и в завершение всего — домашний гнет Аракчеева¹⁹ и фотиевский²⁰ фанатизм, продолжительное заграничное пребывание войска, чужие влияния на умы военной молодежи, чужие идеалы рядом с разгаром военных поселений и крепостного права — вот заро-

дыши движения, закончившегося 14 декабря 1825 года. *В домашнем быту Александр I служил примером разложения семьи. Женские влияния и прибавим к этому обаятельность самого Александра* — разве всего этого не достаточно, чтобы сбить и правительство и общество с прямого русского государственного пути...

Общее увлечение всем иностранным в связи с незнанием всего родного — все это процветало в царствование Александра I. Двор его был его отражением, а общество — отражением двора. Настала мрачная эпоха упадка искусства, равнодушия к старине, к преданиям и урокам прошлого. Карамзин²¹ является среди этой обстановки блестящим анахронизмом и находит поддержку только в Тверском дворе²². Его отношения к Александру и Елизавете Алексеевне²³ искусственны. В сущности они чужды друг другу. Сперанский²⁴ — вот продукт безличного государства; этот «огромного размера чиновник», по выражению князя Вяземского²⁵, был верным выразителем своего времени.

С продолжительным царствованием Александра I усиленно водворяются в России иностранцы. Но то не были иностранцы петровского времени, которые настолько были терпимы, насколько они служили России. Петровские иностранцы, занимая по даровитости своей высокие посты, не заслоняли собою способных русских людей. Бездарным иностранцам при Петре ходу не было. Вспомним герцога де Кроа²⁶ и фельдмаршала Огильви²⁷, которого Петр не затруднился заменить русским²⁸, *которого желало войско*. Иностранцы александровского времени являлись на службу русскую, за немногими исключениями, с целями личными и иногда антирусскими. Но это внешнее течение не столь было еще сильно, как другое, подспудное иностранное течение, появившееся в особенности после 1812 года путем французов-гувернеров и английских гувернанток и нянек. В светском обществе Петербурга появились дома, уже сложившиеся совершенно на иностранный лад, сделавшиеся рассадниками распространения такого иностранного нашествия. Дом канцлера Нессельрода²⁹ как представителя России перед Европою был центром, благоприятным всему иноземному. Далеко уже мы отошли от дипломатов времен Екатерины. Старик Румянцев³⁰ оказался при Александре непригодным. В нем одном, однако, по признанию Талейрана³¹ чувствовался законный отпор притязаниям Наполеона. Мы назвали этот дом потому, что он представляется нам родоначальником нового направления. Прибавим к этому польские течения, находившие опору в *Марье Антоновне*³², сложные отношения императрицы к Чарторыйскому³³, *нескрываемое в письмах ее к родителям несочувствие к России и обстановке*, и тут же все эти Бетанкуры³⁴, Ланжероны³⁵, Ришелье³⁶, Пфули³⁷, Винцегероде³⁸ и *tutti quanti*^a на русской службе, а рядом отставные барабанщики *de la grande armée*^b в качестве *outchitels*^c при дворянских детях, а модистки в виде их гувернанток, и в результате получим ясную картину того, как далеко мы отошли от напудренных го-

^a Многие другие (лат.).

^b Великой армии (фр.).

^c Французскими буквами написано русское слово — учителя.

лов екатерининского времени, у которых под французским камзолом все же билось чисто русское сердце.

Могла ли система воспитания начала века дать нам таких русских женщин, каких мы видим в XVIII веке? У нас охотно вспоминают об Салтычихе³⁹ и поют все старую излюбленную песню о разгаре крепостного права при Екатерине. Но не следует забывать, что Салтычиха была уродливым исключением, и что рядом с нею стоят такие женщины, как Наталия Долгорукая⁴⁰, Екатерина Головкина⁴¹, «послушная и верная жена» графиня Румянцова⁴². Возможны ли такие женщины при Александре? Они еще могли существовать в среде среднего поместного дворянства, до которого еще не дошло *растлевающее* влияние двора. Среднее дворянство еще жило по старине, да и при дворе еще не все поголовно подчинялось новому направлению. Но это меньшинство было не в авантаже.

Наступило царствование Николая I. Мы знаем, при каких условиях он взшел на престол, при каких условиях он рос и воспитывался. *Напрасно говорил он про Екатерину: «qu'il n'a rien de commun avec elle — que son profil»* (что у него с нею ничего нет общего, кроме ее профиля). У него действительно был ее профиль, но у него был и ее ум. *Будь император Николай иначе подготовлен, это был бы великий Государь. По характеру он — противоположность императора Александра. По чувству и сознанию он стремился быть русским. Он одинаково негодовал на либеральные заигрывания Александра, на антирусскую его политику, как и на деспотизм его временщика Аракчеева.* Он ли виноват, что наследие прошлого разразилось именно в начале «его» царствования?

Тогда сходит с земного поприща императрица Мария Феодоровна и ее место занимает императрица Александра Феодоровна⁴³. Она горячо любила своего мужа, а через него и Россию, она дала ему домашний очаг и счастье. Она была добра и верна в своих привязанностях. Семейный быт при дворе окреп и это отразилось благотворно на расшатанном обществе. Твердый и ясный, непреклонный взгляд заслужил Николаю I всеобщее уважение, что признали и его враги. Общество оживилось — 30 и 40 годы в светском отношении были временем блестящим. Музыкальные знаменитости развивали изящные вкусы общества. Литература дала нам Пушкина⁴⁴. Императрица Александра Феодоровна *не наследовала стремлений императрицы Марии. Она держалась в этом отношении в стороне; она довольствовалась тем, что у нее дома семейный быт поддерживался на здоровых началах. В лице же Николая I русское общество находило удовлетворение, ибо он был воплощением русского царя. Тем не менее иноземные влияния продолжались, быть может, еще сильнее стал наплыв английского и немецкого элемента, но в обществе были центры общезития совершенно независимые. Они оживились при Николае, когда все русское находило опору и поддержку. Святительский престол Москвы тогда был занят Филаретом⁴⁵. В Тавриде прославился вития Иннокентий⁴⁶. В Киеве служил умирительным примером нищий духом архимандрит Филарет⁴⁷. Иностраный элемент встретил сильный и победоносный отпор в самом обществе, усиленном элементами старого поместного дворянства. Москве возвратили подобающее значение. Во*

главе управления ее долго стоял доблестный князь Д.В.Голицын⁴⁸. Освобождение крестьян было определенно намечено. Мало того, оно составляло заветную заботу Государя, сознававшего его необходимость, *но не увлекавшегося легкостью и блеском исполнения. Известный Негласный комитет⁴⁹ под председательством самого Государя прекратил, однако, свои работы по случайным, не зависящим от Государя причинам...*

18 февраля 1855 года вступает на престол император Александр II, благодущием сияющий, воодушевляемый благими намерениями. *К сожалению, беспощадное порицание всего, что было при Николае, в сильном было ходу в эти первые годы нового царствования. День вступления на престол — 19 февраля — день величайшего семейного горя — оказался самым светлым днем царствования. С 19 февраля связано освобождение крестьян⁵⁰, и таким образом, акт первой государственной важности связывается и как бы обязан бытием своим кончине императора Николая I. Мы знаем, из каких разнородных элементов состояло петербургское общество 60-х годов. Видим и течения, которые в нем боролись, и на чьей стороне оказалась победа, и кто ликовал этой победе, и что, наконец, дала нам эта победа...* Небывалый в истории перелом, связанный с отрядным великим всемирным событием, и рядом небывалый разгром целого сословия — сословия служилого, сословия преданий, без которого немислима никакая монархия — все это совершилось на наших глазах. Ошеломленное, сбитое и смешавшееся общество, лишенное устоев и корней, поплыло вслед за двором по мягкому течению...

1 марта 1881 года на престол вступает император Александр III. Тяжкое наследие и великое бремя достается на его долю... *Но оставим деятелей современности и обратимся к остаткам светского общества, доставшегося новому царствованию в наследие. Прежде же всего обратимся к той женщине, отражение которой хотя и не ослепительного блеска, но было действительное и глубокое, оставив несомненный след в это смутное, тревожное, болезненное время царствования императора Александра II. Мы говорим об императрице Марии Александровне⁵¹. Если взглянуть только на внешнюю сторону, то при сравнении ее с императрицей Марией Феодоровной можно сказать про обеих, что ни та, ни другая не прошли бесследно. Дальнейшее сравнение становится затруднительным, но мы настаиваем на нем, потому что в истории XIX столетия эти две Государыни имеют преобладающее значение, и если держаться основного положения о силе женского влияния на события и в отдельности на лица, то отрицать многосложного влияния этих двух, несходных между собою Государынь, невозможно. Прибавим к этому, что, на наш взгляд, после Великой Екатерины у нас не было на престоле женщины столь сложного и сильного ума, как императрица Мария Александровна... И та и другая, изучая Россию, сознавали необходимость слиться с нею умом и чувством. Общение с выдающимися людьми своего времени утвердило императрицу Марию Александровну в ее убеждениях. Отражение благотворного влияния матери неизбежно. Оно дало нам императора Александра III.*

Г. С. Ш.

Примечания

¹ *Шувалов И.И.* (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны; президент созданной по его инициативе Академии художеств; куратор Московского университета, созданного М.В.Ломоносовым при его поддержке; генерал-адъютант с 1760 г. После воцарения Екатерины II находится за границей в отпуске по болезни (1763—1777); вернувшись в Россию, существенной роли в государственных делах не играл. *Шувалов П.И.* (1710—1762) — двоюродный брат И.И.Шувалова; участник дворцового переворота 1741 г., возведшего на престол Елизавету Петровну; получил графский титул в 1746 г.; генерал-фельдмаршал с 1761 г.; временщик при императрице Елизавете Петровне.

² *Орлов Г.Г.* (1734—1783) — участник дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II; фаворит первых лет ее царствования, получил в 1762 г. графский титул и чин камергера, генерал-фельдцейхмейстер (1763—1775); с 1775 г. в отставке. *Орлов (Орлов-Чесменский) А.Г.* (1737—1807) — брат Г.Г.Орлова, участник переворота 1762 г., убийца императора Петра III; в 1762 г. получил графский титул и произведен в генерал-майоры; за победу над турецким флотом при Чесме в 1770 г. ему пожаловано наименование граф Орлов-Чесменский; с 1775 г. в отставке.

³ *Румянцев П.А.* (1725—1796) — граф с 1744 г., генерал-фельдмаршал с 1770 г., с 1775 г. граф Румянцев-Задунайский.

⁴ *Суворов А.В.* (1729—1800) — граф Рымникский с 1789 г.; генерал-фельдмаршал с 1795 г.; за Итальянский и Швейцарский походы в 1799 г. получил титул князя Итальянского и чин генералиссимуса.

⁵ *Безбородко А.А.* (1747—1799) — секретарь императрицы Екатерины II с 1775 г.; фактический руководитель Коллегии иностранных дел с 1784 г.; с 1797 г. получил титул светлейшего князя и чин канцлера. В окончательном варианте «Заметки» вслед за Безбородко еще напечатано: *Сиверс*. Имеется в виду *Сиверс Я.Е.* (1731—1808) — новгородский губернатор с 1764 г., принимал участие в составлении «Учреждения о губерниях», построил «Сиверсов канал» между реками Волхов и Мста; посол в Польше с 1789 г., участвовал в разделах Польши; граф с 1798 г., сенатор, «управляющий водяных коммуникаций».

⁶ *Завадовский П.В.* (1739—1812) — секретарь Екатерины II с 1775 г., сменил Г.Г.Орлова в качестве фаворита императрицы; граф с 1794 г.; первый в России министр народного просвещения (1802—1810) — по учреждении этого министерства.

⁷ *Потемкин Г.А.* (1739—1791) — фаворит и временщик при Екатерине II, вице-президент Военной коллегии с 1770 г.; генерал-губернатор Новороссии с 1776 г.; за присоединение Крыма к России получил титул светлейшего князя Потемкина-Таврического в 1783 г.; фельдмаршал с 1784 г., президент Военной коллегии.

⁸ *Нарышкин С.В.* (1731—1807) — писатель и переводчик, депутат Уложенной комиссии, вице-президент Берг-коллегии; автор двух стихотворений, обращенных к Екатерине II (1761 г. и 1765 г.).

⁹ *Панин Н.И.* (1718—1783) — посланник в Дании, Швеции; в 1760—1773 гг. воспитатель наследника Павла Петровича — будущего императора Павла I; участник дворцового переворота 1762 г.; президент Коллегии иностранных дел (1763—1781); с 1781 г. в отставке.

¹⁰ *Дмитриев-Мамонов А.М.* (1758—1803) — флигель-адъютант Екатерины II с 1786 г.; став ее фаворитом, получил чины генерал-майора и камергера; генерал-адъютант с 1788 г., возведен в графское достоинство.

¹¹ *Ланской А.Д.* (1754—1784) — генерал-адъютант Екатерины II.

¹² *Зубов П.А.* (1767—1822) — последний фаворит Екатерины II, возведен в графское и княжеское достоинство, генерал-фельдцейхмейстер, новороссийский генерал-губернатор, начальник Черноморского флота.

¹³ *Бирон Э.И.* (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, с воцарением которой в 1730 г. получил графский титул и чин обер-камергера; герцог Курляндский с 1737 г.; после смерти Анны Иоанновны в 1740 г. стал регентом, но вскоре был арестован и сослан.

¹⁴ Императрица *Мария Федоровна (урожденная принцесса София Доротея Виртемберг-Штутгартская)* (1759—1828) — жена Павла I, мать Александра I и Николая I; основала «ведомство учреждений императрицы Марии», ведавшее благотворительными и женскими учебными заведениями (Смольный институт благородных девиц, Мариинские училища в разных городах и др.); после ее смерти в составе Собственной его императорского величества канцелярии образовали IV Отделение по ведомству учреждений императрицы Марии.

¹⁵ *Лагарп Фредерик Сезар де* (1754—1838) — адвокат, швейцарский политический деятель, воспитатель будущего императора Александра I в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в.; в 1798—1800 гг. входил в Директорию Гельветической республики (Швейцарии).

¹⁶ *Гримм Ф.* (1723—1807) — барон, публицист, литературный критик и дипломат, знакомый со многими знаменитостями своего времени; с Екатериной II переписывался с 1774 г. до самой смерти императрицы.

¹⁷ В 1781—1782 гг. цесаревич Павел Петрович и цесаревна Мария Федоровна под именем графа и графини Северных совершили путешествие по Европе, длившееся больше года. Они побывали в Вене, Риме, Брюсселе и в других городах, но дольше всего — в Париже и Версале.

¹⁸ Свидание Александра I с прусским королем *Фридрихом Вильгельмом III* (1770—1840) и королевой Луизой (урожденной принцессой Мекленбург-Стрелицкой) в Мемеле в 1802 г.

¹⁹ *Аракчеев А.А.* (1769—1834) — генерал от артиллерии, временщик при Павле I и Александре I, главный начальник военных поселений.

²⁰ *Фотий (Спасский) П.Н.* (1792—1838) — архимандрит, настоятель Новгородского Юрьевского монастыря; благодаря поддержке графини А.А. Орловой, вошел в высшие круги петербургского общества и был принят Александром I, на которого оказывал определенное влияние.

²¹ *Карамзин Н.М.* (1766—1826) — историк, писатель, публицист; критиковал деятельность М.М. Сперанского; в адресованных Александру I записке «О древней и новой России» и «Мнении русского гражданина» выступал за сохранение самодержавия и против уступок полякам.

²² Двор великой княгини *Екатерины Павловны* (1782—1819), сестры Александра I, вышедшей замуж в 1809 г. за принца Георга Петра Гольштейн-Ольденбургского (1787—1812), назначенного тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором; главная квартира принца находилась в Твери.

²³ *Елизавета Алексеевна* (урожденная принцесса *Луиза Мария Августа Баден-Баденская*) (1779—1826) — императрица, жена Александра I; обе их дочери, Мария и Елизавета, умерли во младенчестве.

²⁴ *Сперанский М.М.* (1772—1839) — директор департамента Министерства внутренних дел (1803—1807), статс-секретарь Александра I с 1807 г.; в 1810 г. по

его проекту учредили Государственный совет; с 1812 г. в опале; в 1821 г. возвращен в Петербург, назначен членом Государственного совета; получил графский титул в 1839 г.

²⁵ *Вяземский П.А.* (1792—1878) — князь, поэт, обер-шенк при императрице Марии Александровне, жене Александра II; в 1868 г. граф С.Д.Шереметев женился на его внучке, княжне *Вяземской Е.П.* (1849—1929). В записной книжке П.А.Вяземского содержится развернутая характеристика М.М.Сперанского: «В Сперанском не было глубоких убеждений. Он был чиновник огромного размера по редакционной части правительственных реформ, но, разумеется, с примесью плебейской закваски и недоброжелательства к дворянству. Эта закваска, эти бюрократически геркулесовские подвиги пережили его и воплотились в некоторых и новейших государственных деятелей. Ломку здания можно приводить в действие и не будучи архитектором» (Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1886. Т. 10. С. 152).

²⁶ *Кроа Карл Евгений де* (1651—1702) — австрийский, саксонский и русский фельдмаршал, командующий русской армией под Нарвой в 1700 г.

²⁷ *Огильви Георг Бенедикт* (1644—1710) — австрийский фельдмаршал, в 1702 г. поступил на русскую службу, в 1706 г. — на саксонскую.

²⁸ *Шереметев Б.П.* (1652—1719) — первый в России фельдмаршал, произведенный в этот чин Петром I в 1702 г., за победу над шведами при Эрестфере; за подавление Астраханского восстания в 1706 г. получил графский титул; за Полтавскую битву в 1709 г. ему пожалованы обширные имения в придачу к родовым вотчинам.

²⁹ *Нессельроде К.В.* (1780—1862) — граф, министр иностранных дел России (1816—1856), канцлер с 1845 г.

³⁰ *Румянцев Н.П.* (1754—1826) — граф, министр иностранных дел (1807—1814), канцлер с 1809 г., с 1814 г. в отставке.

³¹ *Талейран-Перигор Шарль Морис* (1754—1838) — министр иностранных дел Франции с 1797 г.; после 1815 г. отошел от активной государственной деятельности.

³² *Лович (урожденная графиня Груздинская) М.А.* (1795—1831) — княгиня, с 1820 г. морганатическая супруга цесаревича Константина Павловича, брата Александра I и Николая I.

³³ *Чарторыйский А.Е.* (1770—1861) — товарищ министра иностранных дел с 1802 г., министр иностранных дел (1804—1806); во время восстания 1830—1831 гг. возглавлял Национальное правительство Польши; затем в эмиграции в Париже.

³⁴ *Бетанкур Августин* (1758—1824) — испанский военный инженер; с 1808 г. служил в России, генерал-лейтенант.

³⁵ *Ланжерон А.Ф.* (1763—1831) — граф, французский эмигрант, с 1790 г. служил в России, в 1812 г. командовал корпусом, генерал от инфантерии.

³⁶ *Ришелье Арман Эммануэль Дюплесси* (1766—1822) — герцог, французский эмигрант, на русской службе с 1790 г., генерал-губернатор Одессы (1803—1815); затем вернулся во Францию.

³⁷ *Пфуль Карл Людвиг Август* (1757—1826) — барон, прусский генерал, в 1807 г. перешел на русскую службу, составил неудачный стратегический план военных действий против Наполеона в 1812 г.

³⁸ *Винцингероде Ф.Ф.* (1770—1818) — перешел из австрийской на русскую службу в 1797 г., генерал-адъютант с 1802 г., генерал от кавалерии.

³⁹ *Салтыкова (урожденная Иванова) Д.Н.* (1730—1801) — помещица, прославившаяся своей жестокостью; замучила около 140 своих крепостных; в 1762 г.

отдана под суд, в 1768 г. приговорена к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

⁴⁰ *Долгорукова (урожденная графиня Шереметева) Н.Б.* (1714—1771) — княгиня, дочь фельдмаршала Б.П.Шереметева, в 1730 г. вышла замуж за опального князя И.А.Долгорукова и поехала с ним в ссылку в Сибирь; возвращена в 1740 г. после смерти мужа.

⁴¹ *Головкина (урожденная княжна Ромодановская) Е.И.* (1701—1791) — графиня, дочь князя-кесаря И.Ф.Ромодановского, статс-дама; в 1742 г. добровольно последовала в ссылку в Сибирь за своим мужем, вице-канцлером графом Михаилом Гавриловичем Головкиным; возвращена после его смерти в 1755 г.

⁴² Возможно, *Румянцева М.А.* (1698—1788) — графиня, дочь дипломата Андрея Артамоновича Матвеева, мать фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунайского, кавалерственная дама, статс-дама, обер-гофмейстерина.

⁴³ *Александра Федоровна (урожденная принцесса Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская)* — императрица, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича — будущего императора Николая I.

⁴⁴ В окончательном варианте напечатано еще: «музыка — Глинку, живопись — Иванова».

⁴⁵ *Филарет (Дроздов) В.М.* (1783—1867) — ректор Петербургской духовной академии с 1812 г.; последовательно с 1817 г. епископ ревельский, тверской, ярославский; митрополит Московский с 1821 г.

⁴⁶ *Иннокентий (Борисов) И.А.* (1800—1857) — архиепископ Херсонский, знаменитый богослов и проповедник.

⁴⁷ *Филарет (Амфитеатров) Ф.Г.* (1779—1857) — ректор Московской духовной академии с 1816 г.; последовательно с 1819 г. епископ калужский, рязанский, казанский, ярославский; с 1837 г. митрополит Киевский и Галицкий.

⁴⁸ *Голицын Д.В.* (1771—1844) — князь, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор с 1820 г.

⁴⁹ Негласный (Секретный) комитет по крестьянскому делу (1835—1848) провел некоторые преобразования, особенно среди государственных крестьян, но не выполнил свою задачу по подготовке крестьянской реформы.

⁵⁰ Манифест об отмене крепостного права подписан 19 февраля 1861 г. — в 6-ю годовщину царствования Александра II — «Освободителя».

⁵¹ *Мария Александровна (урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессен-Дармштадская)* (1824—1880) — императрица, с 1841 г. жена наследника Александра Николаевича — будущего Александра II.

«РОЗЫСКАТЬ НАКРЕПКО, ПРАВДОЮ, БЕЗ ВСЯКИХ ПРИКАЗНЫХ КРЮЧКОВ»

Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области
судоустройства и уголовной политики. 1716—1726 гг.

Акты верховной российской власти первой четверти XVIII в. отнюдь не являются terra incognita для современных исследователей. Обширный массив законодательных материалов этого времени, благодаря кодификаторам из II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, начиная с 1830 г. исправно служит важнейшим (а подчас и единственным) источником для разысканий авторов, обращающихся к истории отечественного государства и права эпохи преобразований.

Между тем, несмотря на фундаментальность «Полного собрания законов» и ряда последующих изданий, за их пределами осталось немало бесспорно примечательных документов петровского и екатерининского правлений. Малоизвестность помещенных ниже текстов вполне объяснима: по большей части они извлечены из слабо изученных до сих пор комплексов судебных и судебно-следственных документов.

По тематике пять из публикуемых текстов (№№ 2, 8—10 и 13) посвящены вопросам судоустройства и отчасти судопроизводства, восемь (№№ 1, 3—7, 11 и 12) — различным аспектам уголовной политики. Содержание трех документов касается организации и деятельности Вышнего суда (№№ 8, 10 и 13), в двух — речь идет о следственных канцеляриях, традиционно неточно именуемых «майорскими» (№№ 32 и 9). Шесть документов представляют собой распоряжения Петра I по расследованию конкретных уголовных дел — братьев Соловьевых (№№ 1, 3 и 4), С.Ф.Попцова и А.Я.Нестерова (№№ 5—7). Что касается внешней стороны, то десять документов (№№ 1—2 и 6—13) заверены непосредственно субъектами верховной и высшей власти, три (№№ 3—5) — уполномоченными должностными лицами.

Из числа публикуемых текстов стоит обратить внимание, в частности, на указ Петра I от 9 декабря 1717 г. (№ 2) — единственный сохранившийся в подлиннике нормативный акт, регламентировавший работу полузабытых ныне «майорских» канцелярий. Возглавлявшиеся, как правило, вчерашними фронтовыми офицерами, подчиненные непосредственно монарху, эти учреждения оказались наиболее эффективными следственными инстанциями по делам о должностных преступлениях.

Работы канцеляриям хватало. Администрация «преображенной России» никак не менее старомосковской испытывала тяготение к «злым вымышленным взяткам» и к прочему «повреждению казенного интереса». Формы и масштабы злоупотреблений новоявленных комиссаров и фискалов особенно ярко высвечены в указах Петра I от 19 декабря 1718 г. и от 20 марта 1722 г. (№№ 3 и 5).

Безусловно, уникален в законотворческой практике Сената указ от 27 декабря 1725 г. (№ 11). Составленный в последний день жизни Петра I этот указ (не зря деликатно отредактированный впоследствии сотрудниками II Отделения) явственно отразил то состояние, в котором пребывали сенаторы в преддверии кончины первого российского императора. Отсюда — и актуализация проходивших по ведомству Духовного Синода религиозных мотивов, и полнейшая неотредактированность. В

итоге в небольшом по объему тексте совместились распоряжения о всероссийской амнистии, об амнистии для военнослужащих, а также о смягчении наказания расстрелянному Василию Ростовцеву.

Глубоко своеобразен своей логикой указ Екатерины I от 28 мая 1725 г. о делах по доношениям фискалов (№ 12). Откровенно констатируя полное бездействие судебной власти в преследовании взяточников и казнокрадов (их разоблачению и была посвящена основная часть доношений), указ вместо проведения мероприятий по улучшению деятельности судов предписал ликвидировать сами дела. Изрядное число лихоимцев, надо полагать, возрадовалось такому повороту в уголовной политике¹.

Публикуемая ниже подборка высочайших и сенатского указов 1716—1726 гг. добавляет, как представляется, немаловажные штрихи к истории отечественного правосудия, позволяет отчетливее представить как особенности правосознания законодателей, так и судьбы отдельных лиц и учреждений.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Д.О.СЕРОВ.

№ 1

Указ Петра I от 27 января 1716 г. о передаче Г.И.Кошелеву и Ф.Д.Воронову¹ комплекса особо важных уголовных дел

Указ господину полковнику Кошелеву и дьяку Воронову

Принять вам дела Курбатова с Соловьевым², которые оставлены в гварнизоне, и которые есть у Макарова³, и по оным свидетелствовать и розыскивать самую правдою, не маля никому. А особливо изследовать между Курбатова и Волконского⁴ в их ссорах, и что касаеця к нашему интересу (буде же и вновь какие от них друг на друга доношения будут, и те принимать и по них також розыскивать). И когда то все изследовано будет, о том к нам писать и без указа тех дел не вершить⁵.

В Санкт-Питербурхе
в 27 день генваря 1716

Петр

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 48. Подлинник. Подпись-автограф.

¹ Археографическая судьба указа от 28 мая 1725 г. загадочна. Его подлинник отложился в Книге именных указов Сенату за 1725 год, с которой, несомненно, работали составители «Полного собрания законов». Более того: внесенные в ПСЗ «Пункты о вотчинных делах» (№ 14 по сенатскому делопроизводству) помещены в Книге непосредственно вслед за указом о делах по фискальским доношениям (делопроизводственный № 13) — РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 38—41 (указ о делах по фискальским доношениям); Л. 43—72 (пункты о вотчинных делах) — ср.: ПСЗ Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 477—494. Если связать факт игнорирования указа о делах по фискальским доношениям с некой «самоцензурой» кодификаторов, то в этом случае неясно, отчего в ПСЗ вошли излагающие основные положения указа от 28 мая сенатские указы от 23 июня и от 27 октября 1725 г. (Там же. С. 508, 548).

² В нижнем левом углу помета: «Записать в книгу».

Краткое описание: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. 1. С. 35 (№ 398). *Пространное цитирование:* Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 41.

№ 2

**Указ Петра I от 9 декабря 1717 г. о порядке
деятельности и компетенции следственной канцелярии
ведения Г.И.Кошелева и Ф.Д.Воронова**

Указ господину полковнику Кошелеву и дьяку Воронову

Дела нижеписанныя по доношению фискалскому розыскать вам накрепко, правдою, не лицемеря, ниже маня или посягая, но как пред Богом и светом доброй ответ дать так, как добрым и честным афицерам надлежит, без всяких приказных крючков, но яко правдивому судье и исцу быть надлежит. Ежели ж какая мана, взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маеора Волхонского⁵). Розыскивать всякими людьми, хто к тому приличен будет, какова б высокова рангу ни был, допрашивать и очныя ставки давать: хто из генералных или министерских особ, тем в палате сенацкой (протчим же где дело будет). А хто к пытке принадлежит из воинских людей, пытать до обер-афицера. А над обор-афицерами перво держать крихсрехт, и ежели улика будет, по тому пытать. А о штап-афицерах и выше писать к нам, а в присутствии объявить. Сие разумеется о прямых афицерах, которыя в армии служат, также которыя за старостью или увечьем или по правдивому указу из армии в гварнизоны определены. А которыя в армии не служили, но выведены по прихотям, тех не почитать за афицеров, но за простых, и таких бес крихсрехта пытать, хто доведется, не толко оборно и штапных. Из земских же правителей ниже вице-губернаторов, которыя доведутца пытки, пытать. А о вице-губернаторах и выше писать или доносить. И тако, как выше писано, настоящия, по реэстру врученныя дела розыскивать, а посторонних не мешать. Но ежели какие пороки суперник на суперника подаст или посторонней дела, государственному интересу касающияся, или горазда в великих неправдах и граблении народа, и такие принимать за их руками и в дасужныя времена делать, из оных пункт розбирая, дело к делу. И об оных донестъ по совершении врученного дела, а без указу отнюдь не следовать. О врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт преступления потписан будет приговор, чему хто будет достоин, тогда доносить. А самому без доклада никаких дел не кончать и эксекуцей не чинить. И понеже Устава земского полного и порядочного не имеем, того ради всяких чинов людей, како б чину ни был, судить по правам воинским. К сему розыску в ассесоры, также приказных людей сколко надобно, брать указы в Сенате, где бес препятія оныя указы не писмом толко, но делом исправлять под опасением жестокого ответу^а.

Петр

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68—68об. Подлинник. Подпись-автограф.

^а В нижнем правом углу л. 68 помета: «Записан»; по нижнему полю л. 69, 70 и 70об., содержащих «Реэстр делам, врученных вам», запись-автограф Петра I: «В Питер-бурхе в 9 д[ень] декабря 1717».

Краткое описание: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 45. 1 (№ 502).

№ 3

Указ Петра I от 19 декабря 1718 г. о выплате Д.А., О.А. и Ф.А. Соловьевыми начетных денег и об аресте их имущества

1718-го декабря в 19 день царское величество, слушав поданного реэстра о Соловьевых пожитках, указал им свой царского величества имянной указ сказать: которая сумма за ними по изследованию дел явилась, а имянно семьсот девять тысячь шесть сот дватцать рублев дватцать семь алтын две денги, чтоб они заплатили в его величества казну в канцелярию розыскных дел. А имение их движимое и недвижимое иметь им при себе. И сей царского величества имянной указ записать в книгу^а.

Лейб-гвардии и от бомбардир подпорутчик *Языкоф*,
гвардии подпорутчик *Иванов*^б

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 133. Подлинник. Подписи-автографы.

№ 4

Указ Петра I от 11 января 1719 г. о конфискации имущества Д.А., О.А. и Ф.А. Соловьевых

1719-го генваря в 11 день царское величество указал по имянному своему великого государя указу: Дмитрея, Федора, Осипа Соловьевых движимое и недвижимое их имение все, что есть, как за морем, так и в российских городех отобрать на свое величество. И ежели за кем из их недвижимых именей каким подлогом что укреплено, или из движимых на сохранение у кого поставлены, и оно по тому ж взять на ево величество^б.

Порутчик *Иванов*

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 173. Подлинник. Подпись-автограф.

№ 5

Письмо А.В.Макарова П.И.Ягужинскому от 20 марта 1722 г., содержащее изложение указа Петра I о расследовании дела С.Ф.Попцова

Превосходительный генерал-лейтенант и генерал-прокурор,

Бил челом его императорскому величеству ярославец посацкой человек Иван Ивнов сын Сутягин, что, по челобитью ево на ярославского правинциал-фискала Саву Попцова во многих обидах и в разорении, и

---

^а В нижнем правом углу помета: «Записан».

Краткое описание: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 53. (№ 595).

^б В правом нижнем углу помета: «Записан».

Краткое описание: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 54 (№ 610).

в бою и увечье, и во взятии грабежем пожитков, в Юстиц-колегии и в Сенате решения получить не мог. Також при том своем челобитье приложил за своею рукою на него, Саву Попцова, пункты в держании беглых салдат, недорослей из шляхетства, гулящих людей и артилерского служителя, в собирании (чрез свойственника ево, Попцова, Степана Лихарева) в уезде с крестьянских дворов без указа по гривне з двора в неплачении с своих крестьянских дворов денежных зборов и нарядов и рекрут чрез многие годы и поныне, и в приеме, не поставя рекрут, вскладку посторонних вотчин многих крестьянских дворов, которые за неотправлением ево в доимки укоснели и поныне, в отпуске рекрут изо взятков, в утрате денежной казны, о которых делах подано на него, Попцова, в Сенате в 1718-м году в ыюле месяце доношение переславского подьячего Ивана Борисова. И того дела нигде не вершат. А понеже сии дела немалой важности, того для указал его императорское величество челобитную ево и пункты отослать к вашему превосходительству, дабы по тому делу изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе. И для того челобитную ево и пункты при сем прилагаю^а.

Марта в 20 день 722 году ис Преображенска
И остаюся слуга ваш

А. Макаров

РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 2—2об. Подлинник. Подпись-автограф.

№ 6

Указ Петра I от 15 октября 1722 г. о расследовании дела А.Я.Нестерова

Господин Ягушинской.

Письмо твое октября от 5-го числа до нас дошло, в котором пишешь, что фискал Попцова с розыску показал во взятках и в других преступлениях на обор-фискала Нестерова, також и в своих преступлениях винулся⁷. И оно дело велите по отлучении своем следовать и розыскивать прокурору Егору Пашкову⁸. И для того придай ему в помощь ис прокуроров, кого он будет требовать. И ежели обор-фискал дойдет до розыску, також и другия, то вели ими розыскивать⁶.

Из Астрахани в 15 день октября 1722

Петр

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 3. Подлинник. Подпись-автограф.

№ 7

Вопросные пункты Петра I А.Я.Нестерову от 31 января 1723 г.

Выписку вашего дела слушали, в которой ты, по доношениям на тебя Попцова и протчих, сам ты винулся в преступлениях своей долж-

^а *Краткий пересказ:* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 9. С. 454.

⁶ *Краткое описание:* Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 104. (№ 1189).

ности волею. И понеже знаешь, чему за сие достойно, того ради ныне желаетца от тебя ведать следующее. Понеже никаму так о том сведоному быть невозможно, как тебе: первые, по чину фискалскому, вторые, понеже прибежище всех воров был.

1. Кого знаешь из судей и протчих, [...] ^а кто что преступил должность свою по каким страстям во врученных им делах от 1718 году и доселе.

2. Кто еще из фискалоф есть преступители, и кто тому не причастен (кроме тех, которые уже по делу его явились) ^б.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 572. Подлинник. Автограф Петра I.

№ 8

Указ Петра I от 15 февраля 1723 г. о порядке рассмотрения Вышним судом⁹ уголовных дел

Что делать по моем отъезде.

Дела начатые: почепское, камисара Беляева, Шафирова¹⁰ денги как внутрь, так и вне государства, Нестерова, дяков преображенных и протчие, которые начаты и подписаны, следовать, сколько возможно сделать. А чего время не допустит, привезть с собою в Питербурх. А зделанные привезть для подписи, также и колодников. В главных делах быть всем для приговору, и прочие следовать кроме членов Сената¹¹, которым надлежит исполнять сенатские дела. Приехать в Питербурх к пятой неделе Поста.

15 февраля 1723 на Генералном дворе

Петр

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 381. Подлинник. Подпись-автограф.

№ 9

Указ Петра I от 9 декабря 1723 г. об упразднении следственных канцелярий

Указ

Те дела, которые по канцеляриям маеорским разослать, куды которое пристойно, а именно: ежели есть важные в Сенат, доимочные в Ревизион-кантору и протчие, как выше писано. Сие учинить в будущем генваре 1724^в.

В 9 д[ень] декабря 1723 в Санкт-Питербурхе

Петр

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 49. Подлинник. Автограф Петра I; наименование города — секретарское.

^а Зачеркнуто: «что».

^б В левом верхнем углу помета: «В 31 [исправлено с: 29] день ген[варя]».

^в *Краткое описание*: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 118 (№ 1339).

Полное цитирование: Веретенников В.И. Тайная канцелярия... С. 68.

№ 10

Указ Петра I от 9 декабря 1723 г.
о рассылке части дел Вышнего суда

Все дела мелкие, которые не касаются до судей, отослать, куды которое пристойно, вноф не принимать к рассмотрению. А которые явятся, отсылать для решения, куды надлежит^{12а}.

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 36об. Подлинник. Автограф Петра I.

№ 11

Указ Сената от 27 января 1725 г. об амнистии

Генваря 27-го дня 1725 го[ду], по указу его императорского величества, Правительствующий Сенат приказали: для его императорского величества многолетнего здравия, и дабы Господь Бог даровал от скорби его величеству облегчение: по которым делам в Военной коллегии и в полках лейб-гвардии по Военным артикулом присуждены к смертной казни или в ссылку на каторгу вечно, тем всем вины оставить кроме государственных вин, касающихся к первым двум пунктам¹³, и смертных убивств и учиненных неоднократных разбоев и ис-под арестов свободить. А при свободе объявить им, что те их тяжкие вины отпущены для здравия его величества, и чтобы они о том его величества здравия к Богу молитвы приносили. А Преображенского полку писарю Василью Ростовцову, которой малолетнюю девку растлил насилием, и которому надлежало учинить смертную казнь, дать живот и сослать вечно на каторгу по указу. Також которые и в штатских коллегиях и канцеляриях по правам осуждены к смертной казни или вечно на каторгу, тем также кроме вышеписанных же государственных вин и смертных убивств и учиненных разбоев вины оставить и свободить^б.

Генерал-адмирал граф *Апраксин*

Князь *А.Репнин*

Канцлер граф *Головкин*

Граф *Петр Тальстой*

Граф *Яков Брюс*

Граф *Мусин-Пушкин*

Князь *Василей Долгорукой*

Обер-секретарь *Анисим Маслов*

Князь *Дмитрей Галицын*

Секретарь *Иван Богданов*

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1937. Л. 178—178об. Подлинник. Подписи-автографы.

^а В конце «Реэстра делам, которые в канцелярии Вышняго суда следованием окончаны и выписки учинены», докладывавшегося Петру I 9 декабря 1723 г.

Краткое описание: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. С. 118 (№ 1338).

^б В верхнем левом углу л. 178 помета: «№ 91»; в левом нижнем углу л. 178об. запись: «Подписан того ж числа».

Сокращенная публикация: ПСЗ Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 409—410.

№ 12

Указ Екатерины I от 28 мая 1725 г. о прекращении следствия по делам, возникшим по доношениям фискалов до 1721 г.

По милосердным блаженные и вечнодостоянные памяти его императорского величества определено

1

Октября 22-го дня прошлого 1721-го году для вечного мира с Свейскою короною генералное прощение и отпущение вин во всем государстве явить всем тем, которые в тяжких и других преступлениях в наказании впали или ко оным осуждены суть, такожде и тем, которые в государственных долгах в тюрьмах и за арестом сидят, и на которых оные правят, а заплатить не могут, такожде и все доимки, которые подданные по нужде до того времени за скудостию заплатить не могли (хотя оные в нескольких миллионах состоять могут) с начала войны по 1718-й год оставить, токмо выключая из того прощения тех, которые ради смертных убивств или неоднократных учиненных разбоев осуждены.

И по тому его императорского величества указу, всем тем, которых дела по вышеписанное октября 22 число вершены, вины отпущены и на ком какая доимка и долги были, а платить нечем, оставлены. А которые за множеством дел по то число не вершены, тем прощения не учинено.

2

В прошлом 1724-м году для коронации вашего величества доимочных податей со крестьян впредь 3 года, а данных денег ис казны впредь же два года править не велено. А на ком такая доимка и долги есть, о том велено рассмотреть в Сенате, чего ради такие ведомости в Сенат велено подать в конце сего года неотменно.

3

Ныне для поминовения блаженные и вечнодостоянные памяти его императорского величества и для вашего величества многолетнего здравия милосердие к падшим в вины показано, и хотя которые на каторги сосланы были не точию временно, но и вечно свободждаются, такожде которые в коллегиях и в канцеляриях осуждены к смертной казни или временно ж и вечно на каторгу, тех свободить велено ж (кроме смертных убийц и учиненных неоднократных разбоев)¹⁴. И тако прощение вин и оставление доимок и долгов как прежде получили, так и ныне получают токмо те, которых дела окончаны. Протчие ж, которых дела еще не изследованы и не решены, те таких вашего величества многих щедрот и отпущения своих вин лишаются.

А понеже, как в коллегиях и в канцеляриях, так в губерниях и провинциях, во всех вышних и нижних судах таких, по доношениям фискалским и доносительным старых лет дел и по них колодников многие тысячи¹⁵. А следуютца те дела от 700-го году чему уже болши 20 лет, и многих людей, на которых те доносы, уже в лицах нет, и для того тех дел ко окончани и к решению привести не можно, и продолжаются за

тем многое время, от чего в настоящих делах чинитца оstonовка и опущение времени, так что никаким прилежным трудом не достает времени. И колодников везде множество ныне содержитца и всегда умножается.

Того ради всепокорно мнение свое вашему величеству доносим: не соизволит ли ваше величество, как по содержанию милосердых блаженные и вечностойные памяти его императорского величества прошлого 1721-го году, так и по нынешним вашего величества, старых лет все дела по фискальным и доносительным доношениям указать отставить кроме доимок с крестьян и данных ис казны денег, о которых определено в Сенате рассмотреть, також и положенных штрафов за прописку душ. А производить те по фискальным и доносительным доношениям дела, которые впали в погрешение с 1721-го году, а по 721-й год отставить. А которые дела старых лет решены или и не решены, а до сего времени исследованы и к решению готовы, также на ком что доправить велено, а не доправлено, о тех делах рассмотреть в Сенате. А впредь доносителем мимо фискалов нигде не доносить, а подавать доношения фискалом. И, подав те доношения, фискалом в дела самим не вступать, разве когда потребуется от него доказательство, то им доказывать с подлинными документами.

Сие мнение господ сенаторей ее величество государыня императрица изволила принять за благо^а.

Екатерина

Павел Ягушинской

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 38—41. Подлинник. Подписи-автографы.

№ 13

Указ Екатерины I от 14 марта 1726 г. об упразднении Вышнего суда

Указ в канцелярию Вышняго суда

Понеже указом блаженные и выскославныя памяти государя императора, каков состоялся в 1723-м году декабря 9 дня, велено имеющиеся вершеные и невершеные дела, которыя неважныя розослать в Сенат и в другия места, которыя куды прилично, и по тому указу многие дела еще и поныне не отосланы. Того для, кои неважныя, те разошлите, не мешкав, куда надлежит, а о важных, зделав реэстр, доложить нам самим.

В 14 день марта 1726 в Санкт-Питербурхе.

Екатерина

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 59. Подлинник. Подпись-автограф.

^а В нижнем левом углу л. 41 запись: «№ 13. Маяя 28-го дня 1725-го года»; фраза «Сие мнение... изволила принять за благо» написана рукой тайного кабинета-секретаря А.В.Макарова.

Примечания

¹ *Кошелев Герасим Иванович* — в описываемое время капитан гвардии, полковник, глава Канцелярии подрядных дел; *Воронов Федор Дмитриевич* — дьяк следственной канцелярии ведения В.В.Долгорукова.

² Речь идет о расследовании дела братьев Соловьевых — самого, возможно, значительного экономического преступления в истории России XVIII в. Инициатором этого расследования выступил архангельский вице-губернатор А.А.Курбатов, в феврале 1713 г. известивший Петра I о махинациях обер-комиссара Дмитрия Соловьева с товарами казенного экспорта. (В дальнейшем выявилась причастность к нелегальным операциям Дмитрия Алексеевича также двух его братьев — российского комиссара в Амстердаме Осипа Соловьева и дворецкого А.Д.Меншикова Федора Соловьева). Располагавшие широкими связями в правительственных кругах, братья сумели встречно опорочить Алексея Курбатова, который сам оказался под следствием, а в январе 1714 г. был смещен с должности. Следственное производство по делам А.А.Курбатова и братьев Соловьевых неизменно осуществлялось строго параллельно, одними и теми же учреждениями (подробнее об этом см.: Серов Д.О. Холоп во власти: круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Социокультурные исследования. 1997. Сб. статей. Новосибирск, 1997. С. 34—43).

³ *Макаров Алексей Васильевич* — кабинет-секретарь Петра I.

⁴ Майор Семеновского полка князь М.И.Волконский в июле 1713 г. был направлен Петром I в Архангельск для «розыска» по делу Дмитрия Соловьева. Не особенно продвинувшись в разбирательстве «худых поступков» обер-комиссара, Михаил Иванович развернул полномасштабное следствие против А.А.Курбатова и его подчиненных. Вице-губернатор не остался в долгу. Согласно выписке, составленной в канцелярии Г.И.Кошелева и Ф.Д.Воронова, Алексей Александрович представил майора сущим исчадием ада: «...Он, Волконской... многих государственных интересов повредитель, лукавой прикрыватель и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца... вор и коварный составщик и лакомый злодеец и давно обыкший ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал у себя бабу волшебницу...» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 27. Л. 782). От расследования архангельских дел М.И.Волконский был отстранен не позднее середины 1715 г. (подробнее о его криминалистической деятельности см.: Серов Д.О. «Регулярное государство» в поисках организационных форм противодействия должностной преступности: Следственная канцелярия М.И.Волконского (1713—1715 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 157—162).

⁵ С 1716 г. находившийся под следствием канцелярии Г.И.Кошелева и Ф.Д.Воронова Михаил Волконский, по-видимому, в декабре 1717 г. предстал перед военным судом. Состав инкриминировавшихся ему деяний не вполне ясен: к настоящему времени не удалось выявить материалов ни следственного, ни судебного дел майора. Насколько можно судить, князь был обвинен в свертывании расследования против Дмитрия Соловьева, частичной фальсификации дела А.А.Курбатова и, судя по всему, во взятках с поморских жителей. Как бы то ни было, финал этой истории оказался для Михаила Волконского трагичным. 9 декабря 1717 г. он был расстрелян (см.: Походный журнал 1717 года. Спб.,

1855. С. 36). Знаменательно совпадение этой даты с временем подписания указа Г.И.Кошелеву и Ф.Д.Воронову, особенно, если вспомнить, что в те же декабрьские дни возникли еще пять следственных канцелярий: ведения М.Я.Волкова, П.М.Голицына, И.И.Дмитриева-Мамонова, С.А.Салтыкова и Г.Д.Юсупова (РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 12). По всей вероятности, именно будущие руководители канцелярий (за исключением, разумеется, «статского» Федора Воронова) и образовали судебное присутствие, вынесшее смертный приговор М.И.Волконскому. «Пример» «бывшаго маеора Волхонского» адресаты публикуемого указа могли «видеть» и в ином смысле: нет сомнений, что Г.И.Кошелев и Ф.Д.Воронов присутствовали при казни М.И.Волконского.

⁶ *Иванов Василий Иванович и Языков Василий Григорьевич* — в описываемое время подпоручики гвардии, ассесоры следственной канцелярии Г.И.Кошелева.

⁷ Подвергнутый 25 августа 1722 г. пытке, С.Ф.Попцов 28 и 31 августа подал две повинные (в 29 и 70 пунктов), в которых подробно осветил, помимо собственной, преступную деятельность многих должностных лиц, включая А.Я.Нестерова (РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 678—685об, 686—724об.).

⁸ *Пашков Егор Иванович* — в описываемое время капитан гвардии, прокурор Военной коллегии. Заметим, что в 1722 г. следственная деятельность прокуроров не была предусмотрена ни одним нормативным актом (см. гл. 2 Адмиралтейского регламента и указ от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора» — ПСЗ. Т. 7. С. 544—545, 662—664). Таким образом, занимаясь расследованием дела фискалов, П.И.Ягужинский и Е.И.Пашков действовали заведомо вне рамок своей должностной компетенции, выступая как руководители классической «розыскной» канцелярии, временно организованной для разбирательства конкретных уголовных дел.

⁹ Созданный 9 января 1723 г. для рассмотрения дела П.П.Шафирова и Г.Г.Скорнякова-Писарева изначально как временное судебное присутствие, Вышний суд уже в конце января стал трансформироваться в постоянно действующее учреждение. Указ от 15 февраля, думается, завершил процесс этой трансформации, закрепив в производстве суда набор особо важных дел по должностным преступлениям (общую характеристику Вышнего суда см.: Бабиц М.В. Вышний суд как высшее учреждение Петровской эпохи // Петр Великий и его время. Материалы всероссийской научной конференции. СПб., 1999. С. 18—22). Само наименование «Вышний суд», насколько можно судить, впервые было употреблено А.В.Макаровым в письме Петру I от 17 марта 1723 г. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 63. Л. 833).

¹⁰ *Шафиров Петр Павлович* (1669—1739) — государственный деятель и дипломат, вице-канцлер, барон с 1710 г.

¹¹ В момент основания в состав Вышнего суда вошли 10 человек: шесть военнослужащих (А.П.Баскаков, С.И.Блеклый, А.Ф.Бредихин, И.И.Бутурлин, И.М.Головин и И.И.Дмитриев-Мамонов), московский вице-губернатор И.Л.Воейков и три сенатора — А.А.Матвеев, И.А.Мусин-Пушкин и Я.В.Брюс (подробнее о формировании персонального состава Вышнего суда см.: Серов Д.О. Процесс П.П.Шафирова 1723 г.: юридические аспекты // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. Труды межрегиональной научной конференции. Псков, 1997. С. 66—69).

¹² Это положение указа от 9 декабря 1723 г. не было реализовано при жизни Петра I. Достаточно сказать, что именно Вышнему суду в ноябре 1724 г. император поручил рассмотрение дела В.И.Монса.

¹³ Речь идет о сформулированных указом от 25 января 1715 г. составах наиболее тяжких преступлений (по которым разрешалось без ограничений извещать лично царя). «1. О каком злом умысле против его величества или измены. 2. О возмущении или бунте» (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. С. 138).

¹⁴ Имеются в виду публикуемый выше указ Сената от 27 января 1725 г., а также дополнивший его указ Екатерины I от 30 января того же года (Там же. Т. 7. С. 411—412).

¹⁵ Упоминание о «многих тысячах» колодников, содержащихся по фискальским доношениям, не было, похоже, особенным преувеличением. Так, согласно доношению Воронежского надворного суда Юстиц-коллегии от 28 февраля 1723 г., по состоянию на этот момент из дел, возникших по фискальским доношениям, решенных насчитывалось 159, находившихся в стадии расследования — 467 (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 5951. № 102. Л. 1об.).

«ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ С ДВУМЯ ПРОСЬБАМИ»

Письмо М.И.Калинина И.В.Сталину. 1944 г.

Публикуемый текст письма М.И.Калинина¹ хранится среди поступивших в ГА РФ в 1998 г. биографических материалов, рукописей докладов, статей, переписки А.Ф.Горкина². Александр Федорович многие годы работал секретарем Президиума Верховного Совета СССР, председателем Верховного суда СССР. Подлинник письма, как свидетельствует отпуск препроводительной записки к нему, А.Ф.Горкин направил 4 июня 1946 г., на следующий день после кончины М.И.Калинина, заведующему канцелярией Сталина А.Н.Поскребышеву³. «Настоящее письмо на имя товарища Сталина написано тов. Калининным перед операцией, которая имела место 10 июня 1944 г., — сообщал Александр Федорович. — Тов. Калинин опасался неблагоприятного исхода операции.

Письмо находилось среди личных документов тов. Калинина, без конверта: письмо было передано мне его дочерью для вручения тов. Сталину» (ГА РФ. Ф. 10078. Оп. 8. Д. 9. Л. 1).

Екатерина Ивановна Калинина (урожд. Лерберт), о которой идет речь в лаконичном письме, эстонка по национальности, 1882 года рождения. Она была из многодетной семьи. Отец — поденщик, мать — прачка. Образование — низшее. С одиннадцати лет трудилась на ткацких фабриках. Участвовала в первой русской революции. После очередного увольнения с работы за революционную деятельность ткачиху приютила в Петербурге большевичка Т.А.Словатинская⁴, у которой Екатерина Ивановна стала жить в прислугах. Там и встретил ее М.И.Калинин. В 1906 г. он привез на родину, в деревню Верхняя Троица Тверской губернии. Она вела домашнее хозяйство, муж продолжал работать в столице. В конце 1916 г. Екатерина Ивановна пишет прошение о разрешении мужу отправиться в ссылку не этапом, а самостоятельно, сама решила ехать с детьми за мужем в Восточную Сибирь.

¹ Калинин М.И. (1875—1946) — участник революционного движения, член РСДРП с 1898 г. С марта 1919 г. председатель ВЦИК, с 30 декабря 1922 г. одновременно один из председателей ЦИК СССР. С 15 января 1938 г. по 15 марта 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР. С марта 1946 г. член Президиума Верховного Совета СССР.

² Горкин А.Ф. (1897—1988) — советский партийный и государственный деятель, член РСДРП с 1916 г. С июля 1937 г. секретарь ЦИК СССР. С января 1938 г. по март 1953 г. секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

³ Поскребышев А.Н. (1891—1965) — с 1930 г. заведующий Секретным отделом (с 1934 г. Особым сектором) ЦК ВКП(б).

⁴ Словатинская Т.А. (1879—1957) — участница революционного движения с 1898 г. После Октябрьской революции — дежурный секретарь Бюро секретариата ЦК и Политбюро ЦК РКП(б), заместитель начальника политотдела армии, фронта.

События 1917 г. круто изменили жизнь супругов. С 1919 г. их квартира — в Московском Кремле. Екатерина Ивановна учится на курсах медицинских сестер, участвует в организации детских садов, школ. Вместе с мужем совершает поездку по городам и весям советской России на агитпароходе «Октябрьская революция». Летом 1921 г. уезжает с детьми в Верхнюю Троицу, занимается там хозяйством, в следующем году возвращается в Москву, заканчивает медицинские курсы. Вскоре ее назначают заместителем директора ткацкой фабрики «Освобожденный труд». Болезнь и неудовлетворенность работой руководителя фабрики заставили ее уехать на Алтай. Там она возглавила местный отдел Всеработземлеса, участвовала в строительстве дома отдыха ВЦИК. После возвращения (1934 г.) в Москву работала в Верховном суде РСФСР. 25 октября 1938 г. была арестована по обвинению в правотроцкистской деятельности и приговорена к лишению свободы в ИТЛ сроком на 15 лет.

Помиловали и освободили ее из лагеря вскоре после окончания Великой Отечественной войны. 24 августа 1954 г. Е.И.Калинина направила заявление Генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко⁵ о замене помилования на полную реабилитацию. Просьба вдовы М.И.Калинина, матери пятерых детей — троих родных и двух приемных — была удовлетворена. Скончалась Екатерина Ивановна в 1960 г., похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

Публикацию подготовил Н.С.ЗЕЛОВ.

М.И.Калинин — И.В.Сталину

8 июня 1944 г.

Т. Сталин,

я спокойно смотрю в будущее нашей страны, в будущее советского народа и желаю лишь одного, чтобы как можно дольше сохранились Ваши силы — лучшая гарантия успехов Советского государства.

Лично я обращаюсь к Вам с двумя просьбами: помиловать Екатерину Ивановну и назначить [пенсию] моей сестре, на которую я возложил обязанность растить двух мальчиков, полных сирот, живущих у меня.

От всей души последний привет.

М.Калинин

ГА РФ. Ф. 10078. Оп. 8. Д. 9. Л. 2. Рукописная копия. Автограф А.Ф.Горкина.

---

⁵ Руденко Р.А. (1907—1981) — советский государственный деятель, с 1953 г. генеральный прокурор СССР.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ» В 2000 Г.*

	№	Стр.
К 55-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ		
«Это радость со слезами на глазах...» (А.А.Чернобаев).....	2	3
«Стремление на фронт у меня неистребимо». Письмо генерал-полковника Ф.И.Голикова И.В.Сталину. 1944 г. (А.С.Божич)	2	4
«Родина благодарна своим сынам-пограничникам». Журнал учета боевых действий пограничных войск НКВД Ленинградского округа. 1941 г. (И.К.Белик, Е.В.Шумилова)	2	21
«Никогда не погибнет русский народ и Россия». Дневник генерал-майора П.Г.Тюхова. 1941—1944 гг. (В.С.Астраханский)	2	77
Фотолетопись. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. (Г.И.Науменко)	2	107
«На станцию Химки был подан эшелон». Воспоминания профессора М.В.Мельникова о работе в 1941—1943 гг. на опытном авиазаводе (Г.А.Медведева, Л.В.Успенская)	2	115
Трудовая дисциплина в годы войны (Г.В.Серебрянская).....	2	122
«Власть, которая грабит население...» Германский окупационный режим на территории Ленинградской и Московской областей. Ноябрь 1941 г. (О.Б.Мозохин, В.П.Ямпольский).....	2	131
Фотолетопись. Встреча союзников: 9 мая 1945 г. Из фондов Центрального музея Великой Отечественной войны (В.С.Астраханский)	2	145
«Прошу Ваших указаний». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г.Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 1943—1945 гг. (М.И.Одинцов).....	2	153

* Внутри рубрик публикации расположены по хронологии событий.

Исторические корни немецкого фашизма. Статья академика Р.Ю.Виппера. Август 1941 г. (А.А.Чернобаев)	2	187
«Эта книга тоже для фронта!» Письма писателей В.И.Костылева и А.Н.Толстого. 1941 г. (Г.И.Науменко, Н.Е.Хитрина)	2	205
Прифронтовой ГКО. Из протоколов заседаний Горьковского городского комитета обороны. 1941—1942 гг. (В.В.Смирнов)	2	210
«За прожитое мне не стыдно». Письмо В.П.Полетаевой. 1990 г. (Ю.А.Перчиков).....	2	217

К 175-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Истинные и верные сыны Отечества (А.А.Чернобаев)	6	3
«Во внимании к пользам государственным...» Записка графа А.А.Аракчеева Александру I о реформе армии. 1815 г. (К.М.Ячменихин)	6	4
«Прошу избавить меня от сего поручения». Письмо декабриста Н.В.Басаргина П.Д.Киселеву (П.В.Ильин)	6	21
«Истинное изображение нравственного состояния войск». Записка декабриста Н.И.Кутузова Николаю I. 1826 г. (А.В.Семенова).....	6	30
Крестный путь декабристов в Сибирь. Документы об отправке осужденных на каторгу и в ссылку и об условиях их содержания. 1826—1837 гг. (В.А.Федоров)....	6	46
«Обнимаю вас еще раз — пора в путь». Письма с Кавказа декабриста М.М.Нарышкина. 1837—1838 гг. (А.К.Нарышкин).....	6	57

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА

«Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому духовенству...» Из воспоминаний Н.П.Розанова. 1905—1907, 1917 гг. (М.И.Одинцов)	3	90
«Почти все пожелания Римской курии... получают ныне полное удовлетворение». Из секретной переписки Русской миссии в Ватикане. Февраль—октябрь 1917 г. (М.И.Одинцов)	4	113
«Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому). 1921—1922 гг. (М.И.Одинцов)	1	35
«Мне так хочется сложить свои старые кости в родной земле...» Митрополит Евлогий (Георгиевский) и Московская патриархия. 1944—1946 гг. (М.И.Одинцов) ..	6	100

АРХИВ ВОЖДЕЙ

«Такой человек не может быть заложником...» Письмо швейцарского социал-демократа Карла Моора В.И.Ленину. 1918 г. (И.А.Гараевская)	1	3
«Пересмотрите дело с баранами». Письма М.П.Томского В.И.Ленину. 1921 г. (Д.А.Аманжолова, О.И.Горелов).....	4	3
«Рабочая масса не чувствует в фабзавкоме свою организацию». Справка Информотдела ЦК РКП(б) И.В.Сталину. 1925 г. (К.И.Веришко, О.И.Горелов)	3	3
«Я не верю этому». Отклики трудящихся на решения июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС (В.В.Смирнов, Н.Е.Хитрина)	1	10

РОССИЯ В КОСМОСЕ

«Так начиналось создание ракетной техники в СССР». Воспоминания участников запусков ракеты Р-1 в 1947—1951 гг. (А.В.Серегин, В.М.Смирнов).....	1	21
«Тяготы и лишения были не напрасны». Воспоминания генерал-майора Н.Г.Мерзлякова о работе на полигоне Капустин Яр в 1949—1955 гг. (Н.Н.Мерзляков)	5	17
«Рок взял верх над разумом». Современники об испытаниях ракеты Р-16 и Главном маршале артил- лерии М.И.Неделине (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина) ...	5	3
«Хорошо, что у стыковочного узла был приличный запас прочности!» Воспоминания летчика-космонавта СССР В.Н.Кубасова (О.Н.Чернышева)	4	16

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

«Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943—1944 гг. (В.П.Сидоренко)	3	66
«Я не теряю надежды». Письма В.Т.Шаламова Г.А.Воронской. 1957—1977 гг. (Т.И.Исаева).....	1	130

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

МАДИ в предвоенные и военные годы. Из воспоминаний директора института С.П.Артемьева (В.Н.Луканин, Л.Е.Грачева)	5 6	64 90
По законам военного времени. Июнь—декабрь 1941 г. (А.А.Печенкин)	3	33
«Анализ дел по вскрытой вражеской агентуре свидетельствует...» О методах работы германских		

спецслужб на Украине. Декабрь 1941 г. (О.Б.Мозохин, В.П.Ямпольский).....	4	35
Война и дети. Их приютили горьковчане. 1941—1945 гг. (В.В.Смирнов).....	4	49
«Немецкая разведка является довольно сильным противником». О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии. 1942 г. (И.К.Белик, Е.В.Шумилова).....	5	27
В небе Прибалтики. Воспоминания летчиков А.В.Козлова и В.М.Воронцова (Т.А.Головкина).....	3	44

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«Каждый готов выполнить свой долг по защите страны». Донесения военных атташе правительства Виши. 1941—1942 гг. (С.С.Попова).....	3	51
--	---	----

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

«Милый мой аракчеевец». Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901—1915 гг. (Т.А.Лобашкова).....	5	141
«Что-то дикое, ужасное, но героически благородно!» Записки графини Е.Л.Камаровской. Декабрь 1905 г. (М.И.Чернов).....	5	163
Власть и крайние правые партии. Запись беседы Дворцового коменданта В.А.Дедюлина (1908 г.) и Записка члена Совета министра внутренних дел Н.Ч.Зайончковского (1913 г.) (Ю.И.Кирьянов).....	1	85
«Самое значительное из написанных Вами произведений». Письма издательства «Мир» к Г.В.Плеханову. 1909—1917 гг. (Хироси Сакамото, Япония).....	3	106
«Мне хотелось бы ввести Вас в “интимную сторону” нашего партийного бытия». Письмо Б.С.Васильева П.Б.Аксельроду. 1921 г. (Д.Б.Павлов).....	4	147

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

«Целью института является...» Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919—1920 гг. (Л.А.Молчанов).....	6	158
«Нет ни пафоса, ни подъема, ни веры». Из дневника В.И.Вернадского. 1932 г. (В.П.Волков).....	1	109

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Под лазурным небом Италии...» Документы о судьбе бывших российских военнопленных в лагерях на острове Азинара. 1919—1920 гг. (А.Л.Райхцаум).....	5	78
--	---	----

«Россия нуждается в успокоении». Дневник князя В.А.Оболенского. 1921 г. (Н.И.Канищева, К.Г.Ляшенко, В.В.Шелохаев).....	4	57
«Всякое лицо, приезжающее или выезжающее из Германии, обязано...» Справка Российской делегации в Берлине. 1921 г. (А.Л.Райхцаум).....	1	141
«В Вас я верю. Но иногда Вам не верю». Письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой. 1922—1936 гг. (М.Г.Вандалковская).....	6	142
«Злая фея нас разделяет». Письма русских писателей Е.А.Ляцкому. 1924—1930 гг. (С.И.Михальченко).....	5	93
«...Гранит одела синева». Из интервью Б.И.Николаевского Л.Хеймсону. 1963 г. (А.П.Ненароков).....	4	105
«Эмиграция все фантазирует и пальцем в небеса хватает». Переписка Н.В.Устрялова и С.В.Дмитриевского. 1932—1933 гг. (О.А.Воробьев).....	3	82

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

О распространении тревожных слухов. Из архивов политического сыска. 1862—1890 гг. (В.И.Кочанов, Е.И.Щербакова).....	3	123
«Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную политику». Письма князя В.П.Мещерского цесаревичу Александру Александровичу. 1871 г. (Н.В.Черникова).....	3	137
«Побольше гласности, побольше правды!» Речь присяжного поверенного В.Н.Герарда на процессе «50-ти». 1877 г. (Н.А.Троицкий).....	4	166
«Попробую заняться воспоминаниями». Д.И.Рихтер о встречах с Л.Н.Толстым. (О.А.Сайкин).....	6	178
«Мы не террористы». «Записки для памяти» о процессе «14-ти». 1883 г. (Н.А.Троицкий).....	1	200

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Загадка комиссионных грамот. XVI век (Б.М.Пудалов)....	5	202
«Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716—1726 гг. (Д.О.Серов).....	6	200
Нынешней планировкой Астрахань обязана В.Н.Татищеву. Август 1745 г. (И.В.Торопицын).....	3	207
Гаврила Краснопольский — первый нижегородский городской лекарь (И.А.Макаров, Е.А.Чижова).....	1	216

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

«Тайники чужой души». Дневник П.И.Бартенева. 1854—1858 гг. (И.А.Смирнова)	1 3 4	147 170 181
«Только Великая Екатерина окончила период древней Руси». Заметка графа С.Д.Шереметева по истории России XVIII—XIX вв. (Л.И.Шохин)	6	188
«Каждый обязан бороться на своем месте». Письма П.Г.Виноградова к П.Б.Струве. 1902—1904 гг. (А.В.Антощенко).....	5	186
«Папа, несмотря на занятость, уделял мне какое-то время». Из воспоминаний В.М.Ливановой-Любовской (Т.Г.Ливанова)	4	200

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

Неизвестный проект Александра I. Черновик манифеста об учреждении министерств. 1802 г. (М.А.Приходько) ...	5	206
Из истории Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г. Письма М.Н.Загоскина Л.М.Савелову. 1913—1917 гг. (А.К.Нарышкин, О.Н.Наумов).....	4	206
«Мы упивались кровью и горем наших братьев». Письмо В.И.Волотковича секретарю ЦК РКП(б) Н.Н.Крестинскому. 1919 г. (Л.В.Борисова).....	1	219
«Курьезное предложение, сделанное американской печатью». Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б). 1922 г. (А.А.Данилов)	2	213
«Спасите нас от голода». Письмо рабочих Ижевского завода А.И.Рыкову. 1930 г. (В.В.Смирнов, Н.Е.Хитрина)	4	212
«Революция убита богами большевизма». Воспоминания о М.П.Томском. 1936 г. (О.И.Горелов, Л.Д.Шаповалова) ...	5	210
«Обращаюсь к Вам с двумя просьбами». Письмо М.И.Калинина И.В.Сталину. 1944 г. (Н.С.Зелов).....	6	212

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VI. 1990 г. (В.П.Догаева).....	5	215
Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. (И.Н.Камардин, А.С.Касимов).....	2	216
Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.). Документы и материалы (П.М.Полян).....	5	219

Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX в. 1985—1996 гг.		
Исторический архив. 1919—1999 гг. Указатель документальных публикаций (В.А.Баламутенко)	4	214
Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895—1917 гг. (И.В.Черказьянова)	4	218

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Мастера русской историографии: Михаил Покровский (1868—1932) (А.А.Чернобаев)	5	125
«Союз» — «Аполлон». Первый международный полет космических кораблей. 1975 г. (Т.А.Головкина).....	4	21

ИНФОРМАЦИЯ

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Исторический архив» в 2000 г.	6	214
--	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

К 175-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

- Истинные и верные сыны Отечества** (А.А.Чернобаев) 3
- «Во внимании к пользам государственным...»** Записка графа А.А.Аракчеева Александру I о реформе армии. 1815 г. (К.М.Ячменихин) 4
- «Прошу избавить меня от сего поручения».**
Письмо декабриста Н.В.Басаргина П.Д.Киселеву (П.В.Ильин) 21
- «Истинное изображение нравственного состояния войск».** Записка декабриста Н.И.Кутузова Николаю I. 1826 г. (А.В.Семенова) 30
- Крестный путь декабристов в Сибирь.** Документы об отправке осужденных на каторгу и в ссылку и об условиях их содержания. 1826—1837 гг. (В.А.Федоров) 46
- «Обнимаю вас еще раз — пора в путь».** Письма с Кавказа декабриста М.М.Нарышкина. 1837—1838 гг. (А.К.Нарышкин) 57

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- МАДИ в предвоенные и военные годы.** Из воспоминаний директора института С.П.Артемьева (В.Н.Луканин, Л.Е.Грачева) (*Окончание*) 90

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА

- «Мне так хочется сложить свои старые кости в родной земле...»** Митрополит Евлогий (Георгиевский) и Московская патриархия. 1944—1946 гг. (М.И.Одинцов) 100

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «В Вас я верю. Но иногда Вам не верю...»** Письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой. 1922—1936 гг. (М.Г.Вандалковская) 142

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

- «Целью института является...»** Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919—1920 гг. (Л.А.Молчанов) 158

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «Попробую заняться воспоминаниями».** Д.И.Рихтер о встречах с Л.Н.Толстым в 1881—1894 гг. (О.А.Сайкин) 178

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Только Великая Екатерина окончила период древней Руси». Заметка графа С.Д.Шереметева по истории России XVIII—XIX вв. (Л.И.Шохин)..... 188

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716—1726 гг. (Д.О.Серов)..... 200

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «Обращаюсь к Вам с двумя просьбами». Письмо М.И.Калинина И.В.Сталину. 1944 г. (Н.С.Зелов)..... 212
- Указатель материалов, опубликованных в журнале «Исторический архив» за 2000 г. 214

CONTENTS

ON THE 175TH ANNIVERSARY OF DECEMBRIST ARMED COUP

- True and faithful sons of Motherland** (A.A.Chernobaev) 3
- «**In consideration of benefiting the state...**» Count A.A.Arakcheev's memorandum to Alexander I on the army reform. 1815. (K.M.Yachmenikin) 4
- «**Kindly spare me carrying out this commission**». Decembrist N.V.Basargin's letter to P.D.Kiselev (P.V.Ilyin) 21
- «**True picture of morale of the troops**». Decembrist N.I.Kutuzov's memorandum to Nicolas I. 1826. (A.V.Semenova) 30
- Road to Siberia became for Decembrists their golgotha**. Documents on dispatch of convicts condemned to penal servitude and exile and conditions of keeping them there. 1826—1837. (V.A.Feodorov)..... 46
- «**Embrace you once more — it's time to go**». Decembrist M.M.Naryshkin's letters from Caucasia. 1837—1838. (A.K.Naryshkin)..... 57

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- MADI (Moscow Motor-Vehicle and Road Institute) in pre-war years and during the war**. From Institute's Director S.P.Artemiev's reminiscences (V.N.Lukanin, L.E.Gracheva) (*The End*) 90

ON THE 2000TH ANNIVERSARY OF CHRISTIANITY

- «**My cherished dream is to have my mortal remains committed to the earth at home...**» Metropolitan Evlogii (Georgievsky) and Moscow Patriarchy. 1944—1946. (M.I.Odintsov) 100

RUSSIANS ABROAD

- «**I believe in you. But sometimes do not believe you...**» P.N.Miliukov's letters to E.D.Kuskova. 1922—1936. (M.G.Vandalkovskaya) 142

INTELLIGENTSIA AND POWER

- «**Institute was founded for the purpose of...**» Documents on organization and activities of Institute of Siberia's Exploration. 1919—1920 (L.A.Molchanov) 158

THE NINETEENTH CENTURY

- «**I'll make a try to set about writing memoirs**». D.I.Richter on his meetings with L.N.Tolstoy in 1881—1894. (O.A.Saikin) 178

HISTORY AND HISTORIANS

- «**Only during the reign of Cathrine the Great the period of Old Russia was over**». Count S.D.Sheremetev's notes on the history of Russia of XVIII—XIX centuries (L.I.Shokhin). 188

FROM ANCIENT TIMES

- «**Detect crimes and find out the truth by instituting a thorough inquiry without any departmental pettifoggery**». Decrees in the sphere of judicature and criminal policy issued by Peter The Great, Cathrine I and Senate. 1716—1726. (D.O.Serov) 200

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «**I have two favours to ask of you**». M.I.Kalinin's letter to J.V.Stalin. 1944. (N.S.Zelov) 212
- Index of publications in «Historical Archives» Journal in 2000** 214

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- ВАНДАЛКОВСКАЯ** Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- ГРАЧЕВА** Любовь Евгеньевна — кандидат исторических наук, декан гуманитарного факультета МАДИ(ТУ)
- ЗЕЛОВ** Николай Степанович — главный специалист ГА РФ
- ИЛЬИН** Павел Владимирович — кандидат исторических наук, ответственный редактор сборника «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография»
- ЛУКАНИН** Валентин Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор технических наук, ректор МАДИ(ТУ)
- МОЛЧАНОВ** Леонид Алексеевич — доктор исторических наук, доцент РГГУ
- НАРЫШКИН** Александр Кириллович — профессор МЭИ(ТУ)
- ОДИНЦОВ** Михаил Иванович — доктор исторических наук, начальник отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ
- САЙКИН** Олег Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного открытого педагогического университета
- СЕМЕНОВА** Анна Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- СЕРОВ** Дмитрий Олегович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Новосибирской государственной академии экономики и управления
- ФЕДОРОВ** Владимир Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой МГУ
- ШОХИН** Леонид Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий специалист РГАДА
- ЯЧМЕНИХИН** Константин Михайлович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Черниговского государственного педагогического университета

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 08.11.2000.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 1000 экз. Заказ № 879

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6.

Вестник Российского гуманитарного научного фонда

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1562-0484

**«Вестник РГНФ» — один из самых авторитетных
и солидных мультидисциплинарных журналов
гуманитарного профиля в России**

Журнал является официальным органом Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Он информирует о состоянии и перспективах развития гуманитарных наук, публикует научные статьи по истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, правоведению, политологии, филологии, искусствоведению, психологии, педагогике, аналитические материалы о результатах и проблемах независимой научной экспертизы в России, о способах эффективного финансирования гуманитарных исследований и их практического применения в государственных интересах.

Только на страницах журнала «Вестник РГНФ» в полном объеме представляются **нормативные документы** Фонда, объявления о конкурсах, проводимых Фондом, в том числе **формы заявок** и образцы их правильного заполнения, **полные списки проектов**, поддержанных по итогам конкурсов, **формы отчетности по грантам**.

Журнал регулярно информирует своих читателей о постановлениях Правительства Российской Федерации, касающихся деятельности фондов и российской науки в целом.

«Вестник РГНФ» является источником полезной информации как для ученых, преподавателей и студентов, так и для организаторов науки, административных работников, руководителей научных институтов, издательства, высших учебных заведений. Своевременное ознакомление с условиями конкурсной финансовой поддержки научных проектов позволяет рассчитывать на получение дополнительных средств для их реализации. Тематическое разнообразие и высокий научный уровень публикуемых материалов делают «Вестник РГНФ» ценным научным журналом широкого профиля, в котором затрагиваются значимые и актуальные научные проблемы. Журнал иллюстрированный.

Подписаться на «Вестник РГНФ» можно в любом почтовом отделении по каталогу «Российские и зарубежные газеты и журналы» Агентства подписки и розницы (АПР). Подписной индекс **72574**. Журнал можно выписать и через каталог виртуального магазина «Пресса» на сайте <http://pressa.apr.ru>, поддержку которого осуществляет Агентство подписки и розницы. Подписаться или приобрести отдельные номера «Вестника РГНФ» за **льготную плату** можно и в самой редакции журнала по адресу: Москва, ул. Ярославская, д. 13, 5 этаж, ком. 8 (проезд до метро «ВДНХ»).

Контактная информация:

Телефон: (095) 283-58-50;
E-mail: bulletin@rfh.ru;

Факс: (095) 283-54-20;
<http://www.rfh.ru>

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на I полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите сумму –

270 руб. на расчетный счет издательства через любое отделение
Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ

Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с индексом, фамилию, имя и отчество; в графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах
Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект номеров журнала за 1999 и 2000 год. Стоимость 1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 2-3) — **65 руб.**,
За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и
за 2000 г. (№№ 1-4) — **95 руб.**, включая стоимость почтовой пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для подведомственных Росархиву учреждений при подписке в издательстве (а также при покупке номеров журнала за предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.) устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru